

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХИГС ХАБАРОВСК

ISSN 1818-4049
(print)

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Н. Н. ГОРБАЧЕВ

Реализация принципов ESG в проекте «Арктический пояс и путь»:
проблемы и решения

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

О. В. ДЕМИНА, С. Н. НАЙДЕН, П. С. БРАВОК

Трансформация условий энергосбережения Хабаровского края:
социально-экономические последствия

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

И. В. ЗИКУНОВА

Региональный парламентаризм в условиях глобальных вызовов
и неопределенности: опыт и уроки

РАЗВИТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Н. М. БАЙКОВ, Ю. В. БЕРЕЗУТСКИЙ

Дальневосточный вектор подготовки управленческих кадров
в системе партийного образования (1920-е – начало 1940-х гг.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ХАБАРОВСК

№ 3
(108)
2024

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2024 г. № 3 (108)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

научный журнал
2024 г. № 3 (108)

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: Ю. В. Березутский

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)
Ю. В. Березутский, к.с.н., доцент (Россия)
Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)
И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)
Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)
С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)
Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)
А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)
Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)
О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)
О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)
А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)
О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)
С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)
Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)
Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)
Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)
Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр. (Китай)
Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

**POWER AND
ADMINISTRATION
IN THE EAST
OF RUSSIA**

**scientific journal
2024, no. 3 (108)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: Yu. V. Berezutskiy

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscommadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

Yu. V. Berezutskiy, Candidate of Sociology, Associate Professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)

I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)

Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyangpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Горбачёв Н. Н.	Реализация принципов ESG в проекте «Арктический пояс и путь»: проблемы и решения	8
Изотов Д. А.	Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.)	22

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Дёмина О. В. Найден С. Н. Бравок П. С.	Трансформация условий энергоснабжения Хабаровского края: социально-экономические последствия	39
Лагулова Е. С. Кулагина О. В.	Модели векторной авторегрессии в прогнозировании инфляционных процессов на региональном уровне (на примере Еврейской автономной области)	55
Хван И. С. Медведев Е. А.	Состояние рынка труда как индикатор использования кадрового потенциала в Дальневосточном федеральном округе	68

Теория и практика экономики и управления

Зикунова И. В.	Региональный парламентаризм в условиях глобальных вызовов и неопределенности: опыт и уроки	76
----------------	--	----

Медведева Н. В. Маслюк Н. А.	Механизмы зрелости регионального инвестиционного стандарта как фактор повышения инвестиционной активности территорий Российской Федерации	86
Башмаков Д. В.	Типология власти Макса Вебера в контексте проектного управления	99
Кисленок А. А. Бурик М. В.	Методика комплексной оценки шокоустойчивости территориальных образований	112
Чимитдоржиев Ж. Ж. Мазанкова Т. В. Басова С. Н. Золотова Я. В.	Смена поколений в предпринимательской среде: цифровой и технологический разрывы	128
Блинова Т. Н. Хакимов Т. С.	Оперативное управление фитнес-клубом	143

Развитие управленческого образования на Дальнем Востоке России

Байков Н. М. Березутский Ю. В.	Дальневосточный вектор подготовки управленческих кадров в системе партийного образования (1920-е – начало 1940-х гг.)	153
Кривоносова Л. А. Бондаренко В. И.	Становление и развитие социологии в системе партийных и государственных образовательных учреждений Дальнего Востока России (1958–2010 гг.)	175

CONTENTS

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

- Gorbachev N. N. Implementing ESG principles in the Arctic Belt and Road Initiative: problems and solutions 8
- Izotov D. A. Trade of Northeast Asian Countries in the global unstable economic development period (2014–2023) 22

The Far East: strategies and development models

- Dyomina O. V.
Naiden S. N.
Bravok P. S. Transformation of energy supply conditions in Khabarovsk krai: socio-economic consequences 39
- Lagulova E. S.
Kulagina O. V. Models of vector autoregression in forecasting inflationary processes at the regional level (using the example of the Jewish Autonomous Region) 55
- Khvan I. S.
Medvedev E. A. The state of the labor market as an indicator of the use of human resources in the Far Eastern Federal District 68

Theory and practice of economics and management

- Zikunova I. V. Regional parliament in the context of global challenges and uncertainty: experience and lessons 76

Medvedeva N. V. Maslyuk N. A.	Formation and Development of Sociology in the System of Party and State Educational Institutions of the Russian Far East (1956 - 2010)	86
Bashmakov D. V.	Max Weber's typology of authority in the context of project management	99
Kislenok A. A. Burik M. V.	Methodology for comprehensive assessing the shock resilience of territorial formations	112
Chimitdorzhiev Zh. Zh. Mazankova T. V. Basova S. N. Zolotova Ya. V.	Generational change in the business environment: digital and technological gap	128
Blinova T. N. Khakimov T. S.	Operational management of a fitness club	143

Development of education in the sphere of management in the Far East of Russia

Baykov N. M. Berezutskiy Yu. V.	Far Eastern vector of training management personnel in the system of political party education (1920s – early 1940s)	153
Krivososova L. A. Bondarenko V. I.	Formation and Development of Sociology in the System of Party and State Educational Institutions of the Russian Far East (1958–2010)	175

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Научная статья

УДК 332.12

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-8-21

Реализация принципов ESG в проекте «Арктический пояс и путь»: проблемы и решения

Николай Николаевич Горбачёв

Минский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
Минск, Республика Беларусь

Gorbachev.NN@rea.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы повестки целей устойчивого развития (ЦУР) на основе реализации принципов охраны окружающей среды, социальных и управленческих аспектов (ESG) в рамках проекта «Арктический пояс и путь» (АПиП) и предложены возможные решения с использованием механизма государственно-частного партнёрства (ГЧП). Целью является анализ подходов к реализации ЦУР и принципов ESG в проекте Арктического шелкового пути как ключевого элемента инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) и разработка предложений для интеграции устойчивого развития, охраны окружающей среды и справедливого экономического развития в рамках этой инициативы с учетом возможных рисков. На основе использования количественных и качественных методов была исследована гипотеза того, что интеграция производных страховых инструментов (ILS) и инструментов ESG в стратегии управления рисками проекта АПиП будет связана со способностью проекта защищать критически важные инфраструктурные инвестиции от экологических и геополитических неопределенностей, тем самым повышая финансовую устойчивость и устойчивость в регионе. Используя инструменты ILS для хеджирования потенциальных потерь от стихийных бедствий и экстремальных погодных явлений, усугубленных изменением климата, проект может повысить свою финансовую устойчивость и обеспечить непрерывность критически важных инвестиций в инфраструктуру. Также интеграция принципов ESG в стратегии управления рисками проекта соответствует цели продвижения устойчивых практик, экологической ответственности и взаимодействия с заинтересованными сторонами.

Ключевые слова: устойчивое развитие, проект «Арктический пояс и путь», принципы ESG, государственно-частное партнерство, финансовая устойчивость, производные страховые инструменты ILS

Для цитирования: Горбачёв Н. Н. Реализация принципов ESG в проекте «Арктический пояс и путь»: проблемы и решения // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 8–21. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-8-21>

Original article

Implementing ESG principles in the Arctic Belt and Road Initiative: problems and solutions

Nikolay N. Gorbachev

Minsk branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Minsk, Republic of Belarus

Gorbachev.NN@rea.ru

Abstract. *The article examines the issues of the sustainable development goals (SDGs) agenda based on the implementation of environmental, social and corporate governance (ESG) principles within the Arctic Belt and Road (ABRR) project and proposes possible solutions using the public-private partnership (PPP) mechanism. The objective is to analyze approaches to the implementation of the SDGs and ESG principles in the Arctic Silk Road project as a key element of the Belt and Road initiative, and to develop proposals for integrating sustainable development, environmental protection and equitable economic development within this initiative, taking possible risks into account. By using quantitative and qualitative methods, the article explores the hypothesis that the integration of insurance-linked securities (ILS) and ESG instruments into the risk management strategy of the Arctic Belt and Road project will be associated with the ability of the project to protect critical infrastructure investments from environmental and geopolitical uncertainties, thereby increasing financial stability and sustainability in the region. By using ILS tools to hedge potential losses from natural disasters and extreme weather events exacerbated by climate change, a project can improve its financial resilience and ensure the continuity of critical infrastructure investments. On the other hand, integrating ESG principles into a project's risk management strategies is consistent with the goal of promoting sustainable practices, environmental responsibility, and stakeholder engagement.*

Keywords: Sustainable Development, Arctic Belt and Road, ESG Principles, Public-Private Partnerships, Financial Sustainability, ILS Insurance-linked Securities

For citation: Gorbachev N. N. (2024) Implementing ESG principles in the Arctic Belt and Road Initiative: problems and solutions *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 8–21. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-8-21>

Введение

Проект «Арктический пояс и путь» (АПиП) является частью инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) – крупнейшего инфраструктурного проекта современности, инициированного Правительством Китайской Народной Республики в 2013 г. По мнению Си Цзиньпина, Китаю «удалось сформировать глобальную сеть взаимосвязанности, состоящую из транспортных и информационных коридоров с опорой на железные дороги, автодороги, воздушные и морские порты, трубопроводы. Такая сеть покрывает сухопутные,

морские, воздушные пути сообщения и Интернет. Осуществляется масштабный бесперебойный поток грузов, капитала, технологий и людей»¹. Арктическая часть проекта стала центром глобального дискурса, привлекая внимание благодаря своей цели по созданию экономического коридора и инфраструктуры в сложных климатических условиях Севера. Учитывая чувствительную экологическую и геополитическую природу Арктики, существует проблема согласования его целей с концепцией устойчивого развития (ЦУР), современными подходами к охране окру-

¹ Си, Цзиньпин. Во имя открытости, толерантности, взаимосвязанности и совместного развития в мире. Программное выступление на церемонии открытия 3-го Форума международного сотрудничества «Один пояс и один путь». 18 октября 2023 г. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/334507.html> (доступ 8/8/2024)

жающей среды и концепцией социальной ответственности бизнеса (ESG). Всестороннее понимание интеграции принципов ЦУР и ESG в рамках проекта АПиП, а также оценка возможных рисков при реализации проекта, имеют основополагающее значение для содействия ответственному и устойчивому развитию в Арктическом регионе.

Целью является анализ подходов к реализации ЦУР и принципов ESG в проекте АПиП как ключевого элемента инициативы ОПОП и разработка предложений для интеграции устойчивого развития, охраны окружающей среды и справедливого экономического развития в рамках этой инициативы с учетом возможных рисков.

Задачами исследования являются:

1. Анализ существующих подходов к оценке рисков природных катастроф проекта АПиП.

2. Анализ производных инструментов ILS и ESG для определения возможности их интеграции в проекты развития инфраструктуры АПиП.

3. Оценка возможности использования инструментов финансового рынка, таких как ESG-облигации и CAT-облигации, для защиты инвестиций в критическую инфраструктуру, смягчения климатических рисков и обеспечения финансовой устойчивости в условиях экологической неопределенности и геополитических сложностей в Арктике.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что интеграция облигаций ESG и CAT-облигаций в стратегии управления рисками проекта «Арктический пояс и путь» продемонстрирует связь с возможностью защиты критически важных инфраструктурных инвестиций от экологической неопределенности и геополитических проблем, тем самым повышая финансовую устойчивость и устойчивость в регионе (H1).

Обзор литературы

«Арктический пояс и путь» является одним из элементов инициативы ОПОП [Глянц, 2017]. Он дает ряд преимуществ в смягчении повышенных геополитических рисков, одним из которых является потенциал разведки и добычи ресурсов в Арктике, что стало возможным благодаря таянию полярных льдов, вызванному изменением климата [Горкина, 2013]. Этот экологический сдвиг создает возможно-

сти для использования ресурсов, таких как нефть, природный газ и редкоземельные элементы. Благодаря созданию торговой и транспортной инфраструктуры вдоль АПиП, Китай, Россия и другие государства могут получить доступ к этим ресурсам, одновременно уменьшая свою зависимость от других регионов.

В условиях эскалации геополитических рисков и торговой напряженности диверсификация торговых путей через Арктику предлагает стратегический способ смягчить свои в традиционных торговых каналах. АПиП стал альтернативным путем для международной торговли, способствуя экономической устойчивости и снижая восприимчивость к геополитическим конфликтам. Эта стратегия диверсификации не только повышает безопасность торговли, но и подчеркивает важность использования новых путей для устойчивого экономического роста в условиях меняющихся геополитических ландшафтов [Потравный, 2017].

Инвестиции в инфраструктуру АПиП стимулируют экономический рост, создание рабочих мест и устойчивое развитие в отдаленных арктических сообществах [Денисов, 2020]. Стратегические инвестиции и партнерство в инфраструктурных проектах и торговых инициативах способствуют экономической стабильности. Одним из хорошо зарекомендовавших себя инструментов стали ГЧП, которые открывают многочисленные возможности для сотрудничества России и Китая. Эти партнерства открывают доступ к капиталу частного сектора, позволяя финансировать крупномасштабные инфраструктурные проекты, которые могут выходить за рамки финансовых возможностей одного лишь государства [Новосёлов, 2018].

ГЧП являются источником инвестиций для крупномасштабных инфраструктурных проектов. Эти партнерства предоставляют возможность для привлечения капитала, опыта и ресурсов частного сектора, тем самым облегчая финансирование и реализацию критически важных инфраструктурных разработок в Арктическом регионе [Потравный, 2016]. Китайские партнеры подходят к инвестированию в такие проекты достаточно осторожно, учитывая различные риски. Посредством комплексной оценки рисков и стратегий их снижения китайские компании стре-

мятся принимать обоснованные инвестиционные решения в развитии арктических инфраструктурных проектов. Одним из ключевых рисков в регионе является обеспечение устойчивого функционирования транспортной инфраструктуры в условиях Арктического региона [Сазонов, 2021]. Инвестируя в развитие проекта АПиП, для китайских компаний важно обеспечить их сохранность, а также возможность быстрого восстановления в случае стихийных бедствий. Правительство Китая акцентирует внимание на важности факторов ESG в содействии устойчивому экономическому развитию, усилении защиты окружающей среды и укреплении социальной ответственности. В последние годы Китай предпринял шаги по включению соображений ESG в различные политические рамки, включая пятилетние планы страны, инициативы зеленого финансирования и стратегии промышленного развития [Луконин, 2021].

Интеграция производных инструментов ILS и ESG в механизмы финансирования проектов, управляемых ГЧП, позволит повысить их экологическую устойчивость [Саврасов, 2024], что важно, учитывая экологические особенности Арктического региона. Облигации ESG являются инструментом, который подтвердил свою эффективность в части согласования инвестиций с экологическими и социальными целями. Это позволяет привлечь ответственный капитал инвесторов в проекты арктической инфраструктуры. Использование второго инвестиционного инструмента в виде ILS в рамках ГЧП может помочь управлять рисками, связанными, например, с климатом, с инфраструктурой Арктики путем предоставления финансовой защиты от стихийных бедствий или экологических изменений. Интегрируя облигации ESG и ILS в стратегии финансирования ГЧП для арктической инфраструктуры, заинтересованные стороны могут эффективно способствовать устойчивому развитию, управлению рисками и инвестиционной привлекательностью региона [Растопчина, 2023].

Это также важно с точки зрения низкого уровня охвата страхованием (insurance penetration rate). Несмотря на высокие риски природных катастроф в странах проекта ОПОП, уровень охвата страхованием является крайне низким.

Параметр охвата страхованием используется как показатель развития страхового сектора в стране и рассчитывается как отношение общих страховых премий к валовому внутреннему продукту в конкретном году [Enz, 2000] (табл. 1).

Данные в таблице 1 указывают на крайне низкий уровень охвата страхованием в России и на необходимость дополнительных мер по секьюритизации рисков при создании и эксплуатации транспортной инфраструктуры ОПОП, что будет способствовать долгосрочной устойчивости и успеху проекта АПиП в России в целом, а также повысит привлекательность для инвесторов, которые соответствуют критериям ESG и предлагают поддержку для развития инфраструктуры [Ерохин, 2021].

Кроме этого, проект АПиП сталкивается с климатическими рисками из-за уникальных природных условий региона, которые влияют на устойчивость инфраструктурных проектов [Лукин, 2013]:

1. Таяние арктических льдов и вечной мерзлоты: в Арктике наблюдается значительное таяние льдов и вечной мерзлоты из-за изменения климата. Это приводит к рискам для создаваемой инфраструктуры.

2. Экстремальные погодные явления: из-за изменения климата в Арктике более часто происходят экстремальные погодные явления, такие как штормы, сильные осадки и резкие перепады температур, которые также являются одним из серьезных рисков для инфраструктурных проектов.

3. Эрозия прибрежной полосы: повышение уровня моря и сокращение морского ледяного покрова способствуют усилению эрозии побережья, угрожая портовой инфраструктуре проекта.

4. Изменения в экосистемах: изменение климата вызывает сдвиги в арктических экосистемах, что может повлиять на жизнеспособность строительных проектов и эксплуатацию транспортных путей.

Методы

В исследовании использована комбинация количественных и качественных методов, что позволило проанализировать возможности использования мирового опыта в области обеспечения защиты инфраструктурных проектов от рисков природных катастроф. На первом этапе был

Таблица 1

Показатели уровня страхования в государствах арктического региона и КНР за 2022–2023 гг.

	2023			2022		
	Имущество	Жизнь	Здоровье	Имущество	Жизнь	Здоровье
Среднемировой показатель	3,88	3,0	1,3	3,9	3,0	1,2
Китай	1,2	2,2	0,7	1,2	2,1	0,7
Россия	н/д	н/д	н/д	0,6	0,3	0,9
США	4,4	2,6	3,9	3,2	3,3	3,0
Канада	3,0	3,1	1,3	3,3	3,3	1,2
Финляндия	1,5	1,6	0,2	1,7	1,6	0,2
Норвегия	2,6	3,7	0,1	2,6	3,2	0,1
Швеция	1,4	5,7	н/д	1,4	5,7	н/д
Дания	2,6	7,0	0,2	2,6	7,0	0,2

Источники: составлено автором на основе данных: Atlas Magazine², Allianz^{3,4}, Банк России⁵.

осуществлен сбор и анализ статистических данных из отчетов об инвестициях в инфраструктурные проекты в Арктическом регионе, а также данных о страховом рынке стран этого региона. Был проведен анализ литературных источников, охватывающих развитие рынка страховых деривативов и проекта ОПОП. Использование комбинации этих подходов способствовало анализу проблем и возможностей в области обеспечения защиты транспортной инфраструктуры, включая проект АПиП. Рабочая гипотеза исследования предполагает, что интеграция облигаций ESG и CAT-облигаций в стратегии управления рисками проекта «Арктический Пояс и Путь» будет связана со способностью проекта защищать критически важные инфраструктурные инвестиции от экологических и геополитических неопределенностей, тем самым повышая финансовую устойчивость и устойчивость в регионе (Н1).

Подходы к оценке рисков природных катастроф проекта АПиП

Существует ряд общепризнанных подходов к оценке рисков природных катастроф.

1. Картирование и анализ рисков

включает в себя систематический процесс выявления, оценки и картирования территорий, уязвимых к стихийным бедствиям в контексте конкретного проекта или региона. В случае проекта АПиП этот подход подразумевает использование географических информационных систем (ГИС) и технологий дистанционного зондирования для картирования территорий, подверженных различным природным опасностям, таким как таяние вечной мерзлоты, изменение ледяного покрова, экстремальные погодные явления и потенциальные геологические риски.

2. Анализ исторических данных включает систематическое изучение прошлых стихийных бедствий и их последствий в регионе АПиП. Для этого проекта анализ исторических данных охватывает изучение экстремальных погодных явлений. На основе анализа данных устанавливаются закономерности, тенденции и области, которые исторически были подвержены определенным типам стихийных бедствий.

3. Прогнозы изменения климата включают оценку и прогнозирование влияния климатических изменений на риски стихийных бедствий в географиче-

² Atlas Magazine, n/d. Europe: insurance penetration rate by country. URL: <https://www.atlas-mag.net/en/category/tags/pays/europe-insurance-penetration-rate-by-country> (доступ 15/09/2024).

³ Allianz, 2023 Allianz Global Insurance Report 2023 https://www.allianz.com/content/dam/onemarketing/azcom/Allianz_com/economic-research/publications/specials/en/2023/may/2023_05_17_Insurance-Report_AZ.pdf (доступ 15/09/2024).

⁴ Allianz Global Insurance Report 2024 https://www.allianz.com/content/dam/onemarketing/azcom/Allianz_com/economic-research/publications/specials/en/2024/may/2024-05-23-Global-Insurance-Report.pdf (доступ 15/09/2024).

⁵ Банк России, 2024. Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков https://www.cbr.ru/analytics/insurance/overview_insurers/ (доступ 15/09/2024).

ческой области АПиП. Прогнозы изменения климата имеют важное значение из-за быстро меняющихся условий окружающей среды в арктическом регионе, включая повышение температуры, таяние льдов, деградацию вечной мерзлоты и климатические изменения. Климатические модели и данные для моделирования и проектирования будущих климатических сценариев, включая выбросы парниковых газов, изменение температуры, протяженность морского льда и характер осадков позволяют оценить, как изменение климата может повлиять на частоту, интенсивность и распределение стихийных бедствий в арктическом регионе.

4. *Использование экспертных оценок* включает взаимодействие со специалистами в области климатологии, геологии, экологии, управления рисками стихийных бедствий для разработки рекомендаций по рискам стихийных бедствий для объектов инфраструктуры АПиП. Взаимодействие с экспертным сообществом также способствует междисциплинарному сотрудничеству, обеспечивая целостное понимание рисков стихийных бедствий в рамках проекта. Используя опыт и знания специалистов, лица, принимающие решения, могут делать более обоснованный выбор при разработке устойчивой инфраструктуры, планов реагирования на стихийные бедствия и устойчивых методов управления окружающей средой, адаптированных к уникальным вызовам, которые создает окружающая среда Арктики.

5. *Взаимодействие с заинтересованными сторонами* включает активное вовлечение широкого круга заинтересованных сторон, включая местные сообщества, группы коренных народов, правительственные учреждения, неправительственные организации, компании, ведущие проекты в регионе, в процесс оценки рисков АПиП⁶. Взаимодействие с заинтересованными сторонами способствует совместному принятию решений, что важно в контексте формирования ГЧП в рамках проекта.

6. *Анализ сценариев* включает систематическое изучение потенциальных сценариев стихийных бедствий и их потенци-

ального воздействия на инфраструктуру проекта «Арктический пояс и путь». В контексте проекта АПиП анализ сценариев будет включать создание гипотетических, но реалистичных сценариев катастроф с учетом таких факторов, как экстремальные погодные явления, деградация вечной мерзлоты, таяние льда и связанные с ними опасности, уникальные для арктической среды. Моделируя эти сценарии, заинтересованные стороны могут оценить потенциальные риски для инфраструктуры, экосистем, сообществ и логистических операций, связанных с проектом.

7. *Прикладные методы и инструменты оценки рисков* включают приложения, используемые для оценки и анализа вероятности и потенциальных последствий стихийных бедствий для конкретного проекта, региона или организации (географические информационные системы (ГИС), программное обеспечение для моделирования рисков, инструменты оценки устойчивости и др.

При рассмотрении геополитических и экологических последствий реализации проектов АПиП важна комплексная оценка рисков, консультации с заинтересованными сторонами и соблюдение международной практики в области устойчивого развития [Бадылевич, 2023]. С геополитической точки зрения проект приводит к усилению конкуренции и увеличению кооперации. Это требует совершенствования структуры управления проектами в регионе и нормативно-правовой базы для управления возросшей экономической активностью. Проект имеет потенциал для содействия стратегическим альянсам и партнерствам между арктическими и неарктическими государствами.

Механизмы ГЧП при реализации инфраструктурных проектов и секьюритизации рисков проекта АПиП

Китайские инвестиции в Арктический и Дальневосточный регионы России в рамках инициативы ОПОП предполагали значительное участие в строительстве объектов по производству сжиженного природного газа (СПГ). В частности, яркими примерами служат проект «Ямал СПГ» с инвестициями свыше 11 млрд долларов

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 марта 2021 г. № 484 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации».

США и проект «Арктик СПГ» с инвестициями свыше 1,6 млрд долларов США. Кроме того, в декабре 2022 г. ввод в эксплуатацию Ковыктинского газоконденсатного месторождения и нового участка газопровода «Сила Сибири» ознаменовал успешное завершение этого проекта. Одновременно ведется строительство крупного газоперерабатывающего завода в Свободном, расположенном в Амурской области, полная эксплуатационная готовность которого планируется к 2025 г. Инвестором проекта в Свободном выступает China Gezhouba Group Corporation (CGGC). После завершения строительства Амурский газоперерабатывающий завод (ГПЗ) должен стать крупнейшим в России предприятием по переработке природного газа и мировым лидером по производству гелия⁷. Несмотря на существующее санкционное давление на эти проекты, продолжаются дискуссии относительно строительства сопоставимого предприятия в Мурманске в сочетании с переговорами о предоставлении налоговых льгот инвесторам.

Инфраструктура АПиП играет решающую роль в содействии ряду взаимосвязанных проектов, особенно в сфере добычи полезных ископаемых, транспортировки и развития портовой инфраструктуры⁸. Примером является использование Северного морского пути (СМП) для добычи и транспортировки полезных ископаемых в Арктике, что является оптимальным каналом для доступа к месторождению редкоземельных металлов Томтор в Якутии [Potravny et al., 2022]. Раскрытие горнодобывающего потенциала в европейской части Арктики требует улучшения транспортной инфраструкту-

ры. В настоящее время рассматривается проект по созданию железнодорожной ветки в Баренцевом море в районе бухты реки Индиги, а также строительство объектов портовой инфраструктуры, что отражает необходимость развития инфраструктуры для поддержки проектов по добыче полезных ископаемых.

Инвестиционные проекты компании «Норильский никель», направленные на укрепление транспортных возможностей через СМП, являются неотъемлемой частью развития городов Норильск и Дудинка, подчеркивая связь между развитием инфраструктуры и экономической деятельностью в арктическом регионе. Кроме того, расширение территорий добычи углеводородов в Арктике подчеркивает необходимость дополнительных инвестиций в портовую инфраструктуру ключевых морских портов в Сабетте (Ямало-Ненецкий автономный округ), Диксоне (Красноярский край), Певеке и Провидения (Чукотский автономный округ) [Потравный и др., 2023].

Несмотря на экономические санкции, эксперты отмечают, что прогнозы для экономики СМП, являющегося основой инфраструктуры АПиП, не изменились. Прогнозируется, что до 2035 г. по этому маршруту запланировано перевезти 1,8 млрд т грузов общей стоимостью 111 трлн рублей, а к 2031 г. грузопоток по СМП должен превысить 200 млн т грузов⁹. Прогнозируемый объем грузопотока по СМП в 2024–2034 гг. приведен в таблице 2.

СМП все больше привлекает внимание не только России, но и таких стран, как Швеция, Финляндия и Норвегия. Эти

Таблица 2

Прогнозируемый объем грузопотока по СМП в 2024–2034 гг.

Годы	2024	2026	2028	2030	2032	2034
Объем грузов, млн т	90,01	124,39	164,59	216,45	229,83	238,31

Источник: составлено автором на основе данных¹⁰

⁷ Кутузова М. Китай как крупнейший инвестор арктических проектов. URL: <https://goarctic.ru/news/kитай-kak-krupneyshiy-investor-arkticheskikh-proektov/> (доступ 18/08/2024)

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 августа 2022 г. № 2115-р «Об утверждении Плана развития Северного морского пути на период до 2035 года»

⁹ RSMD. Российско-китайский диалог: модель 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiysko-kitayskiy-dialog-model-2023/> (in Russian) (доступ 15/05/2024)

¹⁰ Сухановская, Т. Перевозки по Северному морскому пути активно растут. Российская газета - Спецвыпуск: Устойчивое развитие №135(9377). URL: <https://rg.ru/2024/06/24/reg-szfo/arkticheskij-ekspress.html>

страны рассматривают СМП как путь для ускоренной и экономически эффективной доставки грузов. Использование СМП дает этим странам возможность оптимизировать логистические и транспортные системы. Интерес со стороны Швеции, Финляндии и Норвегии подчеркивает динамику арктического морского судоходства. Признавая СМП в качестве альтернативы традиционным морским маршрутам, эти страны пытаются извлечь выгоду, стимулируя инновации и сотрудничество в сфере арктического судоходства и логистики. Например, протяженность маршрута из Мурманска в Японию через Красное и Средиземное моря, составляет почти 13 000 морских миль, в то время как использование Северного морского пути сокращает это расстояние до 5 770 миль, что делает его более выгодным и эффективным маршрутом.

В 2023 г. появился новый участник транспортных проектов в Арктике. Республика Беларусь заявила о планах построить портовую инфраструктуру в районе Мурманска для доставки грузов (в частности, калийных удобрений) в государства Юго-Восточной Азии. После переориентации грузов из Балтийских портов в порты Мурманска в 2022 г., было принято решение о строительстве мультимодального терминала на территории порта Лавна, через который в 2028 г. планируется перевалка 25–30 млн т грузов¹¹.

Производные ILS и ESG инструменты представляют собой два инновационных финансовых инструмента, которые, функционируя в рамках ГЧП, призваны обеспечить снижение рисков, связанных с инфраструктурой проекта «Арктический пояс и путь».

История ILS восходит к середине 1990-х гг., когда облигации катастроф появились как финансовый инструмент для передачи рисков от традиционных страховых компаний на рынок капитала. Это было обусловлено необходимостью реагирования на нехватку капитала в страховом секторе после урагана Эндрю. CAT-облигации имеют параметрическую

природу с заранее определенными триггерами, основанными на параметрах, а не на фактической компенсации убытков. Эти инструменты были официально оформлены в 1996 г. и стали частью альтернативного традиционного рынка страхования и перестрахования. Сегодня ILS объединяют четыре инструмента: облигации катастроф (cat bonds), контракты на убытки по отрасли (ILW), обеспеченное перестрахование (collateralized retro) и выделенные портфели (sidecars).

ILS предоставляют средства для передачи инфраструктурных рисков на рынки капитала, тем самым диверсифицируя источники финансирования за пределами традиционных источников. Однако при наступлении крупной природной катастрофы в странах с большой долей государственной собственности в инфраструктурных объектах, в том числе в Китае и в России, страховые компании сталкиваются с рядом трудностей при определении величины убытков и возмещении ущерба. Государственные органы предпочитают создание резервных фондов или использование альтернативных методов финансирования, например, государственных займов, для защиты своего имущества и населения в случае стихийных бедствий.

В Китае создано несколько резервных фондов для финансирования работ по оказанию помощи при стихийных бедствиях и восстановлению после катастроф. Национальный фонд по уменьшению опасности стихийных бедствий и оказанию помощи находится в ведении Министерства финансов и используется для оказания чрезвычайной помощи и поддержки пострадавших от стихийных бедствий районов. По официальным данным, по состоянию на 2021 г. фонд накопил более 190 млрд юаней (примерно 29 млрд долларов США) в резервах. Фонд страхования от стихийных бедствий управляется Комиссией по регулированию страхования Китая и используется для компенсации убытков, вызванных стихийными бедствиями. Фонд в основном финансируется за счет страховых

¹¹ Поперечнюк, А. Терминал для перевалки грузов из Белоруссии построят в Мурманской области в 2028 г. // Ведомости, 22 августа, 2024 г. URL: <https://spb.vedomosti.ru/economics/news/2024/04/22/1033381-terminal-dlya-perevalki-gruzov-iz-belorussii-postroyat-v-murmanskoi-oblasti-v-2028-g>

взносов, уплачиваемых физическими и юридическими лицами. По состоянию на 2021 г. фонд аккумулировал более 50 млрд юаней (примерно 7,7 млрд долларов США) в резервах (таблица 3).

ILS представляют собой более эффективное решение, чем государственные резервные фонды, в контексте ГЧП в инфраструктурных проектах, особенно в таких масштабных проектах, как АПиП. ILS позволяют передавать инфраструктурные риски на рынки капитала [Саврасов, 2022]. Эта возможность передачи риска имеет решающее значение в контексте сложных и масштабных проектов, каким является АПиП. ILS привлекают капитал из различных источников, включая институциональных инвесторов, хедж-фонды и перестраховщиков, предлагая альтернативу использованию исключительно государственных резервных фондов для секьюритизации рисков. Механизмы ILS используют специализированные методы оценки рисков и ценообразования, которые могут обеспечить более эффективную и точную оценку рисков по сравнению с традиционными государственными резервными фондами. Это приводит к более гибкому управлению рисками и экономически эффективным решениям, так как

ILS позволяет получить доступ к финансированию моментально после наступления заранее оговоренного события (триггера). Объем выпуска ILS за 2018–2022 гг. приведен в таблице 4.

В России опыт использования ILS на момент написания статьи отсутствует, тем не менее в отчете о текущем состоянии страхового рынка в Российской Федерации в сегменте вмененного страхования за 2021 г. положительно оценивается опыт использования CAT-облигаций для финансового обеспечения операторов, осуществляющих деятельность с нефтью и нефтепродуктами¹². Это направление особенно актуально в связи с ростом добычи полезных ископаемых, ростом объемов их транспортировки по маршруту АПиП, и потенциальным экологическим ущербом в случае природной катастрофы.

Вторым перспективным инструментом для реализации инфраструктурных проектов в арктическом регионе являются ESG-облигации. Несмотря на то, что по мнению экспертов, в России в полной мере не оформлены государственные нормативные правовые акты, которые бы обязывали к устойчивому развитию Арктики [Комлева, 2022] в соответствии с Целями устойчивого развития (ЦУР) Ор-

Таблица 3

Объемы резервных фондов России и Китая (по состоянию на 2023 год)

Страна	Наличие резервного фонда	Размер резервного фонда
Россия	Есть	25,5 млрд долл. США
Китай	Есть	35 млрд долл. США

Источники: составлено автором на основе данных [Levakov, 2023]¹³

Таблица 4

Эмиссия производных страховых инструментов в мире за 2018–2023 гг., млрд долл. США

	2018	2019	2020	2021	2022	2023
CAT облигации	22,5	30	32,0	34,0	36,0	41,0
Прочие ILS	67,9	68,4	61,6	52,3	59,7	59,0
Всего	97,6	94,8	93,6	96,3	92,7	100,0

Источник: составлено автором на основе данных¹⁴

¹² Bank of Russia. Review of key performance indicators of insurers for the 2nd quarter of 2022. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/42295/review_insure_22Q2.pdf (docmyn 18.08.2024).

¹³ Xinhua. China allocates funds for disaster relief work. July 6, 2024. URL: <https://english.news.cn/20240706/4b722cc63aa243339e9385849f371014/c.html>

¹⁴ Holzheu, T. Surge in catastrophe bond issuance stabilises transfer of mounting peak risks. URL: <https://www.swissre.com/institute/research/sigma-research/Economic-Insights/catastrophe-bond-issuance.html>

ганизации объединенных наций (ООН), повестка ESG отражена в ряде важных документов. Статистический ежегодник «Цели устойчивого развития в Российской Федерации»¹⁵ включает данные региона. В связи с наличием значительного количества моногородов в регионе их ESG-повестка связана с деятельностью крупных компаний. Во многих компаниях принята стратегия реализации целей ESG при реализации инфраструктурных проектов в Арктике (Ямал СПГ, ОСК, ЕвроХим, Норникель, Новатэк, Лукойл, Росатом и Россети и другие).

Быстрое расширение объемов финансирования ESG-фондов иллюстрирует существенный сдвиг в инвестиционных тенденциях за последние три десятилетия. Если в 2020 г. фонды ESG привлекли рекордные 51,1 млрд долларов чистых новых инвестиций, то в 2022 г. совокупный объем их активов вырос до 2,5 трлн долларов, что подчеркивает устойчивую траекторию роста этого инвестиционного подхода. В аналитическом отчете агентства «Блумберг» приведены следующие данные о выпуске производных ESG-инструментов (табл. 5).

В России развитие рынка ESG-облигаций во многом зависит от конъюнктуры рынка облигаций в целом, позиции государства и ключевых стейкхолдеров в отношении повестки ESG, а также возможных регуляторных послаблений для эмитентов ESG-облигаций. Данные согласно отчетам аналитического агентства АКРА приведены в таблице 6.

Китайские институциональные инвесторы и управляющие активами демонстрируют растущий интерес к интеграции критериев ESG в свои процессы принятия инвестиционных решений. Это привело к разработке инвестиционных продуктов, ориентированных на SRI, и интеграции соображений ESG в инвестиционные стратегии. Многие китайские компании начали осознавать важность показателей и отчетности ESG как средства привлечения инвестиций, управления рисками и повышения своей репутации. Увеличилось количество отчетов и инициатив по корпоративной устойчивости, направленных на повышение показателей ESG, а Россия и Китай все больше участвуют в международных диалогах и сотрудничестве, направ-

Таблица 5

**Данные об эмиссии производных ESG инструментов
за 2018–2023 гг. (в млрд. долл. США)**

	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Зеленые облигации	75	102	135	210	290	380
Социальные облигации	15	20	30	65	80	100
Облигации устойчивого развития	44	125	140	173	243	315
Общий объем рынка бондов	134,51	247,7	305,3	448,9	613,5	795,3

Источник: составлено автором на основе данных¹⁶

Таблица 6

**Объем размещений в секторе устойчивого развития Московской биржи
за 2016–2022 гг., млрд руб.**

	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Производные ESG инструменты	3,8	2,1	11,5	126,5	70,0	н/д

Источник: составлено автором на основе данных¹⁷

¹⁵ Росстат. Статистический ежегодник «Цели устойчивого развития в Российской Федерации», 2023. URL: (<https://rosstat.gov.ru/sdg/report/document/69771>) (доступ 18.08.2024).

¹⁶ Sustainable Debt Global State Of The Market 2023. URL: https://www.climatebonds.net/files/reports/cbi_sotm23_02h.pdf (доступ 18.08.2024)

¹⁷ Gorchakov, V. The Russian ESG Bond Market Is Alive. August 18, 2022. URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/f14/jxp3oryc85oz5mr0i5efpdjstty2jplm/20220818_CSDVGe.pdf (доступ 18.08.2024)

ленных на устойчивое финансирование и ответственные инвестиции.

Результаты и обсуждение

В связи с возрастающей инвестиционной активностью в АПиП со стороны Китая, необходимо проведение анализа и мониторинга рисков для разработки стратегии противодействия рискам природных катастроф, особенно в контексте изменения климата. Это имеет важное значение для обеспечения притока капитала в Арктику, устойчивого развития и долгосрочной жизнеспособности инфраструктурных проектов в регионе. Он должен включать всестороннее изучение рисков стихийных бедствий, связанных с изменением климата в Арктике, с акцентом на их воздействие на инициативу ОПОП. Анализ должен включать изучение существующих и новых стратегий смягчения рисков для устранения рисков стихийных бедствий, связанных с климатом, таких как устойчивые методы проектирования, улучшенные стандарты строительства, защитная инфраструктура и инновационные технологии, направленные на минимизацию уязвимости отдельных проектов ОПОП к природным катастрофам.

В соответствии с рабочей гипотезой исследования о том, что интеграция инструментов ESG и ILS в стратегии управления рисками АПиП продемонстрирует связь с возможностью защиты критически важных инфраструктурных инвестиций от экологической неопределенности и геополитических проблем, было показано, что интерес со стороны мировых инвестиционных рынков, а также рынков России и Китая к ним постоянно возрастает. Интеграция ILS в развитие инфраструктуры АПиП позволит обеспечить быстрый доступ к финансированию восстановления в случае стихийного бедствия и усилит веру инвесторов в устойчивость проекта.

Производные инструменты ESG дают преимущества для устойчивого развития, финансовой устойчивости и защиты инфраструктурных инвестиций в регионе. Они играют решающую роль в смягчении рисков, связанных с экологической неопределенностью и последствиями изменения климата в Арктике, поскольку они способствуют принятию устойчивой к изменению климата инфраструктуры, экологически чистых технологий и устой-

чивых практик, в конечном итоге снижая уязвимость проекта к стихийным бедствиям и экологическим рискам. Эмиссия облигаций ESG может привлечь социально ответственных инвесторов и институты, стремящиеся поддержать проекты с сильными показателями устойчивости, тем самым расширяя базу инвесторов, повышая прозрачность в финансировании проектов и потенциально получая доступ к капиталу по конкурентоспособным ставкам, способствуя долгосрочной финансовой устойчивости.

ГЧП в производных инструментах ILS и ESG в контексте АПиП открывают ряд возможностей для устойчивого развития инфраструктуры. Эти партнерства будут способствовать финансированию проектов, соответствующих критериям ESG, таких как возобновляемые источники энергии, экологически чистый транспорт и устойчивая инфраструктура. Однако существуют проблемы, включая управление сложной динамикой заинтересованных сторон, обеспечение соответствия различным нормативным базам и эффективное управление рисками, связанными с ESG. Несмотря на эти проблемы, перспективы ГЧП в облигациях ESG представляют собой путь к продвижению устойчивого развития и ответственных инвестиционных практик в регионе АПиП, с потенциалом для достижения положительных экологических, социальных и управленческих результатов в этой стратегически значимой области.

Заключение

В соответствии с задачами данного исследования был проведен краткий анализ существующих подходов к оценке рисков природных катастроф проекта АПиП. Анализ показал необходимость постоянного мониторинга и картирования рисков в связи с климатическими изменениями в регионе и возникновением новых рисков природных катастроф. Последствия изменения климата в Арктике несомненны, но причины этих изменений часто связаны с деятельностью, происходящей за пределами границ региона. Это подчеркивает критическую важность повышения осведомленности о рисках в Арктическом регионе в глобальном масштабе и интеграции Арктики в глобальные соглашения и конвенции.

Оценка мировых рынков производных инструментов ILS и ESG показала устойчивый рост интереса к ним со стороны инвесторов. Показана возможность их интеграции в проекты развития инфраструктуры АПиП. При рассмотрении потенциала использования производных инструментов ILS и ESG в рамках проекта «Арктический пояс и путь», было установлена возможность переноса страхового риска на рынки капитала, что может играть важную роль в управлении финансовыми рисками, связанными с последствиями изменения климата в Арктике. Используя инструменты ILS для хеджирования потенциальных потерь от стихийных бедствий и экстремальных погодных явлений, усугубленных изме-

нением климата, проект может повысить свою финансовую устойчивость и обеспечить непрерывность критически важных инвестиций в инфраструктуру.

Интеграция принципов ESG в стратегии управления рисками проекта соответствует цели продвижения устойчивых практик, экологической ответственности и взаимодействия с заинтересованными сторонами. Включая критерии ESG в инвестиционные решения и разработку проекта, проект АПиП может продемонстрировать свою приверженность ответственным экологическим практикам и социальным соображениям, тем самым повышая долгосрочную устойчивость проекта и его устойчивость к рискам, связанным с климатом.

Список источников:

1. Бадылевич, Р. В. Тенденции и перспективы привлечения иностранных инвестиций в арктические мегапроекты в условиях геополитической напряжённости // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 5–27. DOI 10.37482/issn2221-2698.2023.51.5. EDN ASMKQT.
2. Глянц, М. Китайская инициатива «Один пояс – один путь»: что может сделать «бренд» // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4(1). С. 8–19. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-1-8-19>
3. Горкина, Т. И. Геополитические проблемы Арктики // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 6. С. 7–18. EDN RQBPYL.
4. Денисов, В. И., Черноградский, В. Н., Потравный, И. М., Иванова, П. Ю. Направления сбалансированного социально-экономического развития Арктической зоны России (на примере Якутии) // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4(181). С. 66–73. EDN NGOHPJ.
5. Ерохин, В. А. Повышение устойчивости экономического развития арктических территорий России и возможная роль Китая // Экономика устойчивого развития. 2021. № 2(46). С. 243–248. EDN JYFUQJ.
6. Киджи, Д. С. ESG-тренды: как обеспечить устойчивое развитие в Арктике // Арктика 2023: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2022. № 1(9). С. 4–8. DOI 10.51823/74670_2022_1_4. – EDN UJNFAD.
7. Комлева, Е. А. Устойчивое развитие Арктики: роль бизнеса в модели «четверной спирали» (на примере ПАО ГМК Норильский никель). Россия: общество, политика, история. 2022. № 4 (4). С. 62–81. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4\(4\)-62-81](https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-62-81)
8. Лукин, Ю. Ф. «Горячие точки» российской Арктики // Арктика и Север. 2013. № 11. С. 4–38. EDN PZDBZP.
9. Луконин, С. А. Китай: декарбонизация экономики и следование принципам ESG. Федерализм. 2021. Т. 26. № 3(103). С. 192–205. DOI 10.21686/2073-1051-2021-3-192-205. EDN BHUUFY.
10. Новоселов, А. Л., Потравный, И. М., Новоселова, И. Ю., Чавез, Феррейра К. Й. Механизм реализации инвестиционных проектов экологической направленности на основе долевого финансирования // Экономика региона. 2018. Т. 14. – № 4. С. 1488–1497. DOI 10.17059/2018-4-33. EDN VPKTSQ.
11. Потравный, И. М., Новоселов, А. Л., Новоселова, И. Ю., Пельменева, А. А. Факторный анализ нефтегазовых проектов в арктических регионах с учетом риска // Горный журнал. 2023. №12. С. 64–68. DOI: 10.17580/gzh.2023.12.10
12. Потравный, И. М. Развитие опорных зон в Российской Арктике на основе проектного подхода // Горизонты экономики. 2017. № 6(39). С. 31–36. EDN YPGTXJ.

13. Потравный, И. М., Гассий, В. В., Черноградский, В. Н., Постников, А. В. Социальная ответственность компаний-недропользователей на территории традиционного природопользования как основа партнерства власти, бизнеса и коренных малочисленных народов Севера // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2(22). С. 56–63. EDN ZBHYPK.
14. Растопчина, Ю. Л. “Зеленая” экономика и “зеленые” инвестиции Китая: возможности и перспективы // Научный результат. Экономические исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 29–40. DOI 10.18413/2409-1634-2023-9-3-0-3. EDN XQWSSY.
15. Саврасов, К. К., Рудый, К. В., Горбачёв, Н. Н. Двусторонние взаимосвязи катастрофических и суверенных облигаций на примере ряда стран инициативы «Пояс и путь» // Статистика и Экономика. 2024. № 21(3). С. 64–78. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2024-3-64-78>
16. Саврасов, К. К. Использование производных страховых инструментов (Insurance-Linked Securities) для устойчивого развития критической инфраструктуры транзитных стран инициативы «Пояс и путь». Экономика устойчивого развития : монография. Минск: Институт Бизнеса БГУ, 2022. С. 317–346.
17. Сазонов, С. Л. О некоторых аспектах арктического транзита – взгляд из Китая // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 4. С. 36–45. DOI 10.24412/2686-7702-2021-4-36-45. EDN XZSBOT.
18. Enz, Rudolf The S-Curve Relation Between Per-Capita Income and Insurance Penetration // The Geneva Papers on Risk and Insurance. Vol. 25. No. 3 (July 2000) 396±406
19. Levakov, P. A. Climate risks and financial stability: the role of central banks and conclusions for Russia // Bulletin of international organizations: education, science, new economics. 2023. Т. 18
20. Potravny, I., Novoselov, A., Novoselova, I., Chávez Ferreyra, K. Y., Gassiy, V. Route Selection for Minerals’ Transportation to Ensure Sustainability of the Arctic // Sustainability. 2022, 14(23), 16039; <https://doi.org/10.3390/su142316039>

References:

1. Badylevich, R. V. (2017) Trends and Prospects for Attracting Foreign Investments into Arctic Megaprojects in the Context of Geopolitical Tensions // Arctic and North. 2023. No. 51. Pp. 5–27 DOI 10.37482/issn2221-2698.2023.51.5. EDN ASMKQT (in Russ.).
2. Glyants, M. (2017) China’s One Belt, One Road Initiative: What a “Brand” Can Do // Problems of the Post-Soviet Space, no. 4 (1), pp. 8–19 <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-1-8-19> (in Russ.).
3. Gorkina, T. I. (2013) Geopolitical Problems of the Arctic // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series, no. 6, pp. 7–18 EDN RQBPYL (in Russ.).
4. Denisov, V. I., Chernogradskiy, V. N., Potravny, I. M., Ivanova, P. Yu. (2020) Directions for balanced socio-economic development of the Arctic zone of Russia (on the example of Yakutia) // Problems of Forecasting, no. 4(181), pp. 66–73 EDN NGOHPJ (in Russ.).
5. Erokhin, V. L. (2021) Increasing the sustainability of economic development of the Arctic territories of Russia and the possible role of China // Economics of Sustainable Development, no. 2(46), pp. 243–248 EDN JYFUQJ (in Russ.).
6. Kiji, D. S. (2022) ESG trends: how to ensure sustainable development in the Arctic // Arctic 2035: current issues, problems, solutions, no. 1(9), pp. 4–8 DOI 10.51823/74670_2022_1_4. EDN UJNFAD (in Russ.).
7. Komleva, E. A. (2022) Sustainable Development of the Arctic: The Role of Business in the “Quadruple Helix” Model (Based on the Example of PJSC MMC Norilsk Nickel). Russia: Society, Politics, History, no. 4 (4), pp. 62–81 [https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4\(4\)-62-81](https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-62-81) (in Russ.).
8. Lukin, Yu. F. (2013) “Hot Spots” of the Russian Arctic // Arctic and North, no. 11, pp. 4–38 EDN PZDBZP (in Russ.).
9. Lukonin, S. A. (2021) China: Decarbonization of the Economy and Compliance with

ESG Principles. Federalism, vol. 26, no. 3(103), pp. 192–205 DOI 10.21686/2073-1051-2021-3-192-205. EDN BHUUFY (in Russ.).

10. Novoselov, A. L., Potravny, I. M., Novoselova, I. Yu., Chavez, Ferreira K. Y. (2018) Mechanism for the Implementation of Environmentally Focused Investment Projects Based on Shared Financing // Economy of the Region, vol. 14, no. 4, pp. 1488–1497 DOI 10.17059/2018-4-33. EDN VPKTSQ (in Russ.).

11. Potravny, I. M., Novoselov, A. L., Novoselova, I. Yu., Pelmeneva, A. A. (2023) Factor analysis of oil and gas projects in the Arctic regions taking into account risk // Mining Journal, no. 12, pp. 64–68 DOI: 10.17580/gzh.2023.12.10 (in Russ.).

12. Potravny, I. M. (2017) Development of support zones in the Russian Arctic based on a project approach // Horizons of Economics, no. 6(39), pp. 31–36 EDN YPGTXJ (in Russ.).

13. Potravny, I. M., Gassiy, V. V., Chernogradsky, V. N., Postnikov, A. V. (2016) Social responsibility of subsoil user companies in the territory of traditional nature management as a basis for partnership between government, business and indigenous peoples of the North // Arctic: ecology and economics, no. 2 (22), pp. 56–63 EDN ZBHYPY (in Russ.).

14. Rastopchina, Yu. L. (2023) “Green” economy and “green” investments of China: opportunities and prospects // Scientific result. Economic research, vol. 9, no. 3, pp. 29–40. DOI 10.18413/2409-1634-2023-9-3-0-3. EDN XQWSSY. (in Russ.).

15. Savrasov, K. K., Rudy, K. V., Gorbachev, N. N. (2024) Bilateral Relationships between Catastrophic and Sovereign Bonds on the Example of Several Countries of the Belt and Road Initiative // Statistics and Economics, no. 21(3). pp. 64–78. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2024-3-64-78> (in Russ.).

16. Savrasov, K. K. (2022) Using Insurance-Linked Securities for the Sustainable Development of Critical Infrastructure in Transit Countries of the Belt and Road Initiative. Economics of Sustainable Development: Monograph. Minsk: Institute of Business, BSU, pp. 317–346.

17. Sazonov, S. L. (2021) On Some Aspects of Arctic Transit – a View from China // East Asia: Facts and Analytics, no. 4, pp. 36–45. DOI 10.24412/2686-7702-2021-4-36-45. EDN XZSBOT (in Russ.).

18. Enz, Rudolf (2000) The S-Curve Relation Between Per-Capita Income and Insurance Penetration // The Geneva Papers on Risk and Insurance, vol. 25, no. 3 (July 2000) 396±406.

19. Levakov, P. A. (2023) Climate Risks and Financial Stability: the Role of Central Banks and Conclusions for Russia // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economics, vol. 18

20. Potravny, I., Novoselov, A., Novoselova, I., Chávez Ferreyra, K. Y., Gassiy, V. (2022) Route Selection for Minerals’ Transportation to Ensure Sustainability of the Arctic // Sustainability, 14(23), 16039; <https://doi.org/10.3390/su142316039>

Статья поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.08.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Информация об авторе

Н. Н. Горбачёв – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и финансов Минского филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Information about the author

N. N. Gorbachev – Candidate of Economics, associate professor of the Department of Management and Finance, Minsk branch of the Plekhanov Russian University of Economics.

Научная статья

УДК 339.923

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-22-38

Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.)

Дмитрий Александрович Изотов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

izotov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

Аннотация. Целью исследования является анализ торговых взаимодействий стран Северо-Восточной Азии (СВА) в 2014–2023 гг. Показано, что совокупный рынок СВА, является одним из крупнейших в мире, при этом недостаточно интегрированным. В ходе анализа было определено, что в СВА происходят не конфликтующие в явном виде друг с другом процессы, которые, тем не менее, способствуют его торговой фрагментации. Полученные оценки указали в целом на низкую интенсивность торговли СВА и на наличие потенциала для расширения торговых взаимосвязей, реализация которого сдерживается различными ограничениями. При этом в рамках конкретных товарных ниш – продовольственная продукция, химические вещества, а также минеральное топливо – происходило наращивание интенсификации торговли в СВА, во многом благодаря более активному участию России в торговле со странами субглобального региона. Анализ торговых потоков и оценка интенсивности торговли позволили идентифицировать следующие характеристики торговых взаимодействий в СВА в 2014–2023 гг.: ориентация стран Большой тройки СВА на торговлю с третьими странами и постепенное ослабление торговых взаимодействий между ними, особенно между Японией и Республикой Корея; общий застой в торговле между странами Большой тройки СВА и незначительные взаимодействия между «периферийными» экономиками (Россия, Монголия и КНДР); притяжение торговли «периферийных» экономик СВА к Китаю в условиях благоприятных двусторонних политических отношений, создания экзогенных барьеров для взаимодействия с развитыми странами для российской и северо-корейской экономик, а также отсутствия других альтернатив для монгольской экономики. Определено расширение экономического влияния Китая в СВА, что способствовало постепенной изоляции Японии в торгово-экономических процессах субглобального региона. Помимо непосредственного притяжения к китайской экономике торговых потоков в СВА, Китай стал позиционироваться как наиболее удобный участник торгово-экономических взаимодействий для всех стран субглобального региона.

Ключевые слова: торговля, экспорт, импорт, товарная группа, интенсивность торговли, Северо-Восточная Азия, КНР, Япония, Республика Корея, Россия, Монголия, КНДР

Для цитирования: Изотов Д. А. Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 22–38. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-22-38>

Original article

Trade of Northeast Asian Countries in the global unstable economic development period (2014–2023)

Dmitry A. IzotovThe Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia
izotov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

Abstract. *The aim of the study is to analyze trade interactions of Northeast Asian (NEA) countries in 2014–2023. The article shows that the NEA market is one of the largest in the world, but not sufficiently integrated. The analysis revealed that NEA is experiencing processes that do not explicitly conflict with each other, but contributed to its trade fragmentation. The obtained estimates pointed to the low intensity of trade in NEA in general and the potential for expanding trade relations, which is constrained by various restrictions. At the same time, for some commodity flows (food products, chemicals, and mineral fuels) there was an increase in the intensification of trade in NEA, largely due to Russia's more active participation in trade with the countries of the sub-global region. The analysis of trade flows and assessment of trade intensity allowed the author to identify the following characteristics of trade interactions in Northeast Asia in 2014–2023: the orientation of the CJK (China, Japan and Republic of Korea) toward trade with third countries and a gradual weakening of trade interactions between them, especially between Japan and the Republic of Korea; general stagnation in trade between the CJK and insignificant interactions between the “peripheral” economies (Russia, Mongolia, and the DPRK); attraction of trade of the “peripheral” economies to China in the context of favorable bilateral political relations, the creation of exogenous barriers to interaction with developed countries for the Russian and North Korean economies, and the absence of other alternatives for the Mongolian economy. The expansion of China's economic influence in NEA was determined, which contributed to the gradual isolation of Japan in the trade and economic processes of the sub-global region. In addition to the direct attraction of trade flows in NEA to the Chinese economy, China has begun to position herself as the most convenient participant in trade and economic interactions for all countries of the sub-global region.*

Keywords: *trade, export, import, commodity group, trade intensity, Northeast Asia, China, Japan, Republic of Korea, Russia, Mongolia, DPRK*

For citation: Izotov D. A. (2024) Trade of Northeast Asian Countries in the global unstable economic development period (2014–2023) *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 22–38. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-22-38>

Введение

Северо-Восточная Азия (далее – СВА) как субглобальный регион, к которому относятся территории шести стран (КНР, Япония, Республика Корея, Россия, Монголия и КНДР), является одним из крупнейших в мире рынков по размеру ВВП, который к 2023 г. составил около 26 трлн долл. (прежде всего, за счет китайской и японской экономик), что было сопоста-

вимо с экономикой США (27 трлн долл.) и превосходило экономику Европейского союза (ЕС) в составе 28 стран (22 трлн долл.)¹. При прочих равных условиях, СВА характеризуется объективной предрасположенностью к развитию торгово-экономического сотрудничества в форме кооперации и интеграции, которая основывается на естественном распределении факторов производства и экономи-

¹ Рассчитано на основе статистики МВФ [World Economic Outlook, 2024].

ческих ресурсов в данном субглобальном регионе [Scalapino, 1989]. Однако во многом из-за непреодолимых трудностей в политических взаимоотношениях между некоторыми странами субглобального региона [Rozman, 1995], попытки создания широкого по охвату стран кооперационного либо интеграционного объединения в СВА потерпели неудачу [Wissenbach, 2013]. Тем не менее, все страны СВА, за исключением КНДР, присоединились к ВТО, некоторые страны субглобального региона создали двусторонние интеграционные объединения в формате зоны свободной торговли (далее – ЗСТ) во второй половине 2010-х гг.², также страны Большой тройки СВА (КНР, Япония и Республика Корея) заключили инвестиционное соглашение в 2012 г., снижающее барьеры для потоков капитала между странами [Corning, 2014].

Несмотря на отсутствие единого интеграционного объединения в СВА, территориальная близость и масштаб экономик, преимущественно стран Большой тройки СВА, способствовали поддержанию торговых взаимосвязей в субглобальном регионе в целом, что является особенно важным в условиях проявляющихся кризисов в глобальной экономике, которые увеличивают риски ее нестабильности, особенно в рамках последнего десятилетия: финансовый кризис конца 2014 г., вызвавший негативные тенденции в мировой торговле в условиях значительной коррекции цен на сырьевые товары; жесткие торговые ограничения в 2020–2022 гг. в рамках пандемии, связанной с распространением COVID-19; значительное повышение цен на сырьевую продукцию в 2022 г. и трансформация мировых рынков топливно-энергетических товаров на фоне заметного увеличения глобальной геополитической напряженности. Помимо этого, в глобальной экономике за последнее десятилетие существенно обострились протек-

ционистские тенденции, создающие барьеры для свободной торговли [Афонцев, 2020], а также процесс «фрагментации», с точки зрения создания крупных торговых блоков стран, вступление в которые требует существенных экономических преобразований [Plummer, 2007; Liman, 2016]. Данные тенденции в глобальной экономике, безусловно, затронули и ведущие экономики СВА, которые, тем не менее, искали компромиссные варианты совместного участия в интеграционных форматах, в частности, в рамках Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП)³, заключенного в 2020 г. При этом страны СВА реализовывали собственные и порой непересекающиеся стратегии развития своей внешнеэкономической деятельности⁴, которые отражались в усилении отклонения их торговли в пользу третьих стран. При этом страны Большой тройки СВА были активными участниками цепочек добавленной стоимости, функционирующих в условиях внутриотраслевой торговли, что указывает на возможное наличие кооперационных процессов между данными странами на уровне торгуемых конкретных товарных групп.

Следует заметить, что китайское руководство особенно активно осуществляло различного рода кооперационные инициативы, предусматривающие стимулирование долгосрочного торгово-экономического сотрудничества с приграничными государствами, особое место среди которых занимали так называемые периферийные экономики СВА – Россия, Монголия и КНДР. По причине укрепления длительное время торгово-экономических связей с европейским рынком, в рамках СВА Россия объективно не занимала лидирующих позиций в торговле. Однако, после введения против российской экономики некоторых ограничений в 2014 г., а затем и широкомасштабных санкций в 2022 г. со стороны западных стран, Рос-

² КНР и Республика Корея (2015 г.); Япония и Монголия (2016 г.).

³ Во ВРЭП вошли страны Большой тройки СВА, а также страны Юго-Восточной Азии, Австралия и Новая Зеландия.

⁴ Кооперационный проект КНР «Один пояс – один путь»; интеграционные форматы стран СВА в виде ЗСТ с третьими странами; вхождение Японии в интеграционный формат Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство и др.

сия стала смещать свою торговлю вначале поэтапно, а далее более акцентированно в пользу других экономик, к которым относились некоторые страны СВА, прежде всего, Китай. Данные обстоятельства указывают на то, что в рамках рассматриваемого десятилетия могла наблюдаться торговая консолидация «периферийных» экономик субглобального региона с китайским рынком, который являлся самым крупным в СВА.

Исходя из вышеизложенного, представляется важным определить степень сближения экономик СВА с точки зрения соотношения их общих торговых взаимодействий между собой и с третьими странами, а также в рамках конкретных товарных рынков в условиях нестабильного развития глобальной экономики в 2014–2023 гг. Одним из наиболее распространенных и надежных способов определения отклонения товарооборота субглобального региона либо в пользу внутрирегиональной торговли, либо в пользу торговли с третьими странами является оценка индекса интенсивности торговли [Cheong, 2010; Наманака, 2015], который был применен в настоящем исследовании для оценки степени сближения экономик СВА на основе данных международной статистики.

Таким образом, целью исследования является анализ торговых взаимодействий стран СВА в 2014–2023 гг. Алгоритм исследования предполагал решение следующих задач: 1) анализ общих тенденций и пропорций торговых взаимодействий стран СВА; 2) анализ товарной структуры экспорта и импорта стран СВА; 3) оценка интенсивности торговли стран СВА как для агрегированного показателя, так и на уровне товарных групп.

Торговые взаимодействия стран СВА: динамика и пропорции

Прежде чем приступить к анализу торговых взаимодействий стран СВА, следует заметить, что в данный субглобальный регион входят две страны (Россия и КНР), значительная часть территорий которых географически выходит за его пределы [Diener, Grant, Bennett, 2021]. При этом попытки разграничения территорий данных стран, путем выделения

субнациональных подсистем, непосредственно относящихся к СВА, являются некорректными, поскольку статистика внешней торговли на субнациональном уровне не учитывает некоторые отраслевые товаропотоки. Помимо этого, внешнеторговая статистика для России на субнациональном уровне не отражается с 2022 г. Другим замечанием является двойность в учете торговли группы стран, которые относятся к СВА. С одной стороны, стоимостной объем торговли СВА может рассматриваться как сумма товарооборотов каждой страны с другими странами субглобального региона. При этом товарооборот в рамках СВА будет рассчитываться дважды, что, тем не менее, соответствует принципу учета стоимостного объема совокупной торговли в рамках мировой экономики. С другой стороны, стоимостной объем торговли СВА может рассматриваться как сумма обоюдного экспорта либо импорта между странами, избегая тем самым проблемы двойного учета торговли. Однако при этом возникает проблема корректности рассматриваемых стоимостных объемов по причине не учета транспортных издержек. По этой причине, торговые взаимодействия в рамках СВА будут рассматриваться как сумма товарооборотов каждой страны СВА с другими странами данного субглобального региона.

В результате, анализ статистических данных показал, что стоимостной объем товарооборота между странами СВА в 2023 г. составил 1928 млрд долл., увеличившись на 17% по сравнению с 2014 г. По стоимостному объему товарооборота в рамках СВА безусловным лидером являлся Китай, нарастивший свою долю во внутрирегиональной торговле с 43,1% в 2014 г. до 46% в 2023 г., за которым следовали Япония и Республика Корея, постепенно теряющие свою долю по данному показателю – с 25,8% и 21,1% в 2014 г. до 19,6% и 18,7% в 2023 г. соответственно (табл. 1).

Примечательным моментом является то, что значительный прогресс в наращивании товарооборота со странами СВА показали «периферийные» экономики субглобального региона – Россия

Таблица 1

Стоимостной объем и структура товарооборота в рамках СВА по странам

Страна СВА		2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	1	711,7	633,2	607,2	678,9	758,6	721,4	718,5	884,9	923,2	887,7
	2	43,1	44,4	43,9	43,3	43,8	44,1	44,8	44,8	44,9	46,0
Япония	1	426,8	361,8	358,3	398,9	425,8	401,9	393,5	456,7	441,0	382,5
	2	25,8	25,4	25,9	25,4	24,6	24,6	24,5	23,1	21,4	19,8
Республика Корея	1	347,6	315,1	296,9	341,1	378,9	342,1	330,4	414,0	417,3	360,3
	2	21,1	22,1	21,5	21,7	21,9	20,9	20,6	20,9	20,3	18,7
Россия	1	148,1	102,6	107,9	136,8	155,1	157,0	152,2	207,2	256,7	274,0
	2	9,0	7,2	7,8	8,7	9,0	9,6	9,5	10,5	12,5	14,2
Монголия	1	9,1	7,0	6,4	8,5	10,9	11,4	9,8	13,1	17,9	20,4
	2	0,6	0,5	0,5	0,5	0,6	0,7	0,6	0,7	0,9	1,1
КНДР	1	7,8	7,2	5,4	5,1	2,5	2,6	0,5	0,2	1,5	3,0
	2	0,5	0,5	0,4	0,3	0,1	0,2	0,0	0,0	0,1	0,2

Примечания. 1 – млрд долл.; 2 – %. Здесь и далее стоимостные объемы российско-китайской торговли для 2022–2023 гг. были досчитаны исходя из зеркальной статистики КНР по поставкам углеводородного сырья из России на китайский рынок.

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024 г.).

и Монголия. В рамках рассматриваемого периода Россия увеличила свою долю во внутрирегиональном товарообороте с 9% в 2014 г. до 14,2% в 2023 г., нарастив стоимостной объем торговли со странами СВА почти в два раза. Несмотря на малую долю в товарообороте, Монголия более чем в два раза увеличила стоимостной объем торговли со странами СВА. Товарооборот КНДР со странами СВА напротив, снижался, особенно в условиях введения новых санкций со стороны развитых стран [Toshkov, 2021], а также изоляции экономики во время пандемии КОВИД-19 [Lee, Lee, Kim, Choi, 2021]. Некоторое оживление в торговле КНДР со странами СВА наблюдалось только в 2023 г.

Важным аспектом в рамках рассматриваемого периода являлось проявляющееся отклонение торговли СВА в пользу третьих стран. Так, доля внутрирегионального товарооборота стран СВА имела тенденцию к увеличению, достигнув 21,8% в 2018 г., а далее – к сокращению до 20,3% в 2023 г. Наблюдалась постепенная ориентация торговли стран Большой тройки СВА на рынки третьих стран, а «периферийных» экономик СВА – на субглобальный рынок. По всей видимости, «периферийные» экономики для диверсификации внешнеторговых связей не имели таких же возможностей,

что Китай, Япония и Республика Корея, испытывая гравитационное притяжение со стороны крупнейших экономик субглобального региона, в том числе в силу внешнеполитических причин (табл. 2).

В среднем за период страны Большой тройки СВА балансировали отрицательное сальдо внешнеторгового баланса со странами субглобального региона за счет профицита в торговле с третьими странами. При этом из стран Большой тройки СВА к 2023 г. только Китай значительно нарастил положительное сальдо торгового баланса, снизив отрицательные значения данного показателя со странами СВА более чем в два раза по отношению к 2014 г. Похоже, что Япония и Республика Корея в начале 2020-х гг., т. е. в постковидный период и в условиях глобальной геополитической напряженности, перешли к модели экономического развития, предполагающей наличие отрицательного сальдо внешнеторгового баланса, которое частично балансировалось за счет экспорта услуг и наращивания внешних заимствований (табл. 3).

Из стран субглобального региона к 2023 г. только Россия и Монголия характеризовались положительными сальдо внешнеторгового баланса со странами СВА, которые стимулировались экспортом российских и монгольских сырьевых

Таблица 2

Доля внутрирегионального товарооборота в суммарной торговле стран СВА

Территория / страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
В среднем по СВА	21,4	21,3	21,7	21,8	21,8	21,1	21,4	20,6	20,0	20,3
КНР	16,5	16,0	16,5	16,5	16,4	15,8	15,4	14,8	14,6	15,0
Япония	28,4	28,9	28,6	29,1	28,6	28,2	30,8	29,9	26,8	26,0
Республика Корея	31,6	32,7	32,9	32,4	33,2	32,7	33,7	32,9	29,5	28,3
Россия	18,9	19,5	21,2	21,4	22,4	23,3	26,2	25,8	28,2	34,6
Монголия	83,7	82,4	77,0	80,8	84,2	83,1	76,3	81,6	83,8	83,4
КНДР	78,7	80,2	79,2	92,3	86,1	80,6	55,3	34,9	93,5	97,5

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024 г.).

Таблица 3

Сальдо внешнеторгового баланса стран СВА с субглобальной и глобальной экономикой, млрд долл.

Страна СВА	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
СВА										
КНР	-93,5	-80,9	-78,9	-104,4	-143,4	-104,7	-103,1	-124,5	-92,3	-41,9
Япония	-52,1	-44,5	-27,4	-14,1	-17,1	-24,5	-8,9	-7,1	-33,7	-28,9
Республика Корея	28,5	20,2	10,7	11,0	21,7	3,3	-0,7	-7,3	-31,0	-39,7
Россия	5,6	11,0	-4,2	-2,5	20,8	16,7	16,4	21,4	60,7	30,5
Монголия	1,2	1,1	1,5	2,1	1,8	2,2	2,0	2,7	4,3	6,1
КНДР	-1,9	-0,4	-1,2	-2,0	-2,2	-2,3	-0,4	-0,2	-1,3	-2,4
Всего										
КНР	383,1	593,9	509,7	419,6	352,8	419,9	519,5	636,6	877,6	823,0
Япония	-122,0	-0,7	38,0	26,2	-10,3	-15,4	5,9	-15,2	-151,9	-33,8
Республика Корея	47,5	90,3	89,2	95,2	69,6	38,9	44,8	29,3	-47,8	-10,4
Россия	211,2	161,1	94,3	119,2	211,3	179,6	117,7	215,0	375,5	205,4
Монголия	0,6	0,9	1,6	1,9	1,1	1,5	2,3	2,4	3,8	5,9
КНДР	-1,2	-0,7	-0,9	-2,0	-2,4	-2,7	-0,7	-0,6	-1,3	-2,4

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024 г.).

вых товаров преимущественно на китайский рынок. Россия, как было ранее обозначено, в условиях жестких санкций со стороны западных стран с 2022 г., к которым также присоединились Япония и Республика Корея, стала перенаправлять значительную часть своих сырьевых товаров, ориентированных ранее на европейский рынок, на рынки других стран, крупнейшим из которых являлся Китай, и, в свою очередь, замещать европейскую продукцию на отечественном рынке за счет импорта сопоставимых товаров из стран СВА. Также, несмотря на введенные против российской экономики санкции, углеводородное сырье из со-

вместных проектов на Дальнем Востоке России продолжало поступать на японский и южнокорейский рынки в рамках реализации обязательств по долгосрочным контрактам [Мазитова, 2024]. Что касается КНДР, то отрицательное сальдо внешнеторгового баланса данной страны длительное время балансировалось за счет экспорта услуг рабочей силы в форме переводов денежных средств из-за рубежа, преимущественно из КНР [Асмолов, Захарова, 2022].

Далее, анализ динамики и структуры двусторонних товаропотоков, формирующих, в конечном счете, торговлю между странами СВА, показал, что основным ис-

точником функционирования торговых взаимосвязей в субглобальном регионе являлась китайская экономика, которая объединила как развитые страны, так и «периферийные» экономики. Доли торговли между странами Большой тройки сокращались, но доли в торговле России с КНР и Республикой Корея, а также Монголии с КНР увеличивались (рис. 1).

Помимо этого, наблюдалось снижение доли во внутрирегиональной торговле товарооборота между Японией и Республикой Корея, вероятно, по причине отклонения торговых потоков Южной Кореи в пользу китайского рынка, благодаря созданию ЗСТ между странами в 2015 г. Примечательным моментом является то, что если в начале рассматриваемого десятилетия – в 2014 г. – торговля главным образом осуществлялась между странами Большой тройки СВА, то в 2023 г. важным участником торговых взаимосвязей в субглобальном регионе стала Россия, заметно нарастившая товарооборот с

КНР, который стал практически сопоставим по объему с торговлей Китая с Республикой Корея. На фоне устоявшихся торговых связей в рамках Большой тройки СВА, которые, по всей видимости, стали постепенно переходить в состояние стагнации, «периферийные» экономики СВА, преимущественно Россия, к 2023 г. пусть однобоко, но изменили структуру товаропотоков в субглобальном регионе.

Товарная структура экспорта и импорта стран СВА

Между странами СВА сложилась долгосрочная специализация в экспорте определенной продукции. Страны Большой тройки СВА специализировались в поставках разнообразной промышленной продукции, а «периферийные» экономики – преимущественно сырьевых товаров. Следует заметить, что согласно статистическим данным ООН⁵, к 2023 г., большую долю в экспорте КНДР в страны СВА занимали различные готовые изделия, поставляемые преимущественно на

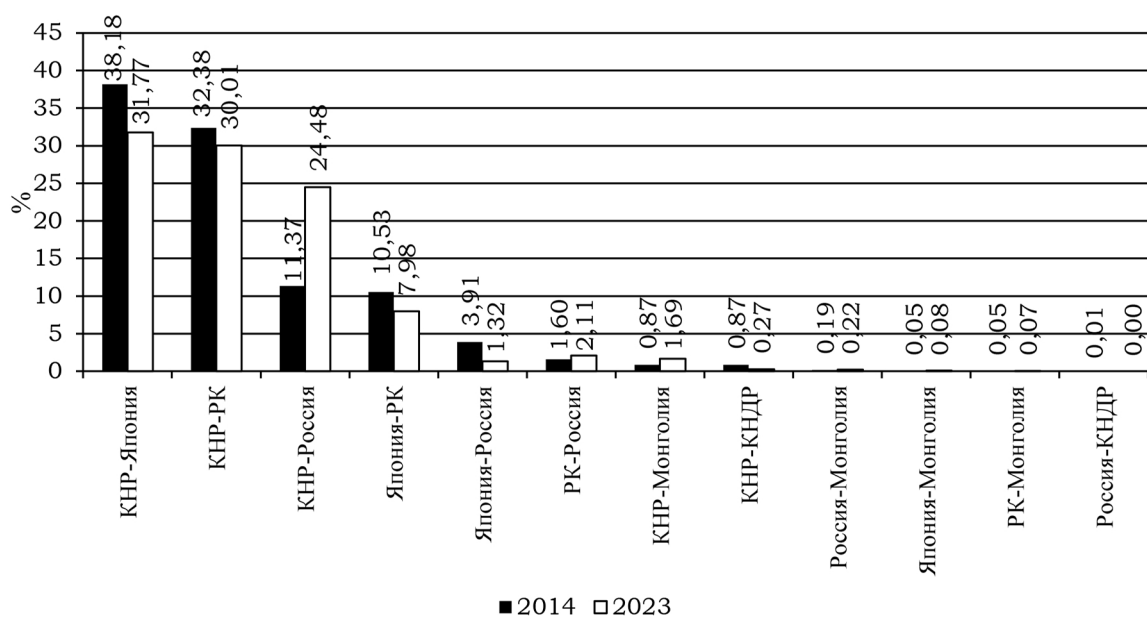

Рис. 1. Доли двусторонних товаропотоков в торговле между странами СВА

Примечания. Товарооборот между Японией и КНДР, Республикой Корея и КНДР в рамках рассматриваемых лет не осуществлялся. Товарооборот между КНДР и Монголией в 2014 г. был незначительным, а в 2023 г. не осуществлялся. РК – Республика Корея.

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024 г.).

⁵ Рассчитано на основе статистики ООН [UNCTADstat, 2024].

китайский рынок. Доминирование данной группы в экспорте КНДР являлось эпизодичным, в связи с ограничениями для вывоза сырьевых товаров из Северной Кореи [Kim, Kim, Park, Sun, 2023]. В условиях отсутствия запретительных барьеров, основную долю в экспорте данной страны долгое время занимали минеральное топливо (уголь), сырье непродовольственное (металлические руды), а также пищевые продукты (рыба).

В настоящем исследовании анализ товарной структуры экспорта и импорта стран СВА проводился на основе укрупненных товарных групп Международной стандартной торговой классификации (SITC) по следующим кодам: 0 – пищевые продукты и живые животные; 1 – напитки и табак; 2 – сырье непродовольственное, кроме топлива (шкурки, кожевенное сырье и пушнина; масличные семена и масличные плоды; натуральный каучук; пробка и лесоматериалы, бумажная масса и макулатура; текстильные волокна и их отходы; сырье для удобрений, минеральное сырье, металлические руды и лом; сырьевые материалы животного и растительного происхождения, не включенные в другие категории); 3 – минеральные топлива, смазки и аналогичные материалы; 4 – животные и растительные масла, жиры и воски; 5 – химические вещества и аналогичная продукция; 6 – промышленные товары, классифицированные по виду материала (кожа, готовые изделия из кожи и выделанная пушнина; резиновые изделия, не включенные в другие категории; изделия из пробки и дерева (кроме мебели); бумага, картон и изделия из них; текстильная пряжа, ткани и готовые изделия из них; продукция из нерудных ископаемых, не включенная в другие категории; чугун и сталь, цветные металлы и изделия из них); 7 – машины и транспортное оборудование; 8 – различные готовые изделия (блочные здания; арматура и крепления; мебель; постельные принадлежности, матрацы, подушки и аналогичная мебель; дорожные принадлежности, сумки; предметы одежды и одежные принадлежности; обувь; специальные приборы и аппараты, фотографическая аппаратура, оборудо-

вание и принадлежности и оптические изделия; часы); 9 – товары и операции, не включенные в другие категории (специальные операции и товары, монеты, немонетарное золото, кроме золотых руд и концентратов).

Анализ показал, что за рассматриваемый период товарная структура экспортных и импортных потоков в рамках СВА в целом не претерпела кардинальных трансформаций. При этом, безусловно, под влиянием различного рода описанных ранее процессов наблюдались некоторые изменения (табл. 4).

Так, Китай к 2023 г. заметно нарастил в страны СВА поставки машин и транспортного оборудования, а также химических веществ, за счет освоения рынка России в условиях масштабных санкций к российской экономике в 2022 г. На фоне некоторого сокращения экспорта в страны СВА, по сравнению с поставками в третьи страны, структура экспорта Японии и Республики Корея в страны СВА практически не претерпела изменений. Исключение составили поставки прочих товаров из Японии на китайский и южнокорейский рынки, а также химических веществ из Республики Корея на китайский рынок, главным образом использовавшихся в производственном цикле южнокорейских предприятий на территории КНР. В экспорте России в страны СВА основную позицию занимало минеральное топливо, поставляемое на китайский рынок, а к 2023 г. доля данной продукции еще больше увеличилась по причине перенаправления этой товарной группы с европейского рынка. Монголия незначительно увеличила долю пищевых продуктов (мясные изделия) в КНР и прочих товаров (главным образом, немонетарное золото) на южнокорейский рынок. К 2023 г. на фоне значительного сокращения поставок на внешний рынок сырьевых товаров из КНДР в условиях, применяемых к данной экономике санкций, как было ранее обозначено, наблюдались видимые трансформации в товарной структуре северокорейского экспорта – заметно увеличилась доля промышленной продукции и химических веществ, хотя по сравнению с 2014 г.

Таблица 4

**Товарная структура экспорта и импорта стран СВА
во внутрирегиональной торговле, %**

Товарные группы	КНР		Япония		Республика Корея		Россия		Монголия		КНДР	
	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023
Всего	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100
0	5,32/0,67	3,81/1,57	0,34/4,67	0,76/5,15	1,33/2,68	1,87/2,78	3,33/3,01	2,63/1,84	0,32/4,50	2,50/8,35	9,28/9,25	0,40/15,99
1	0,06/0,04	0,09/0,14	0,05/0,25	0,27/0,51	0,29/0,06	0,45/0,08	0,08/0,13	0,03/0,09	0,00/1,24	0,01/1,74	0,06/1,14	0,11/4,69
2	1,20/3,88	1,45/4,44	3,50/1,62	3,16/1,17	1,17/2,97	1,59/2,01	7,42/0,50	3,80/0,83	67,46/0,63	52,36/0,73	14,29/2,84	13,65/2,24
3	1,33/10,88	1,06/23,58	2,45/11,82	2,86/5,98	7,78/10,10	7,74/4,54	79,40/0,46	87,13/0,47	30,55/33,09	41,33/28,09	40,10/6,26	7,63/1,35
4	0,06/0,01	0,07/0,57	0,03/0,02	0,03/0,03	0,02/0,05	0,02/0,06	0,04/0,01	0,45/0,02	0,00/0,36	0,02/0,36	0,02/3,13	0,00/6,06
5	6,49/14,04	11,25/13,27	17,23/5,63	17,26/8,95	16,93/13,20	21,41/16,04	2,47/5,38	1,16/8,61	0,07/5,17	0,01/7,03	0,73/7,60	4,00/19,88
6	16,55/12,29	13,91/8,66	14,92/12,52	12,48/13,30	10,29/20,65	11,33/15,93	3,98/15,81	3,53/13,56	1,22/22,33	1,40/17,52	6,51/28,18	13,94/23,01
7	43,49/46,73	47,90/41,05	46,89/40,93	46,34/45,68	48,52/37,75	46,46/46,12	2,74/48,23	1,07/57,32	0,21/27,91	0,27/32,03	2,19/27,45	0,22/0,20
8	25,51/11,28	19,31/6,09	10,07/21,42	9,67/17,26	13,59/12,43	9,04/12,23	0,55/26,36	0,20/16,75	0,12/4,77	0,28/4,14	26,12/14,15	60,04/26,57
9	0,00/0,17	1,14/0,63	4,51/1,11	7,15/1,96	0,08/0,11	0,09/0,20	0,00/0,11	0,01/0,52	0,04/0,01	1,82/0,00	0,69/0,00	0,01/0,00

Примечание: в первом столбце отражены товарные группы в формате SITC.

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024 г.).

стоимостные объемы данных товаров сократились более чем в семь раз.

Что касается товарной структуры импорта, то Китай в 2023 г. по сравнению с 2014 г. заметно увеличил долю минерального топлива из стран СВА, главным образом, из России (сырая нефть и природный газ) и в меньшей степени из Монголии (уголь). Также в структуре импорта из стран СВА Китай нарастил долю пищевой продукции преимущественно из России (зерновые и масличные культуры, рыбная продукция) в рамках эксплуатации формирующегося сухопутного зернового коридора между двумя странами, а также переключения поставок российских биологических ресурсов дальневосточных морей на китайский рынок [Изотов, 2023]. При общем сокращении импорта из стран СВА Япония увеличила долю в импорте машин и транспортного оборудования, по всей видимости, из собственных предприятий, расположенных на китай-

ской территории, а также незначительно нарастила долю продовольственных товаров из КНР и частично из Республики Корея. Республика Корея и Россия увеличили долю в импорте из стран СВА машин и оборудования, а также химических веществ из КНР. Монголия, которая постепенно наращивала торговлю со странами СВА, увеличила долю в импорте пищевых продуктов и химических веществ из России, КНР и Республики Корея, машин и оборудования из КНР и Японии. На фоне общего сокращения внешней торговли, КНДР в импорте из стран СВА увеличила долю различных готовых изделий, химических веществ, продовольственных товаров (пищевые продукты, животные и растительные масла, напитки), главным образом из Китая.

Соответственно, за рассматриваемый период в рамках товарообмена между странами СВА Китай, Россия и Монголия увеличили доли во внутрирегиональном

экспорте и импорте, а остальные страны субглобального региона – сократили. Данное обстоятельство объясняется наращиванием торговли Китая с двумя указанными странами по причине экономической целесообразности, а также непосредственным влиянием внешнеполитических факторов на российский товарооборот с зарубежными странами, которые способствовали его отклонению в пользу китайского рынка. Фактически, Китай стал центром притяжения для «периферийных» экономик СВА.

В условиях санкций к 2023 г. по доле экспорта в рамках СВА, позиция России стала сопоставимой с Республикой Корея (табл. 5).

С точки зрения распределения стоимостных объемов между странами СВА по товарным группам, субглобальный рынок в целом не отличался диверсифицированной структурой. Так, к 2023 г. по товарным группам во внутрирегиональной торговле более половины экспорта

пищевых продуктов, промышленных товаров, машин и транспортного оборудования, различных готовых изделий приходилось на Китай, прочих товаров – на Японию, минерального топлива, животных и растительных масел – на Россию. Более четверти стоимостного объема экспорта в СВА химических веществ и прочих товаров непродовольственного сырья приходилось на КНР, напитков и табака, химических веществ – на Японию, химической продукции, напитков и табака – на Республику Корея, непродовольственного сырья – на Монголию.

За рассматриваемый период сложилась доминанта экспорта из Китая по многим товарным группам, однако, по некоторым товарным позициям, преимущественно в рамках сложной продукции, Япония с Республикой Корея имели суммарный паритет с КНР. Наряду с проявлением тесной технологической и производственной кооперации между КНР с одной стороны и Японией и Республи-

Таблица 5

**Доли стран в товарной структуре экспорта и импорта СВА
во внутрирегиональной торговле, %**

Товарные группы	КНР		Япония		Республика Корея		Россия		Монголия		КНДР	
	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023
Всего	40,17/ 45,66	45,68/ 46,38	24,35/ 27,16	19,10/ 20,53	24,44/ 18,10	17,31/ 19,96	9,99/ 8,08	16,45/ 12,15	0,67/ 0,45	1,43/ 0,72	0,39/ 0,55	0,03/ 0,27
0	73,33/ 12,90	65,04/ 27,26	2,83/ 53,42	5,43/ 39,66	11,13/ 20,44	12,07/ 20,84	11,40/ 10,25	16,12/ 8,37	0,07/ 0,85	1,33/ 2,25	1,23/ 2,14	0,00/ 1,62
1	21,46/ 15,96	23,00/ 29,61	10,16/ 56,13	29,25/ 46,84	61,18/ 9,55	44,79/ 7,41	6,98/ 8,74	2,85/ 4,98	0,02/ 4,52	0,09/ 5,55	0,19/ 5,10	0,02/ 5,62
2	16,75/ 63,09	22,65/ 73,23	29,73/ 15,70	20,70/ 8,51	9,95/ 19,11	9,44/ 14,27	25,83/ 1,45	21,40/ 3,58	15,80/ 0,10	25,67/ 0,19	1,93/ 0,55	0,14/ 0,22
3	4,70/ 48,58	2,81/ 82,03	5,28/ 31,40	3,16/ 9,21	16,79/ 17,88	7,75/ 6,79	70,05/ 0,36	82,84/ 0,43	1,81/ 1,45	3,42/ 1,51	1,37/ 0,34	0,01/ 0,03
4	60,15/ 9,81	26,96/ 86,68	17,81/ 14,31	5,69/ 2,22	12,55/ 22,25	3,17/ 4,12	9,26/ 2,26	63,92/ 0,73	0,00/ 4,43	0,25/ 0,85	0,23/ 46,94	0,00/ 5,41
5	23,28/ 59,21	41,67/ 49,86	37,50/ 14,13	26,72/ 14,89	36,98/ 22,05	30,05/ 25,93	2,21/ 4,02	1,54/ 8,47	0,00/ 0,21	0,00/ 0,41	0,03/ 0,39	0,01/ 0,44
6	50,26/ 39,30	56,20/ 34,14	27,46/ 23,80	21,09/ 23,21	19,01/ 26,16	17,35/ 27,04	3,01/ 8,95	5,14/ 14,01	0,06/ 0,70	0,18/ 1,07	0,19/ 1,08	0,04/ 0,53
7	42,58/ 49,10	56,17/ 42,49	27,83/ 25,58	22,72/ 20,92	28,90/ 15,72	20,65/ 20,54	0,67/ 8,97	0,45/ 15,54	0,00/ 0,29	0,01/ 0,51	0,02/ 0,35	0,00/ 0,00
8	63,34/ 33,36	71,78/ 25,82	15,16/ 37,65	15,03/ 32,37	20,52/ 14,56	12,74/ 22,30	0,34/ 13,79	0,27/ 18,58	0,01/ 0,14	0,03/ 0,27	0,63/ 0,50	0,15/ 0,66
9	0,18/ 18,92	27,04/ 36,64	97,80/ 74,14	70,75/ 50,46	1,77/ 4,77	0,77/ 5,06	0,00/ 2,16	0,08/ 7,84	0,02/ 0,01	1,35/ 0,00	0,24/ 0,00	0,00/ 0,00

Примечание: в первом столбце отражены товарные группы в формате SITC.

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024)

кой Корея – с другой, наблюдался также процесс нарастания конкуренции между китайскими, японскими и южнокорейскими товарами с высокой добавленной стоимостью на рынке СВА. За указанные годы Россия и отчасти Монголия укрепили свои позиции в поставках ключевых сырьевых товаров преимущественно на китайский рынок, поддерживая функционирование экономики КНР и способствуя поддержанию ценовой конкурентоспособности китайской продукции.

Что касается импорта, то к 2023 г. основными потребителями непродовольственного сырья, минерального топлива, животных и растительных масел, химических веществ, промышленных товаров, машин и транспортного оборудования на рынке СВА являлся Китай, а Япония – пищевых продуктов, напитков, различных готовых изделий, прочих товаров. Помимо КНР и Японии важное место в импорте сложных товаров в СВА также занимала Республика Корея. При этом к 2023 г. по причине переориентации внешней торговли с европейского рынка доля России в импорте по ряду товарных групп промышленной продукции приблизилась к доле Республики Корея. Фактически, российский рынок, который по размеру ВВП сопоставим с южнокорейским, в условиях нивелирования торгово-экономических связей со странами ЕС, способен стать одним из заметных потребителей готовой продукции на субглобальном рынке, но преимущественно китайской продукции в условиях имеющихся ограничений. Монголия является относительно небольшим рынком, спрос которого на продукцию стран СВА в целом был незначительным по всем товарным группам импорта. Несмотря на то, что доля КНДР во внутрирегиональной торговле являлась несущественной, тем не менее в 2014 г. почти половина совокупного импорта животного и растительного масла стран СВА приходилась именно на данную страну. Это обстоятельство указывает на то, что при смягчении различного рода ограничений к КНДР со стороны международного сообщества данная страна способна стать одним из важных потребителей продо-

вольственных товаров из стран СВА, в том числе из России.

Интенсивность торговли стран СВА

Несмотря на потенциальную возможность реализации имеющихся естественных преимуществ с точки зрения наличия взаимодополнения экономик субглобального региона, анализ динамики и структуры торговли указал на разнонаправленные тенденции – как сближения, так и расхождения торговых взаимодействий стран СВА. По этой причине необходимо оценить динамику интенсивности торговых взаимодействий в СВА по сравнению с товарооборотом экономик субглобального региона с третьими странами по укрупненным товарным группам для СВА в целом и для стран Большой тройки СВА, на которую приходится основная доля внутрирегионального товарооборота.

Интенсивность торговли субглобального региона отражает отношение доли стоимостного объема торговли внутри региона в его совокупной торговле со всеми странами мира к доле совокупной торговли данного региона в мировой торговле и оценивается в рамках индекса (1), показывая отклонение взвешенных значений торговли в пользу внутрирегионального/внешнего для региона рынка [Plummer, Cheong, Hamanaka, 2010]:

$$RTI_{i,t} = (IT_{i,t}/T_{i,t}) / (T_{i,t}/(T_{w,t} - T_{i,t})) \quad (1)$$

где: IT_i – внешнеторговый товарооборот между странами субглобального региона i ; T_i – внешнеторговый оборот стран субглобального региона i со всеми странами мира; T_w – товарооборот в мировой экономике; t – год. При $RTI = 0$ торговля между странами внутри субглобального региона не ведется. При $RTI = 1$ страны субглобального региона торгуют друг с другом с такой же интенсивностью, что и с другими странами мира, указывая на отсутствие отклонения интенсивности торговли региона в пользу какого-либо рынка. При $0 < RTI < 1$ интенсивность торговли субглобального региона отклоняется в пользу третьих стран, если $RTI > 1$, то в пользу стран региона, т. е. ин-

тенсивность торговли между странами субглобального региона выше, чем с третьими странами.

Оценки показали, что в целом значения интенсивности торговли стран СВА были меньше единицы, указывая на общее отклонение товарооборота субглобального региона в пользу третьих стран (табл. б).

Следует заметить, что в 2022–2023 гг. интенсивность торговли СВА немного возросла по причине динамичного наращивания товарооборота между Китаем и Россией. Тем не менее, данное обстоятельство не способствовало изменению общей тенденции по снижению интенсивности торговли в рамках СВА, поскольку основной причиной отклонения

товарооборота субглобального региона в пользу третьих стран являлось постепенное ослабление интенсивности торговли между основными экономиками региона – странами Большой тройки СВА.

Несмотря на важность гравитационного притяжения между экономиками субглобального региона в условиях имеющихся торгово-экономических барьеров, отсутствие заключения «глубокого» интеграционного формата между странами Большой тройки в СВА, а также видимое исчерпание позитивного влияния процесса глобализации, способствовали общему переключению части торговых потоков, главным образом сложных промышленных товаров, на рынки третьих

Таблица 6

Значения RTI для торговли стран СВА

Товарная группа	Группа стран	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	1	0,83	0,83	0,87	0,86	0,85	0,83	0,79	0,75	0,78	0,81
	2	0,85	0,84	0,88	0,87	0,85	0,81	0,76	0,72	0,72	0,69
0	1	1,54	1,48	1,52	1,45	1,41	1,24	1,07	1,01	0,98	1,08
	2	1,76	1,53	1,55	1,51	1,42	1,21	1,06	0,98	0,99	1,04
1	1	1,03	1,06	1,02	1,06	1,22	1,33	1,38	1,32	1,60	1,51
	2	1,28	1,20	1,21	1,29	1,43	1,61	1,74	1,70	2,02	1,86
2	1	0,29	0,32	0,32	0,29	0,31	0,27	0,24	0,24	0,25	0,22
	2	0,19	0,20	0,19	0,17	0,18	0,15	0,12	0,14	0,15	0,12
3	1	0,59	0,67	0,72	0,70	0,73	0,69	0,73	0,80	0,84	0,97
	2	0,32	0,37	0,36	0,34	0,33	0,28	0,27	0,26	0,18	0,20
4	1	0,41	0,52	0,67	0,64	0,81	0,74	1,02	0,72	0,82	1,10
	2	0,31	0,29	0,32	0,24	0,24	0,19	0,19	0,23	0,27	0,20
5	1	1,54	1,49	1,54	1,50	1,46	1,44	1,42	1,31	1,34	1,44
	2	1,76	1,67	1,74	1,70	1,62	1,61	1,54	1,43	1,45	1,54
6	1	0,92	0,85	0,92	0,92	0,90	0,89	0,79	0,80	0,76	0,79
	2	0,98	0,88	0,96	0,99	0,95	0,92	0,79	0,81	0,77	0,75
7	1	0,75	0,73	0,77	0,76	0,76	0,75	0,70	0,66	0,69	0,75
	2	0,75	0,73	0,77	0,76	0,76	0,74	0,68	0,64	0,66	0,68
8	1	0,75	0,74	0,79	0,77	0,79	0,76	0,69	0,63	0,61	0,65
	2	0,70	0,70	0,76	0,73	0,75	0,71	0,65	0,59	0,57	0,59
9	1	0,69	0,66	0,59	0,55	0,49	0,67	1,03	0,63	1,02	0,67
	2	0,90	0,81	0,96	1,01	0,97	1,20	2,17	1,31	1,09	0,68

Примечание: 1 – СВА; 2 – Большая тройка СВА. В первом столбце отражены товарные группы в формате SITC.

Источник: расчеты автора.

стран. Данный процесс являлся по всей видимости неизбежным, поскольку Китай, Япония и Республика Корея в таких условиях в целом исчерпали возможности наращивания торговли промышленными товарами за счет расширения торговли с внешней переработкой⁶ на китайской территории, а в Китае возникли крупные национальные промышленные корпорации, которые, с одной стороны, уже обладают необходимыми компетенциями в производстве подавляющего большинства промежуточных товаров, ранее поставлявшихся японским и южнокорейским корпоративными секторами, с другой стороны, составляют конкуренцию японским и южнокорейским компаниям на рынке третьих стран по множеству видов готовых промышленных товаров. При этом, как было отмечено ранее, Япония и Республика Корея торговали друг с другом в гораздо меньшей степени, чем с КНР. Также для стран Большой тройки СВА высокий уровень потребления сырьевых товаров, а именно непродовольственного сырья, традиционно поддерживался поставками из третьих стран (Австралия, страны Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америки), что также снижало интенсивность торговли в рамках СВА.

Тем не менее, по ряду товарных групп значения интенсивности торговли стран СВА были больше единицы, указывая на то, что в рамках конкретных товарных ниш торговое сближение в субглобальном регионе пусть эпизодично, но осуществлялось. К 2023 г. к таким товарным нишам относились: продовольственная продукция (пищевые продукты, напитки, животные и растительные масла); химические вещества. Страны Большой тройки СВА, являющиеся главными потребителями минерального топлива, преимущественно приобретали данную продукцию из стран Персидского залива, Юго-Восточной Азии, Австралии и Канады. По этой причине долгое время торговля данной товарной группой в СВА отклонялась в пользу третьих стран. Однако, ввиду массовых поставок российского углеводородного сырья, главным

образом на китайский рынок, к 2023 г. интенсивность торговли минеральным топливом в СВА характеризовалась паритетом с аналогичным показателем при взаимодействии с третьими странами.

Заключение

Суммарный рынок стран, входящих в СВА, является одним из крупнейших в мире. При прочих равных условиях данный субглобальный регион мог бы стать одним из успешных интеграционных образований в глобальной экономике, однако, под влиянием как экзогенных, так и эндогенных факторов и процессов этого не произошло, а внутрорегиональный товарооборот СВА не превышал 5% глобальной торговли в период 2014–2023 гг., характеризовавшийся нестабильным развитием мировой экономики. Анализ структуры товарооборота указал на то, что в СВА происходят не конфликтующие в явном виде друг с другом процессы, которые, тем не менее, могут вызвать в перспективе частичную торговую фрагментацию данного субглобального региона.

В среднем за 2014–2023 гг. на страны Большой тройки СВА традиционно приходилась основная доля внутрорегионального товарооборота. Страны Большой тройки СВА специализировались в экспорте промышленной продукции, а «периферийные» экономики субглобального региона – сырьевых товаров. К 2023 г. основную долю занимал Китай, нарастивший долю в торговле со странами СВА, далее следовали Япония и Республика Корея, постепенно теряющие свои доли. В 2014–2023 гг. страны Большой тройки СВА все больше ориентировали свою торговлю на рынки третьих стран и балансировали отрицательное сальдо внешнеторгового баланса со странами субглобального региона за счет профицита в торговле с третьими странами. При этом значительный прогресс в наращивании товарооборота в СВА, преимущественно с КНР, показали Россия и Монголия – «периферийные» экономики субглобального региона, характеризующиеся положительными сальдо внешнеторгового баланса со странами СВА.

⁶ К торговле с внешней переработкой относят импорт промежуточных товаров, которые подвергаются обработке или сборке с целью дальнейшего экспорта. Подробно: [Brandt, Li, Morrow, 2021; Kim, 2017].

Примечательным моментом является то, что в 2023 г. важным участником торговых взаимосвязей в субглобальном регионе стала Россия, заметно нарастившая товарооборот с КНР, который стал сопоставимым с торговлей между Китаем и Республикой Корея. Соответственно, в 2014–2023 гг. главным источником поддержания торговых взаимосвязей в СВА стал являться Китай, который задавал общий вектор торгово-экономических взаимодействий в субглобальном регионе, став центром притяжения для «периферийных» экономик, особенно в условиях введения против российской экономик санкций со стороны западных стран.

В 2014–2023 гг. в рамках торговых взаимодействий в СВА сложилась доминанта экспорта из Китая по многим товарным группам, однако в рамках сложной продукции Япония с Республикой Корея имели суммарный паритет с КНР. В условиях тесной производственной кооперации между странами Большой тройки СВА, наблюдалось обострение конкуренции между продукцией данных стран на субглобальном рынке. Россия и Монголия укрепили свои позиции в поставках ключевых сырьевых товаров преимущественно на китайский рынок, способствуя развитию китайской экономики. Помимо этого, по причине переориентации внешней торговли с европейского рынка, к 2023 г. Россия также стала одним из наиболее емких рынков в рамках СВА, особенно в импорте промышленной продукции, приблизившись к доле Республики Корея.

Полученные оценки интенсивности торговли стран СВА с одной стороны, подтвердили наличие отклонения торговли данного субглобального региона в пользу третьих стран, а с другой – указали на наличие потенциала для расширения торговых взаимосвязей, реализация которого сдерживается, прежде всего, нетарифными ограничениями, структурными и институциональными барьерами, а также все более проявляющимися геополитическими рисками. При этом в рамках конкретных товарных ниш – продовольственная продукция, химические вещества, а также минеральное то-

пливо – происходило сближение торговли в рамках СВА.

Таким образом, за 2014–2023 гг. в субглобальном регионе наблюдались следующие процессы. Во-первых, ориентация стран Большой тройки СВА на торговлю с третьими странами и постепенное ослабление торговых взаимодействий между ними, особенно между Японией и Республикой Корея. С этой точки зрения, при важности гравитационного притяжения между экономиками субглобального региона отсутствие заключения продвинутого интеграционного формата в СВА, а также вероятное исчерпание позитивного влияния членства стран в ВТО способствовали общему переключению части торговых потоков, главным образом сложных промышленных товаров, на рынки третьих стран. С этим, в частности, связаны сложности в создании ЗСТ между странами Большой тройки СВА [Yeung, 2021]. Во-вторых, фиксировался общий застой в торговле между странами Большой тройки СВА и фактически отсутствие взаимодействий между «периферийными» экономиками субглобального региона. В-третьих, гравитационное притяжение «периферийных» экономик СВА к Китаю в условиях благоприятных двусторонних политических отношений, создания экзогенных барьеров для взаимодействия с развитыми странами для российской и северокорейской экономик, а также отсутствия других альтернатив для монгольской экономики. Санкционные ограничения к российской экономике с 2014 г., а далее с 2022 г. существенно ужесточившиеся, способствовали наращиванию российско-китайской торговли, отодвинув на неопределенный период привлечение массового японского и южнокорейского капитала в трансграничные территории России для увеличения взаимного товарооборота и построения связующей инфраструктуры в субглобальном регионе, нивелировав тем самым возможности создания в СВА многостороннего кооперационного формата. Наряду с этим, большие трудности для расширения внешнеэкономических отношений со странами СВА имеются у

КНДР, существенно сужая возможности включения данной экономики в торговые взаимодействия в рамках субглобального региона.

Указанные процессы способствовали все большему расширению экономического влияния Китая в субглобальном регионе, который на основе расширения торговых взаимодействий сплотил вокруг себя «периферийные» экономики и создал интеграционный формат с Республикой Корея, постепенно изолировав японскую экономику, выступая

в роли неформального лидера в СВА. Данная фрагментация экономического пространства является объективной, поскольку помимо большого экономического масштаба КНР, который формирует гравитационное притяжение торговых потоков стран, значительно уступающих по размеру китайской экономике, Китай стал рассматриваться как наиболее удобный и «компромиссный» участник торгово-экономических взаимодействий для всех стран региона, даже конфликтующих между собой.

Список источников:

1. Асмолов, К. В., Захарова, Л. В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022. 440 с.
2. Афонцев, С. А. Политика и экономика торговых войн // Журнал новой экономической ассоциации. 2020. № 1 (45). С. 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-9.
3. Изотов, Д. А. Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации // Азия и Африка сегодня. 2023. № 10. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750028103-5
4. Мазитова, М. Г. Внешняя торговля Дальневосточного федерального округа в первой половине 2024 г. // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 3. С. 80–88. DOI: 10.14530/reg.2024.3.80
5. Brandt, L., Li B., Morrow, P. M. Processing trade and costs of incomplete liberalization: The case of China // Journal of International Economics. 2021. Vol. 131. Pp. 103453. DOI: 10.1016/j.jinteco.2021.103453
6. Cheong, D. Methods for Ex Ante Economic Evaluation of Free Trade Agreements. Asian Development Bank Working Papers on Regional Economic Integration No. 5, 2010. URL: http://aric.adb.org/pdf/workingpaper/WP52_Ex_Ante_Economic_Evaluation.pdf (дата обращения: 01 августа 2024).
7. Corning, G. P. CJK Investment Agreements in East Asia: Building a Bifurcated Investment Regime // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6. Issue 2. Pp.285–306. DOI: 10.1111/aspp.12111
8. Diener, A. C., Grant, A., Bennett, M. M. Northeast Asia in regional perspective // Asian Geographer. 2021. Vol. 38. Issue 2. Pp. 95–118. DOI: 10.1080/10225706.2021.1952778
9. Hamanaka, S. The Selection of Trade Integration Indicators: Intraregional Share, Intensity, Homogeneous Intensity, and Introversion Index. Asian Development Bank Economics Working Paper Series No. 455, 2015. DOI: 10.2139/ssrn.2708820
10. Kim, B. What has China learned from processing trade? // Economic Structures. 2017. Vol. 6. Issue 32. Pp. 1–14. DOI: 10.1186/s40008-017-0088-5
11. Kim, J., Kim, K., Park, S., Sun, C. The economic costs of trade sanctions: Evidence from North Korea // Journal of International Economics. 2023. Vol. 145. Pp. 103813. DOI: 10.1016/j.jinteco.2023.103813.
12. Lee, S., Lee, J., Kim, K., Choi, J.-Y. 2020/2021 The DPRK Economic Outlook. Korea Development Institute, 2021. URL: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17150/2020_2021_The_DPRK_Economic_Outlook (дата обращения: 01 августа 2024).
13. Liman, N. Preferential Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. 2016. Vol. 1B. Pp. 279–367. DOI: 10.1016/bs.hescop.2016.04.013
14. Plummer, M. G. Best Practices In Regional Trading Arrangements: An Application to Asia // The World Economy. 2007. Vol. 30. Issue 12. Pp. 1771–1796. DOI: 10.1111/

j.1467-9701.2007.01061.x

15. Plummer, M. G., Cheong, D., Hamanaka, S. Methodology for Impact Assessment of Free Trade Agreements. Asian Development Bank, 2010. URL: <https://www.adb.org/publications/methodology-impact-assessment-free-trade-agreements> (дата обращения: 01 августа 2024).

16. Rozman, G. A regional approach to Northeast Asia // Orbis. 1995. Vol. 39. Issue 1. Pp. 65-80. DOI: 10.1016/0030-4387(95)90054-3.

17. Scalapino, R. A. The Politics of Development: Perspectives on Twentieth Century Asia Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1989. 137 p.

18. Tochkov, K. North Korea's trade and the integration of Northeast Asia // Asia and the Global Economy. 2021. Vol. 1. Pp. 100007. DOI: 10.1016/j.aglobe.2021.100007

19. Wissenbach, U. Barriers to East Asian Integration: North East Asia – A Non-Region? // Journal of Global Policy and Governance. 2013. Vol. 2. Pp. 205–221. DOI: 10.1007/s40320-013-0042-3

20. World Economic Outlook Database (2024). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 01 августа 2024).

21. Yeung, W. Y. China's Approach to the Institutionalization of Trilateral Economic Cooperation // East Asia. 2021. Vol. 38. Pp. 207–223. DOI: 10.1007/s12140-021-09357-y

References:

1. Asmolov, K. V., Zakharova, L. V. (2022) Contemporary North Korea: the First Decade of the Kim Jong Un Era (2012–2021). Moscow, ICCA RAS, 440 p. (in Russ.)

2. Afontsev, S. A. (2020) Politics and economics of trade wars. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], no. 1 (45), pp. 193–198 DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-9 (in Russ.)

3. Izotov, D. A. (2023) Trade interactions between China and Russia: problems of intensification. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia & Africa today], no. 10, pp. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750028103-5 (in Russ.)

4. Mazitova, M. G. (2024) Foreign Trade of the Far Eastern Federal District in the First Half of 2024 *Regionalistica* [Regionalistics], vol. 11, no. 3, pp. 80–88 DOI: 10.14530/reg.2024.3.80 (in Russ.)

5. Brandt, L., Li, B., Morrow, P. M. (2021) Processing trade and costs of incomplete liberalization: The case of China *Zhurnal mezhdunarodnoy ekonomiki* [Journal of International Economics], vol. 131, pp. 103453. DOI: 10.1016/j.jinteco.2021.103453

6. Cheong D. (2010) Methods for Ex Ante Economic Evaluation of Free Trade Agreements. Asian Development Bank Working Papers on Regional Economic Integration No. 5, http://aric.adb.org/pdf/workingpaper/WP52_Ex_Ante_Economic_Evaluation.pdf (accessed August 01, 2024).

7. Corning G.P. (2014) CJK Investment Agreements in East Asia: Building a Bifurcated Investment Regime *Aziatskaya politika i politika* [Asian Politics & Policy], vol. 6, no. 2, pp. 285–306. DOI: 10.1111/aspp.12111

8. Diener, A. C., Grant, A., Bennett, M. M. (2021) Northeast Asia in regional perspective *Aziatskiy Geograf* [Asian Geographer], vol. 38, no. 2, pp. 95–118. DOI: 10.1080/10225706.2021.1952778

9. Hamanaka, S. (2015) The Selection of Trade Integration Indicators: Intraregional Share, Intensity, Homogeneous Intensity, and Introversion Index. Asian Development Bank Economics Working Paper Series No. 455. DOI: 10.2139/ssrn.2708820

10. Kim B. (2017) What has China learned from processing trade? *Ekonomicheskiye struktury* [Economic Structures], vol. 6, no. 32, pp. 1–14. DOI: 10.1186/s40008-017-0088-5

11. Kim, J., Kim, K., Park, S., Sun, C. (2023) The economic costs of trade sanctions: Evidence from North Korea *Zhurnal mezhdunarodnoy ekonomiki* [Journal of International Economics], vol. 145, pp. 103813. DOI: 10.1016/j.jinteco.2023.103813.

12. Lee, S., Lee, J., Kim, K., Choi, J.-Y. (2021) 2020/2021 The DPRK Economic Outlook. Korea Development Institute. https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17150/2020_2021_The_DPRK_Economic_Outlook (accessed August 01, 2024).
13. Limão N. (2016) Preferential Trade Agreements. Handbook of Commercial Policy, vol. 1B, pp. 279–367. DOI: 10.1016/bs.hescop.2016.04.013
14. Plummer, M. G. (2007) Best Practices In Regional Trading Arrangements: An Application to Asia *Mirovaya Ekonomika* [The World Economy], vol. 30, no. 12, pp. 1771–1796. DOI: 10.1111/j.1467-9701.2007.01061.x
15. Plummer, M. G., Cheong, D., Hamanaka, S. (2010) Methodology for Impact Assessment of Free Trade Agreements. Asian Development Bank. <https://www.adb.org/publications/methodology-impact-assessment-free-trade-agreements> (accessed August 01, 2024).
16. Rozman, G. (1995) A regional approach to Northeast Asia. *Orbis*, vol. 39, no. 1, pp. 65–80. DOI: 10.1016/0030-4387(95)90054-3.
17. Scalapino, R. A. (1989) The Politics of Development: Perspectives on Twentieth Century Asia. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts. 137 p.
18. Tochkov, K. (2021) North Korea's trade and the integration of Northeast Asia *Aziya i mirovaya ekonomika* [Asia and the Global Economy], vol. 1, pp. 100007. DOI: 10.1016/j.aglobe.2021.100007
19. Wissenbach U. (2013) Barriers to East Asian Integration: North East Asia – A Non-Region? *Zhurnal global'noy politiki i upravleniya* [Journal of Global Policy and Governance], vol. 2, pp. 205–221. DOI: 10.1007/s40320-013-0042-3
20. World Economic Outlook Database (2024). <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (accessed August 01, 2024).
21. Yeung W.Y. (2021) China's Approach to the Institutionalization of Trilateral Economic Cooperation *Vostochnaya Aziya* [East Asia], vol. 38, pp. 207–223. DOI: 10.1007/s12140-021-09357-y

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 11.03.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 11.03.2024.

Информация об авторе

Д. А. Изотов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

D. A. Izotov – Doctor of Economic Sciences, Leading researcher, the Economic Research Institute of FEB RAS.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 330.3(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-39-54

Трансформация условий энергоснабжения Хабаровского края: социально-экономические последствия

Ольга Валерьевна Дёмина¹, Светлана Николаевна Найден²,
Полина Сергеевна Бравок³

^{1, 2, 3} Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

¹ demina@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7992-5852>

² nayden@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1647-7853>

³ bravok@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4196-6840>

Аннотация. В статье рассмотрены системы энерго- и теплоснабжения Хабаровского края с учетом произошедших изменений институциональных условий их функционирования. Показано, что электроэнергетика является отраслью специализации региона в виду сосредоточения диспетчерских и управленческих функций в крае. Определено, что технологическое состояние энергосистемы края уступает соседним регионам Объединенной энергетической системы Востока, что обусловлено возрастом генерирующего оборудования, нарастанием дефицита мощности. Отмечено, что по характеристикам теплового хозяйства ситуация в крае складывается более благоприятно, чем в южной зоне Дальневосточного федерального округа. На основе оценки уровня потребления и покупательной способности выявлено, что по показателям экономической доступности электрической и тепловой энергии Хабаровский край уступает соседним регионам, что обусловлено в случае электроэнергии более высоким уровнем тарифов, а в случае тепловой энергии – более высоким удельным расходом.

Ключевые слова: системы электроснабжения, системы теплоснабжения, трансформации, экономическая доступность, Хабаровский край

Благодарность: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Хабаровского края №86с/2024 «Оценка социально-экономических последствий трансформации систем энергоснабжения Хабаровского края».

Для цитирования: Дёмина О. В., Найден С. Н., Бравок П. С. Трансформация условий энергоснабжения Хабаровского края: социально-экономические последствия // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 39–54. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-39-54>

Original article

Transformation of energy supply conditions in Khabarovsk krai: socio-economic consequences

Olga V. Dyomina¹, Svetlana N. Naiden², Polina S. Bravok³

^{1, 2, 3} The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹ demina@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7992-5852>

² nayden@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1647-7853>

³ bravok@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4196-6840>

Abstract. The article examines the energy and heat supply systems of the Khabarovsk Krai taking into account the changes in the institutional conditions of their functioning. The electric power industry is viewed as a branch of specialization of the region due to the concentration of dispatching and management functions in the region. The paper states that the technological status of the energy system of the region is inferior to the neighboring regions of the Eastern Unified Energy System, which is due to the old generating equipment and the increasing capacity deficit. Taking heat economy characteristics into account the situation in the region is more favorable than in the southern zone of the Far Eastern Federal District. Basing on the consumption and purchasing power assessment, economic accessibility of electric and thermal energy makes the Khabarovsk Krai inferior to neighboring regions, which is due to a higher level of electricity tariffs, and a higher thermal energy consumption.

Keywords: power supply systems, heat supply systems, transformations, economic accessibility, Khabarovsk Krai

Acknowledgments: the article was made with the financial support of the Khabarovsk Krai grant No. 86c/2024 “Assessment of the socio-economic consequences of the transformation of energy supply systems in Khabarovsk Krai”.

For citation: Dyomina O. V., Naiden S. N., Bravok P. S. (2024) Transformation of energy supply conditions in Khabarovsk krai: socio-economic consequences *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 39–54. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-39-54>

Введение

Современные преобразования в электро- и теплоэнергетике заключаются в реформе рынка тепловой энергии и проектируемом расширении второй ценовой зоны оптового рынка электроэнергетики путём присоединения неценовой зоны. В результате трансформации энергетической системы Дальнего Востока России изменяются институциональные и социально-экономические условия по производству, распределению и потреблению электрической и тепловой энергии.

Электроэнергетику и теплоэнергетику в силу их социальной значимости традиционно рассматривают с позиции выбора модели рынка и методов тарифного регулирования, в то время как оценки социально-экономических последствий изменения тарифов выполняются по остаточному принципу. Необходимость в подобных оценках многократно возрастает в условиях, когда возможности населения и организаций бюджетной сферы по оптимизации своих расходов, в том числе за счет сокращения потребления энергоресурсов, ограничены, что характерно для Дальнего Востока России в целом и для Хабаровского края в частности.

Экономическая доступность энергии

зависит от уровня цен, который определяется подходами к ценообразованию, обусловленному применяемой моделью организации рынка. Поэтому в первой части статьи описаны изменения институциональных условий на рынках электрической и тепловой энергии России, показаны особенности данного процесса на Дальнем Востоке. Во второй части представлен сравнительный анализ сложившихся систем энерго- и теплоснабжения в субъектах южной зоны Дальнего Востока и Республике Саха (Якутия), являющихся единой зоной обслуживания Объединенной энергетической системы Востока (далее – ОЭС Востока) и обладающих общностью условий функционирования рынка электроэнергии. При этом внимание фокусируется на Хабаровском крае, как территории, где трансформации институциональных условий функционирования систем электро- и теплоснабжения сопровождаются разнонаправленными изменениями, которые проявляются не только в росте издержек для производителей и росте тарифов для потребителей, но и оказывают положительное влияние на расширение занятости в энергоснабжении как отрасли специализации краевой экономики. В

третьей части представлены оценки экономической доступности электроэнергии на уровне экономики в целом, для промышленных потребителей и населения. Доступность тепловой энергии оценивалась только для населения, поскольку это основной потребитель, который не может отказаться от услуг теплоснабжения, а объем его потребления напрямую связан с площадью жилых домов.

Институциональные условия на рынках электрической и тепловой энергии России и ДФО

Особенности технологического процесса производства электрической и тепловой энергии, включая высокую взаимозависимость производителей и потребителей, географическую ограниченность рынков, приводят к сложностям при организации конкуренции на рынках электрической и тепловой энергии. Основные различия между видами энергии и организацией их рынков обусловлены дальностью ее передачи от мест генерирования к местам потребления. Эволюция представлений об оптимальной модели организации рынков электрической и тепловой энергии прошла путь от монополии к конкуренции, меняя роль государства от непосредственного регулирования до определения рыночных условий [Дерябина, 2006; Joskow, 2007; Derpooter, 1999]. Особенности функционирования рынков электроэнергии, теоретические описания моделей организации рынков, представленные в трудах ученых [Stoft, 2002; Kirschen, Strbac, 2004; Беляев, Подковальников, 2004; Гительман, Ратников, 2013; Айзенберг, Дзюба, 2020; Модели..., 2015], свидетельствуют о том, что для рынка электрической энергии наилучшей признается модель совершенной конкуренции.

Россия начала процесс либерализации рынка электрической энергии в конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. и к настоящему времени в исследуемой сфере экономической деятельности произошли следующие структурные преобразования: изменилась система государственного регулирования отрасли; осуществлен переход от вертикально интегрированных компаний к организациям, специализирующимся на отдельных видах деятельности; выделены потенциально конкурентные (производство, сбыт, ремонт и сервис) и

естественно-монопольные сферы (транспортировка, оперативно-диспетчерское управление); организовано функционирование оптового и розничных рынков электроэнергии. Структурные трансформации, происходящие в отрасли, привели к изменению подходов к ценообразованию, что отразилось на динамике и уровне цен на электроэнергию [Дёмина, Минакир, 2016]. По условиям регулирования на оптовом рынке электроэнергии выделяются две ценовые зоны, в рамках каждой из которых устанавливается единая цена на мощность. В ценовых зонах регулируемые цены сохранены только для населения и приравненных к нему групп потребителей, в неценовых зонах – для всех потребителей [Дёмина, 2024].

В отличие от большей части территории России на Дальнем Востоке процесс либерализации рынка электрической энергии еще не завершен. В макрорегионе можно выделить три зоны по условиям функционирования рынка электрической энергии: рыночную (Забайкальский край, Республика Бурятия, обслуживаемые ОЭС Сибири), квази-рыночную (Хабаровский край, Приморский край, Амурская область, ЕАО и Республика Саха (Якутия), обслуживаемые ОЭС Востока), регулируемую (Сахалинская область, Магаданская область, Камчатский край и Чукотский автономный округ, изолированные и обслуживаемые региональными энергосистемами) [Развитие..., 2021]. Рыночная зона относится ко второй ценовой зоне оптового рынка электроэнергии, квази-рыночная – ко второй неценовой зоне оптового рынка, а регулируемая характеризуется наличием только розничных рынков (технологически изолированные территориальные электроэнергетические системы). В квази-рыночной зоне ценообразование осуществляется путем трансляции цен с оптового на розничный рынок, в регулируемой зоне ценообразование строится по затратному принципу. В квази-рыночной и регулируемой зонах сохраняется государственное регулирование тарифов для всех групп потребителей. В процессе продолжения либерализации рынка электрической энергии предусмотрен переход с 1 января 2025 г. второй неценовой зоны (включая Хабаровский край) во вторую ценовую зону с распространением

соответствующих условий ценообразования, что будет иметь определенные последствия для потребителей¹.

Дальний Восток традиционно лидирует в стране по уровню формируемых тарифов на электроэнергию, поэтому для него введен специальный механизм выравнивания за счет межтерриториального перекрестного субсидирования. Так, начиная с 2018 г. по настоящее время, в соответствии с установленным порядком назначаются базовые тарифы для потребителей макрорегиона (за исключением населения), в случае превышения которых регион получает субсидию для снижения фактически складывающихся тарифов на электроэнергию до базового уровня². Отдельно реализуется мера поддержки производителей электрической энергии, для которых предусмотрены надбавки на мощность для оптового рынка электроэнергии, аккумулируемые для проведения модернизации тепловой генерации в макрорегионе³, а также государственная поддержка по развитию сетевого хозяйства (в части предоставления готовой инфраструктуры резидентам территорий опережающего развития за счет бюджетных средств) и поддержка инвестиционных проектов (софинансирование из федерального бюджета, в том числе стоимости технологического подключения к электрическим сетям)⁴.

Особенности развития и регулирования рынков тепловой энергии, в отличие от рынков электрической энергии, как в целом по стране, так и в ее регионах, свидетельствуют о снижении регулирования со стороны государственной власти

[Башмаков, 2009; Семикашев, Зотова, 2011; Стенников, Пеньковский, 2021].

Если до конца XX века канонической моделью рынков тепловой энергии считалась регулируемая естественная монополия [Анализ..., 2013], то в настоящее время наблюдается отказ от регулирования и переход к конкурентным отношениям, распространение которых возможно только при условии одновременного выполнения следующих условий: присутствует конкуренция как между формами организации теплоснабжения, так и между производителями на оптовых рынках тепловой энергии; отсутствует государственное регулирование цен на тепловую энергию [Дёмина, 2018; Стенников, Хамисов, Пеньковский, 2022].

В действительности рынок тепловой энергии России формировался как естественная монополия с государственным регулированием и с точки зрения экономической целесообразности продолжает оставаться таковым до сих пор. Тарифы на тепловую энергию устанавливаются для каждого производителя и пересматриваются ежегодно. В основе их расчета заложена информация о необходимой валовой выручке и расходах по инвестиционным программам для развития тепловой генерации и сетевого распределения. В рамках национальных стратегических приоритетов с 2017 г. в России осуществляется реформа рынка тепловой энергии, которая заключается в изменении методов ценообразования и правил функционирования для производителей. Предполагается переход от прямого установления уровня цен на тепловую энергию к

¹ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 3 июля 2024 г. № 6404-8 ГД «О проекте федерального закона № 653385-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике». URL: <https://base.garant.ru/409305784/>

² Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2023 года № 3964-р «О тарифах на электрическую энергию (мощность) для субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, на 2024 год». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312290100>

³ Распоряжение Правительства России от 19 июня 2023 года № 1604-р «Об утверждении перечня генерирующих объектов тепловых электростанций, подлежащих модернизации (реконструкции) или строительству в неценовых зонах оптового рынка электрической энергии и мощности». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306200009>

⁴ Предельные объемы субсидий на финансовое обеспечение затрат на создание и (или) реконструкцию объектов инфраструктуры, а также на технологическое присоединение энергопринимающих устройств к электрическим сетям и газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям в целях реализации инвестиционных проектов на территории Дальнего Востока: Утверждены распоряжением Правительства РФ от 13.07.2015 № 1339-р. URL: <http://government.ru/docs/18869/>

определению предельного уровня цен для конечного потребителя, рассчитываемого, исходя из принципа «альтернативной котельной» [Дёмина, 2017] (цена возможной поставки от источника, замещающего централизованное теплоснабжение). Вводятся долгосрочные договорные отношения между единой теплоснабжающей организацией (ЕТО) и прочими теплоснабжающими организациями, повышается доступность подключения к тепловым сетям⁵. Реализация такого перехода возможна только в случае, если в системе централизованного теплоснабжения функционируют источники с комбинированной выработкой электрической и тепловой энергии (когенерацией). По данным Минэнерго России в 2022 г. в целом по стране функционировало 395 когенерационных тепловых электростанций мощностью от 500 кВт и выше. Другими словами, из почти 50 тыс. существующих локальных систем теплоснабжения, менее 400 соответствуют данным условиям⁶. По информации ведомства переход на целевую модель рынка по состоянию на 1 апреля 2024 г. уже осуществили 43 муниципальных образования, в которых проживает 13,6 млн человек⁷. Среди дальневосточных территорий пока на новую модель рынка тепловой энергии перешли 4 муниципальных образования в Амурской области и Забайкальском крае, остальных это ждет в ближайшей перспективе.

Следует отметить, что в целом рынки электрической и тепловой энергии тесно связаны между собой в рамках технологических процессов тепловых электростанций, доминирующих в производстве электроэнергии в России, на Дальнем Востоке и особенно в Хабаровском крае, изучение

которого в качестве объекта наблюдения трансформационных преобразований и их последствий представляет исследовательский интерес. Одним из таких последствий, например, стало изменение запроса на кадры со стороны электроэнергетики в результате институциональных трансформаций. По данным Росстата, численность занятых в отрасли в 2023 г. составила 17,4 тыс. человек или 2,6% от общей численности по всем видам экономической деятельности в крае, что выше, чем в среднем по стране (2,1%)⁸. В настоящее время в Хабаровском крае функционируют Магистральные электрические сети Востока (далее – МЭС Востока)⁹, отвечающие за передачу электроэнергии по магистральным электрическим сетям по всей южной зоне Дальнего Востока, обеспечивая электрическую связь объединенной энергетической системы ОЭС Востока с ОЭС Сибири, экспорт электроэнергии в КНР. В зону обслуживания МЭС Востока входят электросетевые объекты, расположенные на территориях Приморского края, Амурской области, Еврейской автономной области, Хабаровского края; Республики Саха (Якутия). С мая 2023 г. в крае организовано Тихоокеанское региональное диспетчерское управление (РДУ)¹⁰, осуществляющее функции оперативно-диспетчерского управления объектами электроэнергетики на территории Хабаровского края и Еврейской автономной области, а также в технологически изолированных территориальных энергосистемах Сахалинской и Магаданской областей, Камчатского края, Чукотского автономного округа. Таким образом, в Хабаровском крае постепенно происходит концентрация управленческого персона-

⁵ Целевая модель рынка тепловой энергии / Минэнерго России. URL: <https://minenergo.gov.ru/industries/power-industry/target-model-thermal-energy-market> (дата обращения – июль 2024 г.)

⁶ Доклад о состоянии теплоэнергетики и централизованного теплоснабжения в Российской Федерации в 2022 году / Минэнерго России, РЭА. 2024. URL: <https://minenergo.gov.ru/press-center/presentations/doklad-o-sostoyanii-teploenergetiki-i-tsentralizovannogo-teplosnabzheniya-v-rf-2022->

⁷ Информация о ценовых зонах теплоснабжения на 01.04.2024 / Целевая модель рынка тепловой энергии / Минэнерго России. URL: <https://minenergo.gov.ru/industries/power-industry/target-model-thermal-energy-market> (дата обращения – июль 2024 г.)

⁸ Среднегодовая численность занятых в экономике (расчеты на основе интеграции данных) с 2017 г. // ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: август 2024 г.)

⁹ МЭС Востока // ПАО «Россети». URL: <https://www.rosseti.ru/company/geography-of-activity/affiliates/mes-east/> (дата обращения: июль 2024 г.)

¹⁰ Новые функции – новое имя: Хабаровское РДУ стало Тихоокеанским: пресс-релиз / Системный оператор ЕЭС. 18.05.2023 г. URL: <https://www.so-ups.ru/news/press-release/press-release-view/news/21740/> (дата обращения: июль 2024 г.)

ла, выполняющего функции диспетчеризации в электроэнергетике, являющейся отраслью специализации региона, о чем свидетельствуют значения коэффициентов локализации отрасли (в среднем 1,1 за последние 10 лет¹¹). В целом надежность энергоснабжения и его экономическая доступность для потребителей определяют условия конкурентоспособности региональной экономики и качества жизни населения в конкретном регионе.

Характеристика энергосистемы Хабаровского края

Электрическая и тепловая энергия, производимые в Хабаровском крае, покрывают 42% от потребности в энергоресурсах у конечных потребителей¹², что обуславливает высокую значимость систем электро- и теплоснабжения в обеспечении жизнедеятельности населения и функционирования экономики региона. В зоне централизованного энергоснабжения края производится 98% электрической энергии, потребляемой в регионе, почти 70% населенных пунктов охвачено централизованным теплоснабжением, остальные, расположенные в северных, удаленных и труднодоступных территориях, относятся к районам с децентрализованным энергоснабжением.

Надежность энергоснабжения для потребителей определяется техническими характеристиками генерирующего оборудования и сетевого хозяйства края. Централизованное обеспечение электрической энергией осуществляется в рамках региональной энергосистемы Хабаровского края и Еврейской автономной области, входящей в состав ОЭС Востока, где вместе с Приморским краем, Амурской областью и Республикой Саха (Якутия), с точки зрения институциональных условий и топологии сетей, сформирова-

ны единые условия на рынке электроэнергии в ДФО (табл. 1).

Энергосистема Хабаровского края уступает остальным региональным системам ОЭС Востока по возрасту генерирующего оборудования (в среднем 41,1 год в отличие от 33,9 лет в среднем по ДФО), что провоцирует высокий моральный и физический износ оборудования, аварийность и повышенный расход топлива, объективно удорожая стоимость электроэнергии для потребителей. Кроме того, в крае наблюдается дефицит электрической энергии, удовлетворяемый за счет поставок в рамках ОЭС Востока, и нарастает дефицит мощности (с учетом требований по резервированию). Для обеспечения потребностей в электрической и тепловой энергии ведется строительство Хабаровской ТЭЦ-4, в рамках государственной программы модернизации тепловой энергетики России¹³, которая будет введена в 2027 г. взамен Хабаровской ТЭЦ-1, поэтому размещается непосредственно на площадке последней. Электрическая мощность Хабаровской ТЭЦ-4 составит 328 МВт, а тепловая – 1 368,3 Гкал/час.

Важным вопросом остается надежность топливоснабжения электростанций края. Поставки природного газа в край осуществляются из Сахалинской области по газопроводу Сахалин–Хабаровск–Владивосток, а наличие единственной газопроводной системы в условиях доминирования природного газа в топливной корзине снижает надежность энергоснабжения. С целью улучшения показателей энергетической безопасности края и диверсификации поставок начато проектирование газопровода «Белогорск–Хабаровск», который обеспечит соединение газопроводов «Сила Сибири» и «Сахалин–Хабаровск–Владивосток»¹⁴. Это

¹¹ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: май 2024 г.)

¹² Топливо-энергетический баланс Хабаровского края до 2030 года / Министерство энергетики Хабаровского края URL: <https://tek.khabkrai.ru/Programmy/1629/O-programme>

¹³ Строительство, модернизация и расширение шести тепловых электростанций на Дальнем Востоке / ПАО РУСГИДРО. URL: https://rushydro.ru/activity/production/teplovaya-generatsiya/stroitelstvo-i-modernizatsiya/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru; Распоряжение правительства РФ от 15 июля 2019 года № 1544-р

¹⁴ Алифирова Е. Газпром начал изыскания по соединению МГП Сила Сибири-1 и Сахалин - Хабаровск - Владивосток / Neftegaz.ru URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/795568-gazprom-nachal-izyskaniya-po-soedineniyu-mgp-sila-sibiri-1-i-sakhalin-khabarovsk-vladivostok/?ysclid=m17cc74p8u902883375>

Таблица 1

**Характеристика основных показателей энергоснабжения в субъектах РФ,
входящих в ОЭС Востока, 2023 г.**

Показатели	Субъекты, входящие в ОЭС Востока				
	Республика Саха (Якутия)	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Еврейская авт. область*
Структура генерирующих мощностей по видам, %					
- ТЭС	71,3	100	100	16,5	-
- ГЭС	28,5	-	-	83,5	-
- прочие	0,2	-	-	-	-
Установленная мощность, ГВт	3,4	2,8	2,5	4,4	-
Максимум потребления мощности, ГВт	1,5**	2,7	2,1	1,8	-
Объем производства, млрд кВт•ч	12,1	11,5	10,6	18,1	-
Объем потребления, млрд кВт•ч	11,8	14,4	9,8	10	1,8
Сальдо-переток, млрд кВт•ч	-0,3	2,9	-0,8***	-8,1	1,8
Доля природного газа в корзине ТЭС и котельных (по состоянию на 2021 г.), %	34	25,3	55,7	-	-
Средний возраст генерирующего оборудования, лет	36,7	39,2	41,1	26,9	-

Примечание: «-» – явление отсутствует, * – ЕАО обслуживается энергосистемой Хабаровского края, собственная генерация отсутствует, ** – максимум потребления по Западному, Центральному и Южно-Якутскому энергорайонам, *** – отрицательные показатели означают превышение объема исходящих поставок из данного региона над объемом, полученным из других регионов.

Источник: составлено и рассчитано по: Отчет о функционировании ЕЭС России в 2023 году (на основе оперативных данных) / Системный оператор ЕЭС. 2024. URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2024/ups_rep2023.pdf (дата обращения: июль 2024 г.); Электробаланс и потребление электроэнергии в РФ в 2005–2023 гг. / Росстат. М., 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: июнь 2024 г.).

позволит использовать природный газ с месторождений Республики Саха (Якутии) и Иркутской области для топливоснабжения в крае. Кроме того, длительное время поставки сахалинского природного газа осуществлялись в рамках долгосрочного контракта, по условиям которого все расчеты за газ осуществлялись в долларах США, что приводило к резким скачкам стоимости топлива для ТЭС из-за колебаний валюты. Последнее дважды нивелировалось со стороны государства (в 2016 г. и в 2018 г., когда резко выросли

цены на природный газ) путем выделения краю целевых субсидий на оплату топлива¹⁵. В отличие от Приморского края, которому сахалинский газ изначально поставлялся в рублях по контракту с ПАО Газпром, переход Хабаровского края на рублевые расчеты произошел только с 2022 г. (по действующему контракту до сентября 2025 г.¹⁶) и пока остается менее выгодным.

Хабаровский край входит в одну из самых холодных климатических зон страны, демонстрируя длительность

¹⁵ Правительство компенсировало Хабаровскому краю тарифы на природный газ в объеме 2,6 млрд рублей // Дальневосточный капитал. 15.11.2018 г. URL: https://dvcapital.ru/regionnow/khabarovskij-kraj_15.11.2018_13489_pravitelstvo-kompensirovalo-khabarovskomu-kraju-tarifny-na-prirodnyj-gaz-v-objeme-2-6-mlrd-rublej.html

¹⁶ Хабаровский край перешел на расчеты за газ в рублях и ищет новых поставщиков // Российская газета - Спецвыпуск: ТЭК. №204 (8852). 13.09.2022 г. URL: <https://rg.ru/2022/09/13/minus-dollar-plus-truba.html> (дата обращения: июнь 2024)

отопительного периода от 202 дней в южных до 272 дней в северных районах края. При этом средняя температура в отопительный период варьирует от -14,6 до -5,9⁰C¹⁷, достигая температурного минимума -37,9⁰C в январе месяце. Суровый климат обусловил распространение централизованного теплоснабжения в 70% муниципальных образованиях края. Установленная мощность источников теплоснабжения в централизованных системах самая высокая среди субъектов, входящих в ОЭС Востока, составляет 9,7 тыс. Гкал/час и производит максимальный объем отпуска тепловой энергии (21 млн Гкал), который на 35% больше, чем в соседних, сходных по климатическим условиям субъектах ДФО, вместе взятых (Амурской области, Еврейской автономной области, Приморском крае) (табл. 2). В числе основных потребителей тепла (2/3 от общего объема) – население и бюджетные организации. Доля ТЭЦ в покрытии потребления тепловой энергии края занимает 61%, остальное приходится на котельные, расположенные в многочисленных населенных пунктах, порой значительно удаленных друг от друга и расположенных в труднодоступных местах, где действуют ограничения по завозу топлива и материалов, что создает дополнительные сложности с обеспечением бесперебойного теплоснабжения.

Одной из основных проблем систем теплоснабжения является высокий износ тепловых сетей. В Хабаровском крае замены требует пятая часть тепловых сетей, что является наилучшим показателем по регионам, входящим в ОЭС Востока, и подтверждается одним из наиболее низких показателей аварийности в системах теплоснабжения. В то же время, несмотря на лидерование по уровню надежности систем централизованного теплоснабжения в части развития те-

пловых сетей, повышенный возраст тепловых электростанций в крае и менее благоприятные условия топливоснабжения (т. к. на ТЭЦ приходится основная тепловая нагрузка) снижают надежность системы в целом.

Потребление и экономическая доступность энерго- и теплоснабжения Хабаровского края

По масштабам потребления электрической энергии Хабаровский край занимает 4 место в ДФО (13,3% от общего объема электропотребления по округу), демонстрируя стабильные, но сравнительно невысокие темпы роста (в среднем 101,5% за период 2012–2023 гг.)¹⁸. В числе основных потребителей края – промышленность (40,8% от общего объема электропотребления по краю) и население (21,0%), в отличие от остальных регионов зоны ОЭС Востока, где в первую тройку крупных потребителей входят еще и транспорт. Зато благодаря более диверсифицированному характеру экономики Хабаровского края в числе заметных потребителей электроэнергии представлены также торговля (8,1%) и строительство (5,1%). Стройиндустрия Хабаровского края потребляет более 40% всей электроэнергии, расходуемой в отрасли строительства в целом по ДФО. Этому в немалой степени способствовало объединение в 2022 г. более 20 ведущих строительных компаний края в промышленно-строительный кластер с целью увеличения темпов строительства и ввода нового жилья на территории региона¹⁹.

Среднедушевое потребление электроэнергии населением Хабаровского края (чуть более 1600 кВт•ч на человека в год) почти на четверть превышает среднее значение по России (1260 кВт•ч на человека в год), но уступает остальным территориям южной зоны ДФО, в частности, почти на треть – соседнему Приморско-

¹⁷ СП 131.13330.2020. Свод правил. Строительная климатология / Минстрой России. – Взамен СНиП 23-01-99: введен 25.06.2021. URL: [https://acs-nnov.ru/assets/files/sp_131.13330.2020_stroitel'naya_klimatologiya\(1\).pdf](https://acs-nnov.ru/assets/files/sp_131.13330.2020_stroitel'naya_klimatologiya(1).pdf)

¹⁸ Электробаланс и потребление электроэнергии в РФ в 2005-2023 гг. / Росстат. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: июнь 2024)

¹⁹ Промышленно-строительный кластер Хабаровского края // Официальный сайт <https://stroyklasterdv.ru/> (дата обращения: апрель 2024); Полякова М. Домострой и кластер // Хабаровский экспресс. 19 июля 2023 г. №29 (1551). URL: <https://habex.ru/index.php/articles/233-29-1551-19-iyulya-2023-goda/976-domostroj-i-klaster>

Таблица 2

**Характеристика основных показателей теплоснабжения в субъектах РФ,
входящих в ОЭС Востока, 2023 г.**

Показатели	Субъекты, входящие в ОЭС Востока				
	Республика Саха (Якутия)	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Еврейская авт. область
Количество населенных пунктов с централизованными системами теплоснабжения, шт.	411	119	154	245	5
Длительность отопительного периода, суток*	252	199	204	210	210
Средняя температура в отопительный период, °С*	-20,6	-4,2	-9,5	-10,6	-10,1
Установленная мощность источников теплоснабжения в системах централизованного теплоснабжения, тыс. Гкал/час	8,6	5,9	9,7	5,5	0,8
Протяженность тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении на конец года, тыс. км	4,4	2,4	2	1,8	0,3
Доля тепловых и паровых сетей, нуждающихся в замене, %	37	26	20,8	46,6	24
Число аварий в системах теплоснабжения, шт.	5	20	8	8	23
Объем отпуска тепловой энергии в системах централизованного теплоснабжения, млн Гкал	11,1	8	21	6,6	0,9
Доля населения и бюджетных организаций в структуре отпуска тепловой энергии в системах централизованного теплоснабжения, %	63,2	69,9	66,2	60,7	63,1
Количество муниципальных образований, перешедших на целевую модель рынка тепловой энергии, шт.	0	0	0	3	0

Примечание: * данные приведены для столиц субъектов РФ

Источник: составлено по: Сведения о снабжении теплоэнергией по субъектам Российской Федерации в 2023 году / Жилищные условия. Коммунальное хозяйство // Росстат, М., 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya#; Информация о ценовых зонах теплоснабжения 01.04.2024 / Минэнерго. URL: <https://minenergo.gov.ru/industries/power-industry/target-model-thermal-energy-market>; СП 131.13330.2020. Свод правил. Строительная климатология / Минстрой России. – Взамен СНиП 23-01-99: введен 25.06.2021. URL: [https://acs-nnov.ru/assets/files/sp_131.13330.2020_stroitel'naya_klimatologiya\(1\).pdf](https://acs-nnov.ru/assets/files/sp_131.13330.2020_stroitel'naya_klimatologiya(1).pdf)

му краю (2339 кВт•ч на человека в год). Впрочем, последнее свидетельствует не столько об избытке энергии в Приморье, сколько об иной структуре потребления в экономике (доля промышленных и бюджетных электропотребителей оказывается меньше, чем в структуре Хабаровского края) и о замещении тепловой энергии электрической для отопления жилищ, поскольку в 40% жилых домов приморчан отсутствует центральное отопление. При этом в Хабаровском крае сконцентрировано 16,3% от всего жилого фонда ДФО, который почти на четверть оборудован электрическими плитами. По оценкам специалистов [Ефременко, Шеварухин, 2012], современный уровень электропотребления в домах давно превысил расчетные нормативы даже в домах, обо-

рудованных газом, которых, например, в рассматриваемой энергосистеме чуть менее 2/3 от всего жилого фонда.

Наряду с показателями, характеризующими надежность энергоснабжения, важным показателем является стоимость электрической и тепловой энергии для потребителей, которая в том числе зависит от институциональных условий, действующих на территории. Электроснабжение потребителей Хабаровского края осуществляется в рамках условий общих для 2-й неценовой зоны оптового рынка электроэнергии, а теплоснабжение – в условиях сохранения прежней модели рынка. В результате государственное регулирование тарифов сохраняется и на электрическую, и на тепловую энергию.

Ввиду отсутствия рыночных условий

новые генерирующие объекты (Хабаровская ТЭЦ-4) финансируются за счет межтерриториального перекрестного субсидирования (надбавка к цене за мощность в ценовых зонах оптового рынка). С 1 января 2025 г. предполагается переход во 2-ю ценовую зону с маргинальным ценообразованием и конкурентным отбором мощности для новой генерации. В таких условиях стоимость генерации будет распределяться уже не на все ценовые зоны, а только на ту, в которой функционирует объект. Следовательно, вынужденная генерация краевых ТЭЦ значительно превысит по стоимости соседние регионы, что негативно скажется на формировании цены для потребителей. Кроме того, длительное время тарифы в регионе удерживались ниже фактических затрат, но в условиях отсутствия регулирования такое ограничение будет затруднительно. Все это дает основание предполагать ускоренный рост тарифов для потребителей в результате перехода в ценовую зону, хотя уже сейчас местные тарифы в 1,5 превышают тарифы, установленные для потребителей соседней ОЭС Сибири. Дополнительным последствием ожидаемых институциональных изменений станет увеличение числа участников на рынке, что может сопровождаться снижением надежности энергоснабжения региона.

Оценка экономической доступности электроэнергии авторами анализируется в разрезе групп потребителей: экономика в целом, промышленность и население. Для каждой группы используются свои показатели. Для экономики в целом – электроемкость валового регионального продукта (далее – ВРП) и доля электроэнергетики в структуре произведенного ВРП; для промышленных потребителей – доля затрат на электроэнергию в материальных затратах и среднеотпускной тариф; для населения – тариф для населения и покупательная способность их доходов. При этом показатель «доля электроэнергетики в структуре ВРП» выступает как оценка теневой цены электроэнергии, т. е. общих затрат экономики для энергоснабжения, т. к. электроэнергия преимущественно потребляется внутри региона производ-

ства [Башмаков, 2016].

При сопоставлении экономической доступности электроэнергии на уровне экономики в целом, Хабаровский край, где доля электроэнергетики занимает 2,6% в ВРП, балансирует между наиболее дорогой в Еврейской автономной области (3,1%), Республике Саха (Якутия) (2,8%) и относительно дешевой в Приморском крае (2,1%) (табл. 3). Амурская область в сравнении не участвует, поскольку 45% от объема произведенной электроэнергии в регионе, направляется за его пределы. По уровню электроемкости ВРП по Хабаровскому краю (0,009 кВт•ч /руб.) также достается среднее значение в системе ОЭС Востока. С точки зрения среднеотпускного тарифа, установленного в крае для промышленных потребителей на уровне 4,2 руб. за кВт•ч, что в 1,8 раза ниже, чем в Республике Саха (Якутии) (7,5 руб./кВт•ч), но практически неотличимо от остальных субъектов ОЭС Востока, дополнительных конкурентных преимуществ для промышленности в данном регионе нет. По доле электроэнергии в формировании материальных затрат на продукцию промышленного производства Хабаровский край вновь оказывается на уровне среднего по ДФО – 3,6%, значительно опережая Приморский край (2,1%), но уступая Еврейской автономной области (5,4%) и Республике Саха (Якутия) (3,9%). Последнее объясняется разницей в структуре промышленного производства регионов.

Различия в экономическом развитии территорий формируют и разные доходные возможности населения по оплате коммунальных услуг, включая электро-снабжение. В южной зоне, где объективно более благоприятная среда обитания и менее интенсивный отток населения, наиболее благополучную позицию стабильно занимает Хабаровский край, экономика которого обеспечивает номинально среднедушевые доходы выше среднероссийских (55,7 тыс. руб. против 53,1 тыс. руб. по РФ) и самый низкий уровень бедности среди территорий ОЭС Востока (9,8%)²⁰. В результате пространственной неоднородности экономическая доступность, трактуемая как покупательная способность

²⁰ Уровень бедности / Неравенство и бедность // Росстат. М., 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: июль 2024 г.)

среднедушевых доходов по приобретению электроэнергии, для жителей разных территорий оказывается тоже разной. При этом покупательная способность сравнительно высоких номинальных доходов населения Хабаровского края (11,0 тыс. кВт•ч в месяц) из-за высокой ставки тарифа (5,09 руб. за кВт•ч) едва опережает покупательную способность доходов жителей Республики Саха (Якутия) (10,2 тыс. кВт•ч) и Еврейской автономной области (9,9 тыс. кВт•ч), значительно проигрывающая жителям Приморского края (14,4 тыс. кВт•ч в месяц) и Амурской области (13,9 тыс. кВт•ч в месяц), где даже на фоне пониженных доходов за счет более низких тарифов обеспечивается повышенная экономическая доступность приобретения электроэнергии (табл. 3). В среднем удель-

ный вес расходов за потребленный объем электроэнергии в располагаемых доходах населения Хабаровского края составляет 1,40%, что меньше, чем в Приморском крае (1,56%) и Еврейской автономной области (1,85%), где выше уровень потребления, но больше, чем в Амурской области (1,25%), где ниже тариф, и больше, чем в Республике Саха (Якутия) (1,13%), где выше доходы и сложился самый низкий уровень потребления.

В отличие от электроснабжения оценка доступности услуг теплоснабжения проведена авторами только в части населения, которое остается одним из основных потребителей систем централизованного теплоснабжения, наряду с бюджетно-финансируемыми организациями. Промышленные предприятия

Таблица 3

Экономическая доступность электроэнергии, 2023 г.

Показатели	Субъекты РФ, входящие в ОЭС Востока				
	Республика Саха (Якутия)	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Еврейская авт. область
Электроёмкость ВРП, 2022 г., кВт•ч /руб.	0,005	0,009	0,009	0,016	0,021
Доля электроэнергетики в ВРП, 2022 г., %	2,8	2,1	2,6	4,3	3,1
Доля электроэнергии в материальных затратах, %	3,9	2,1	3,6	7,4	5,4
Среднеотпускной тариф на электроэнергию, руб./кВт•ч	7,50	4,20	4,20	4,30	4,30
Потребление электроэнергии на душу населения, кВт•ч/чел. в год	1203	2339	1603	1808	1904
Среднедушевые денежные доходы населения, тыс. руб. в месяц	69,0	54,0	55,7	53,9	43,1
Тариф на электроэнергию для населения, руб./кВт•ч	6,79	3,75	5,09	3,89	4,37
Покупательная способность доходов населения, тыс. кВт•ч в месяц	10,2	14,4	11,0	13,9	9,9

Источник: составлено и рассчитано по: Валовой региональный продукт / Национальные счета. Росстат. 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: июнь 2024 г.); Затраты на производство и реализацию продукции (товаров, работ, услуг) с 2017 г. / ЕМИСС. 2024. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58552> (дата обращения: июнь 2024 г.); Книга приложений к годовому отчету 2023 г. / ПАО Русгидро. 2024. С. 450-451. URL: <https://storage.yandexcloud.net/storage.rushydro.ru/iblock/a86/a86d65a95ce66d99e359dfd136d09ca4/Kniga%20prilozheniy.pdf> (дата обращения: июнь 2024 г.); Электробаланс и потребление электроэнергии в РФ в 2005–2023 гг. / Росстат. М., 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: июнь 2024 г.); Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации (новая методология) / Уровень жизни / Росстат. 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: июнь 2024 г.); Средние потребительские цены (тарифы) на товары и услуги / ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/31448> (дата обращения: август 2024 г.)

еще в начале 2000-х гг. массово уходили от централизованного теплоснабжения и создавали собственные котельные или электрическое отопление [Некрасов, Сивняк, Воронина, Семикашев, 2011].

В итоге доля промышленности в структуре отпуска тепловой энергии в системах централизованного теплоснабжения не превышает 7%. Тарифы на тепловую энергию устанавливаются для каждого производителя и пересматриваются ежегодно. В основе их расчета заложена информация о необходимой валовой выручке и расходах по инвестиционным программам. В Хабаровском крае отсутствуют населенные пункты с ценообразованием на основе цены «альтернативной котельной», которая внедряется в рамках реформирования рынка тепловой энергии пока только в отдельных населенных пунктах других субъектов ДФО²¹.

Доступность теплоснабжения для населения зависит от уровня благоустройства жилищного фонда и обеспеченности централизованным отоплением и горячим водоснабжением. Предоставление данных услуг осуществляется преимущественно по нормативным показателям независимо от фактического уровня потребления, т. к. старая часть жилого фонда практически не оборудована индивидуальными приборами учета тепловой энергии. Соответственно показатель душевого потребления тепловой энергии не может адекватно отражать ситуацию с доступностью тепловой энергии. Для её экономической оценки авторами использован расчетный показатель потребления тепловой энергии, полученный как частное от деления объема отпуска населению тепловой энергии в системах централизованного теплоснабжения региона к площади жилищного фонда, оборудованного централизованным отоплением.

Хабаровский край характеризуется самым высоким потреблением тепловой энергии на квадратный метр площади (0,531 Гкал в год), что обусловлено максимальными показателями по удельному

весу жилья с централизованным отоплением (78,8% от общей площади жилого фонда) по сравнению с южными регионами ДФО и Республикой Саха (Якутией) (от 60,4% до 66,7%) (табл. 4). Общая площадь жилых помещений, приходящихся на одного человека в крае (26,1 кв. м на человека), соответствует показателям южной зоны макрорегиона (± 2 кв. м), но в силу повышенного потребления тепла максимизируется его душевое потребление (1,151 Гкал на человека в месяц), опережая в 3 раза показатели Приморского края, на 80% Еврейской автономной области, на 60% Амурской области и на 20% Республики Саха (Якутия).

Тариф на отопление в крае, как и в Республике Саха (Якутия), установлен самый низкий (2,29 тыс. руб. за Гкал) по сравнению с остальными территориями (на 19,6% ниже, чем в Приморском крае, на 34,2% ниже, чем в Еврейской автономной области), что во многом обусловлено реализацией специальных мер государственной поддержки краевых потребителей. Ежегодно в крае устанавливаются предельные максимальные тарифы на тепловую энергию и осуществляется компенсация разницы между затратами производителя и фактическими тарифами для населения в соответствии с Законом Хабаровского края от 24 ноября 2004 г. № 222 «О компенсации организациям убытков, связанных с применением регулируемых цен (тарифов) на тепловую энергию, поставляемую населению»²². Благодаря сдерживанию тарифов на тепло, покупательная способность сравнительно высоких номинальных доходов населения Хабаровского края потенциально оказывается одной из самых высоких в зоне ОЭС Востока (24,3 Гкал на человека в месяц), уступая только Республике Саха (Якутия) (30,1 Гкал), где при сходной величине тарифа формируются более высокие доходы в отличие от остальных территорий, проигрывающих обоим субъектам (табл. 4).

Однако суммарное воздействие фак-

²¹ Дальний Восток будет платить за тепло по новой модели // ИА «Восток России». 25.11.2021. URL: <https://eastrussia.ru/material/dalniy-vostok-budet-platit-za-teplo-po-novoy-modeli/>

²² Отчеты о работе комитета по ценам и тарифам Правительства Хабаровского края за 2023 год / Комитет по ценам и тарифам Правительства Хабаровского края. 2024. URL: <https://cit.khabkrai.ru/Deyatelnost/Dokumenty/>

Таблица 4

Экономическая доступность тепловой энергии, 2023 г.

Показатели	Субъекты РФ, входящие в ОЭС Востока				
	Республика Саха (Якутия)	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Еврейская авт. область
Удельный вес общей площади, оборудованной: централизованным отоплением	62,0	66,7	78,8	63,8	60,4
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м	24,1	26,0	26,0	28,1	26,1
Потребление тепловой энергии на кв. м, Гкал/год	0,469	0,178	0,531	0,299	0,241
Потребление тепловой энергии на душу населения, Гкал/месяц	0,942	0,386	1,151	0,700	0,524
Среднедушевые денежные доходы населения, тыс. руб. в месяц	69,0	54,0	55,7	53,9	43,1
Тариф на отопление для населения, тыс. руб./Гкал	2,29	2,85	2,29	2,46	3,48
Покупательная способность доходов населения, Гкал в месяц	30,1	18,9	24,3	21,9	12,4

Источник: составлено и рассчитано авторами по: Жилищные условия / Росстат. 2024. https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: август 2024 г.); Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации (новая методология) / Уровень жизни / Росстат. 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: июнь 2024 г.); Средние потребительские цены (тарифы) на товары и услуги / ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/31448> (дата обращения: август 2024 г.)

торов (уровень доходов, обеспеченность жильем, объем потребления тепловой энергии на квадратный метр жилья, тариф на отопление) в Хабаровском крае в целом проявляется так, что расходы на централизованное отопление в располагаемых доходах населения оказываются самыми высокими и достигают в среднем 5,4% в отличие от 4,9% в Еврейской автономной области, 3,6–3,7% в Республике Саха (Якутия) и Амурской области, 2,3% в Приморском крае. Таким образом, несмотря на относительно более низкий тариф, нагрузка по оплате тепловой энергии для населения Хабаровского края остается максимальной, что негативно сказывается на экономической доступности услуг энергоснабжения.

Заключение

В силу региональных особенностей Дальний Восток в целом и Хабаровский

край в частности оставались за рамками трансформаций, происходящих на рынке электрической энергии: в макрорегионе сохраняется государственное регулирование цен на электроэнергию для всех групп потребителей и функционирование вертикально-интегрированных компаний. Начиная с 2017 г., введены преференциальные режимы для производителей и меры поддержки потребителей по снижению тарифа на электроэнергию. По состоянию на сентябрь 2024 г. в крае нет муниципальных образований, осуществивших переход к новой модели рынка тепловой энергии. Следовательно, в крае сохраняется регулируемая монополия в сфере электро- и теплоснабжения. Однако остается запланированным переход 2-й ценовой зоны (куда входит Хабаровский край) во 2-ю ценовую зону рынка, в связи с чем уже запущены основные механизмы

²² Отчеты о работе комитета по ценам и тарифам Правительства Хабаровского края за 2023 год / Комитет по ценам и тарифам Правительства Хабаровского края. 2024. URL: <https://cit.khabkrai.ru/Deyatelnost/Dokumenty/>

в части управленческих процедур рынка (трансляция цен оптового рынка на розничный) и диспетчерского управления.

Проведенное исследование показывает, что изменение институциональных условий в части либерализации рынков электрической и тепловой энергии для потребителей Хабаровского края вероятно приведет к повышению нагрузки по оплате электрической и тепловой энергии. Последнее обусловлено тем, что предполагаемые трансформации не обязательно ведут к модели конкурентного рынка, но вероятно позволят снизить долю государ-

ственного субсидирования, переложив бремя по оплате на потребителей.

Хабаровский край в текущих условиях уступает регионам южной зоны ДФО по уровню экономической доступности электрической и тепловой энергии, несмотря на довольно высокие в сравнении с соседними регионами доходы, что обусловлено в случае электрической энергии уровнем тарифов, а в случае тепловой энергии – высоким удельным потреблением тепла в силу суровых климатических условий и значительных масштабов распространения централизованного теплоснабжения.

Список источников:

1. Айзенберг, Н. И., Дзюба, С. А. Проявление рыночной власти на российском рынке электроэнергии // Журнал «ЭКО». 2020. № 10(50). С. 102–126. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2020-10-102-126>
2. Башмаков, И. А. «Экономика постоянных» и длинные циклы динамики цен на энергию // Вопросы экономики. 2016. №7. С.36–63. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-7-36-63>
3. Башмаков, И. А. Анализ основных тенденций развития систем теплоснабжения в России // Энергетическая политика. 2009. № 2. С. 10–25.
4. Беляев, А. С., Подковальников, С. В. Рынок в электроэнергетике: Проблемы развития генерирующих мощностей. Новосибирск : Наука. 2004. 250 с.
5. Гительман, А. Д., Ратников, Б. Е. Уроки реформы в электроэнергетике: иллюзии, просчеты, перспективы // Вопросы экономики. 2013. № 12. С. 109–122. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-12-109-122>
6. Дёмина, О. В. Пространственная организация рынков продукции топливно-энергетического комплекса России // Пространственная экономика. 2024. Т. 20. № 1. С. 63–95. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.1.063-095>
7. Дёмина, О. В. Регулирование теплоэнергетики в России: реакция локальных рынков // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 62–82. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2017.3.062-082>
8. Дёмина, О. В. Эволюция подходов к регулированию рынка тепловой энергии // Журнал экономической теории. 2018. Т.15. № 3. С. 496–506. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-3.15
9. Дёмина, О. В., Минакир, П. А. Дифференциация цен на электроэнергию: роль пространства и институтов // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 30–59. DOI: 10.14530/se.2016.1.030-059
10. Дерябина, М. А. Реформирование естественных монополий: теория и практика // Вопросы экономики. 2006. № 1. С.102–121. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2006-1-102-121>
11. Ефременко, В. М., Шеварухин, А. С. Анализ потребления электроэнергии в жилых помещениях многоквартирных домов // Вестник КузГТУ. 2012. № 5. С. 76–77
12. Модели рынков несовершенной конкуренции: приложения в энергетике / Под ред. В. И. Зоркальцева, Н. И. Айзенберг. Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2015. 286 с.
13. Некрасов, А. С. Анализ и прогнозы развития отраслей топливно-энергетического комплекса. Избранные труды. М. : ООО «ЛЕТО Индастриз». 2013. 592 с.
14. Некрасов А.С., Синяк Ю.В., Воронина С.А., Семикашев В.В. Современное состояние теплоснабжения России // Проблемы прогнозирования. 2011. № 1. С. 30–43.
15. Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П. А. Минакир, С. Н. Найден; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 208 с.

16. Семикашев, В. В., Зотова, Е. А. Организация теплоснабжения населения в Канаде // *Электрика*. 2011. № 6. С.16–23
17. Стенников, В. А., Пеньковский, А. В. Рынок тепла: мировой опыт развития централизованного теплоснабжения // *Энергетическая политика*. 2021. №10(164). С.64-75. DOI 10.46920/2409-5516_2021_10164_64
18. Стенников, В. А., Хамисов, О. В., Пеньковский, А. В. Математическая модель управления регулируемым монопольным рынком централизованного теплоснабжения // *Проблемы управления*. 2022. № 2. С. 12–23.
19. Depoorter, B. W. F. Regulation of Natural Monopoly // *Encyclopedia of law and economics*. 1999. Vol. 3. Pp. 498–532. URL: <http://reference.findlaw.com/lawandeconomics/5400-regulation-of-natural-monopoly.pdf>
20. Joskow, P. L. Regulation of Natural Monopolies // *Handbook of Law and Economics*. 2007. Vol. 2. Pp. 1227–1348
21. Kirschen, D., Strbac, G. Fundamentals of power system economics. 2004. 284 p. DOI:10.1002/0470020598
22. Stoft, S. Power system economics. Designing markets for Electricity. IEEE Press, 2002. 468 p.

References:

1. Aizenberg, N. I., Dzuba, S. A. (2020) Market Power Evidence from Electricity Market of Russian Federation. *ECO*, no. 10, pp. 102–126 <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-10-102-126> (in Russ.).
2. Bashmakov, I. A. (2009) Analysis of the main trends in the development of heat supply systems in Russia *Energeticheskaya politika* [Energy policy], no. 2, pp. 10–25. (in Russ.)
3. Bashmakov, I. A. (2016) «Economics of the constants» and long cycles of energy prices dynamics *Voprosy Ekonomiki* [Economics Questions], no. 7, pp. 36–63. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-7-36-63> (in Russ.)
4. Belyayev, L. S., Podkoval'nikov, S. V. (2004) Market in the electric power industry: Problems of development of generating capacities. Novosibirsk : Nauka, 250 p. (in Russ.)
5. Depoorter, B. W. F. (1999) Regulation of Natural Monopoly // *Encyclopedia of law and economics*, vol. 3, pp. 498–532. URL: <http://reference.findlaw.com/lawandeconomics/5400-regulation-of-natural-monopoly.pdf>
6. Deryabina, M. A. (2006) Reforming Natural Monopolies: Theory and Practice *Voprosy Ekonomiki* [Economics Questions], no. 1, pp. 102–121. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2006-1-102-121> (in Russ.)
7. Development of the Economy of the Russian Far East: Effects of State Policy / ed. by P. A. Minakir, S. N. Naiden; Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2021. 208 p. (in Russ.)
8. Dyomina, O. V. (2017) The District Heating Regulation in Russia: Local Markets' Reaction *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], no. 3, pp. 62–82. DOI: 10.14530/se.2017.3.062-082. (in Russ.)
9. Dyomina, O. V. (2018) Evolution of approaches to regulation of the thermal energy market *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory], vol. 15, no. 3, pp. 496–506. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-3.15
10. Dyomina, O. V. (2024) Spatial Organization of the Fuel and Energy Complex Products Markets in Russia *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], vol. 20, no. 1, pp. 63–95. . <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.1.063-095> (in Russ.)
11. Dyomina, O. V., Minakir, P. A. (2016) Differentiation of Electricity Prices: The Role of Space and Institutions *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], no. 1, pp. 30–59. DOI: 10.14530/se.2016.1.030-059
12. Efremenko, V. M., Shevarukhin, A. S. (2012) Analysis of electricity consumption in residential premises of apartment buildings *Vestnik KuzGTU* [Bulletin of KuzSTU], no. 5, pp. 76–77. (in Russ.)
13. Gitelman, L. D., Ratnikov, B. E. (2013) Lessons of the energy reform: illusions, miscalculations, prospects *Voprosy Ekonomiki* [Economics Questions], no. 12, pp. 109–122. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-12-109-122> (in Russ.)
14. Joskow, P. L. (2007) Regulation of Natural Monopolies *Spravochnik po pravu i ekonomike* [Handbook of Law and Economics], vol. 2, pp. 1227–1348.

15. Kirschen, D., Strbac, G. (2004) Fundamentals of power system economics. 284 p. DOI:10.1002/0470020598
16. Models of imperfect competition markets: applications in energy / ed. by V. I. Zorkal'tsev, N. I. Aizenberg. Irkutsk: ISEM SB RAS, 2015. 286 p. (in Russ.)
17. Nekrasov A. S., Sinyak Y. V., Voronina S. A., Semikashev V. V. (2011) Modern state of heat supply in Russia *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], no.1 (124), pp. 30–43. (in Russ.)
18. Nekrasov, A. S. (2013) *Analiz i prognozy razvitiya otrasley toplivno-energeticheskogo kompleksa. Izbrannyye trudy* [Analysis and forecasts of development of fuel and energy complex industries. Selected works]. Moscow: OOO LETO Industries, 592 p. (in Russ.)
19. Semikashev, V.V., Zotova, E.A. (2011) Organization of heat supply to the population in Canada. *Elektrika* [Electricity], no. 6, pp.16–23. (in Russ.)
20. Stennikov, V. A., Khamisov, O. V., Penkovsky, A. V. (2022) Mathematical model for managing a regulated monopoly market for centralized heat supply *Problemy upravleniya* [Problems of Management], no. 2, pp. 12–23. (in Russ.)
21. Stennikov, V. A., Penkovsky, A. V. (2021) Heat market: world experience in the development of centralized heat supply *Energeticheskaya politika* [Energy policy], no. 10(164), pp. 64–75. DOI 10.46920/2409-5516_2021_10164_64 (in Russ.)
22. Stoft, S (2002) Power system economics. Designing markets for Electricity. IEEE Press. 468 p.

Статья поступила в редакцию 28.08.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 12.09.2024.

The article was submitted 28.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 12.09.2024.

Информация об авторах

О. В. Дёмина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН;

С. Н. Найден – доктор экономических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, Институт экономических исследований ДВО РАН;

П. С. Бравок – младший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the authors

O. V. Dyomina – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, the Economic Research Institute of FEB RAS;

S. N. Naiden – Doctor of Economics, Professor of RAS, Deputy Director for Research, the Economic Research Institute of FEB RAS;

P. S. Bravok – Junior Researcher, the Economic Research Institute of FEB RAS.

Научная статья

УДК 336.748.12:303.733.34(571.621)

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-55-67

Модели векторной авторегрессии в прогнозировании инфляционных процессов на региональном уровне (на примере Еврейской автономной области)

Екатерина Сергеевна Лагулова¹, Ольга Владимировна Кулагина²

^{1, 2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия,

¹ Отделение по Еврейской автономной области Дальневосточного главного управления Центрального банка Российской Федерации, Биробиджан, Россия

¹ lagulova2016@yandex.ru

² kulagina-olv@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлены этапы построения модели векторной авторегрессии (VAR-модели) для прогнозирования инфляции на региональном уровне и построен краткосрочный прогноз инфляции в Еврейской автономной области. Для этой цели осуществлен выбор возможных показателей для VAR-модели, экономически обоснована необходимость их использования. Доказана необходимость использования фиктивных переменных для устранения влияния выявленных шоков в динамике инфляции. Получившаяся VAR-модель была признана состоятельной после проведения необходимых эконометрических тестов. Была проведена верификация модели. Разработанная VAR-модель подходит только для исследования выбранного субъекта Российской Федерации, т. к. каждый регион России имеет свою уникальность. Подбор показателей необходимо проводить для каждой территории индивидуально. При этом сам алгоритм построения модели прогнозирования универсален и может быть применен для различных территорий. Сделан вывод о важности построения прогноза инфляции, т. к. ее влияние необходимо учитывать при финансовом планировании абсолютно всеми экономическими агентами на всех иерархических уровнях: правительству, бизнесу, населению.¹

Ключевые слова: инфляция, модель векторной авторегрессии, прогнозирование инфляции, Еврейская автономная область, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Лагулова Е. С., Кулагина О. В. Модели векторной авторегрессии в прогнозировании инфляционных процессов на региональном уровне (на примере Еврейской автономной области) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 55–67. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-55-67>
Original article

Models of vector autoregression in forecasting inflationary processes at the regional level (using the example of the Jewish Autonomous Region)

Ekaterina S. Lagulova¹, Olga V. Kulagina²

^{1, 2}The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia,

¹ Настоящая статья отражает личную позицию авторов. Содержание и результаты данного исследования не следует рассматривать, в том числе цитировать в каких-либо изданиях, как официальную позицию Банка России или указание на официальную политику или решения регулятора. Любые ошибки в данном материале являются исключительно авторскими.

² The Department for the Jewish Autonomous Region of the Far Eastern Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation, Birobidzhan, Russia

¹ lagulova2016@yandex.ru

² kulagina-olv@ranepa.ru

Abstract. *The paper presents the stages of constructing a vector autoregression model (VAR model) for forecasting inflation at the regional level, and a short-term inflation forecast for the Jewish Autonomous Region. For this purpose, a selection of possible indicators for the VAR model has been singled out, and the need for their use has been economically justified. It has also been proved that it is necessary to use fictitious variables to eliminate the influence of identified shocks in the dynamics of inflation. The resulting VAR model has been recognized as sound after conducting the necessary econometric tests. The model has been verified. It is worth noting that the developed VAR model is suitable only for the study of the selected subject of the Russian Federation, since each region of Russia has its own uniqueness. The selection of indicators should be singled out individually for each territory. At the same time, the algorithm for constructing a forecasting model is universal and can be applied to various territories. It has been concluded that it is important to build an inflation forecast, since its impact must be taken into account in financial planning by absolutely all economic agents at all hierarchical levels: government, business, and the public. The views expressed herein are solely those of the authors. The content and results of this research should not be considered or referred to in any publications as the Bank of Russia's official position, official policy, or decisions. Any errors in this document are the responsibility of the authors. All rights reserved. Reproduction is prohibited without the authors' consent.*²

Keywords: *Far East, strategic development of the territory, territories of advanced development, efficiency of functioning of territories of advanced development*

For citation: Lagulova E. S., Kulagina O. V. (2024) Models of vector autoregression in forecasting inflationary processes at the regional level (using the example of the Jewish Autonomous Region) *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 55–67. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-55-67>

Введение

Изучение явления инфляции занимает одну из ключевых позиций в экономической науке, привлекая внимание большого числа учёных. Неконтролируемая инфляция оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие как государства в целом, так и отдельных регионов, участников финансового рынка, бизнес-структур и населения.

Инфляция представляет собой сложное социально-экономическое явление, поэтому наличие инструментов для её точного прогноза, значительно повышает результативность социально-экономической политики и финансового управления на всех пространственных уровнях.

Банк России осуществляет контроль

над уровнем инфляции, применяя инструменты денежно-кредитной политики и как мегарегулятор устанавливает постоянно действующую публичную количественную цель по инфляции, чтобы население, бизнес, участники финансового рынка могли принимать её во внимание при планировании своей деятельности и принятии решений.

Следовательно, актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что именно от качества прогнозных значений инфляции будет зависеть точность разработки сценариев стратегического социально-экономического развития экономических субъектов на разных пространственных уровнях.

Таргетируемая инфляция благоприят-

² *The content and results of this research should not be considered or referred to in any publications as the Bank of Russia's official position, official policy, or decisions. Any errors in this document are the responsibility of the authors.*

но воздействует на экономику, если она предсказуема и долгосрочна, тогда все участники экономики понимают принимаемые государством решения в области денежно-кредитной политики. Наличие рабочего инструментария для построения прогнозных значений инфляции упрощает процесс планирования и помогает использовать финансовые ресурсы государства, региона, бизнеса и населения более эффективно.

Целью данной статьи является моделирование прогноза региональной инфляции для осуществления краткосрочного прогноза инфляции в Еврейской автономной области (далее – ЕАО).

В работе использованы статистические методы исследования, а также экспертный метод. Ведущая роль в достижении цели исследования была отведена VAR-модели как системе эконометрических уравнений, описывающих совместную динамику нескольких временных рядов одновременно.

Эмпирической базой исследования стали данные Федеральной службы государственной статистики, данные официального сайта Центрального Банка Российской Федерации, нормативные правовые акты Российской Федерации и ЕАО, результаты исследований отечественных и зарубежных ученых.

Результаты и их обсуждение

В статье анализируются факторы и инструменты моделирования прогнозов инфляции на региональном уровне в целях улучшения социально-экономического развития ЕАО.

В исследуемой нами научной литературе инфляция представляет собой «устойчивое повышение общего уровня цен на товары и услуги, приводящее к снижению покупательской способности средств населения» [Долгих, Кудряшова, 2023]. Следует отметить, что в исследованиях ученых А. Бабича, С. Бартенева, И. Беляевского, А. Блашдатина, Ш. Гришина, А. Давыдовой, В. Козырева, В. Мавевского, С. Меньшикова, М. Назарова, С. Никитина, Г. Овчинникова, А. Павловой,

А. Селищева, А. Чупрова, А. Шишкина и др. были учтены те несовершенства в представлении о природе инфляции, которые наблюдались у монетаристов, классиков, неоклассиков, кейнсианцев.

Неоднозначное понимание в российской экономике получил термин инфляции в разные временные периоды: в 1930-х гг. – как превышение эмиссии денежных знаков над потребностями оборота; в 1940-х гг. – как любое снижение покупательной способности бумажных денег; в 1950-х гг. инфляцию рассматривали как ситуацию, когда объём бумажных денег в обращении превышал необходимый объём, обеспеченный золотом; в 1960–1970-х гг. инфляция представлялась как сложное явление, учитывающее много факторов, не имеющее единого подхода к пониманию [Родионова, 2021].

Очевидно, что падение покупательной способности финансовых средств и повышение цен на товары теснейшим образом взаимосвязаны.

Необходимость перехода к таргетированию инфляции обосновывается в трудах С. Р. Моисеева, С. А. Дятлова. Они исследовали таргетирование инфляции с вводом таких категорий, как энтропийная управленческая ловушка, ловушка таргетирования инфляции. По мнению С. А. Дятлова, «Инфляция является многофакторным явлением, имеющим энтропийные характеристики» [Дятлов, 2017]. «Кроме того, он раскрыл содержание закона Гудхарта и характерные особенности его действия при таргетировании инфляции в условиях России», – отмечает в своей работе Т. Н. Родионова [Родионова, 2019].

В нормативных правовых документах³, действующих на территории РФ, инфляция определена как устойчивое повышение общего уровня цен на товары и услуги в экономике.

Дефиниция понятия инфляции в описанных подходах содержит общее – «устойчивый рост цен». Авторы данной статьи также придерживаются данной точки зрения при прогнозировании по-

³ Приказ Росстата от 15.12.2021 № 915 «Об утверждении Официальной статистической методологии наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен», «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов инфляция», утвержденные Банком России, Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

казателя индекса потребительских цен в Еврейской автономной области.

В современных условиях интерес к формам проявления инфляции не снижается, особенно в условиях существующей региональной неоднородности.

Вследствие наличия сложных экономических взаимосвязей, для прогнозирования инфляции в нашем случае предпочтительнее использовать модель векторной авторегрессии (VAR-модель). Модель позволяет анализировать не только двустороннее воздействие объясняемой переменной и объясняющих переменных, но и взаимовлияние объясняющих переменных друг на друга [Елисеева, 2024].

Таким образом, предметом исследования была выбрана VAR-модель для прогнозирования инфляции на региональном уровне, позволяющая определить перспективы социально-экономического развития Еврейской автономной области.

Стэнли Эксла был одним из первых исследователей [Stanley, 1961], использовавших VAR-модель для прогнозирования инфляции. В своей работе 1978 г. «An Econometric Model of the United Kingdom with Applications to Fiscal Policy and Trade Policy», он представил VAR-модель для анализа и прогнозирования инфляции в Великобритании. Эта модель позволила ему анализировать влияние различных экономических факторов на инфляцию и строить прогнозы её будущего поведения.

VAR-модель широко используется учеными для прогнозирования инфляции. В частности, в работе Е. А. Долгих и Т. В. Кудряшовой «Прогнозирование инфляции на уровне региона в краткосрочном периоде на основе использования модели векторной авторегрессии» авторы выбрали четыре показателя для модели: индексы цен производителей сельскохозяйственной продукции, оборот розничной торговли непродовольственными товарами, среднемесячную реальную начисленную заработную плату работников организаций и индекс реального курса рубля к доллару США. Они также обосновали необходимость использования фиктивных переменных для устранения влияния шоков в динамике инфляции, таких как изменения в валютном курсе и геополитической ситуации [Долгих, Кудряшова, 2023].

Другие ученые, такие как Л. А. Рустомова, У. Я. Керимова, Х. Д. Эфендиева,

исследовали долгосрочные связи между денежной массой и индексом потребительских цен в Азербайджане, используя VAR-модель [Рустомова, Керимова, Эфендиева, 2022]. Е. Н. Поляков изучал влияние монетарной политики Центрального Банка РФ на инфляцию и курс рубля, также применяя VAR-анализ [Поляков, 2015]. А. К. Сапова использовала VAR для прогнозирования инфляции на основе индекса потребительских цен с учетом влияния сезонного фактора [Сапова, 2017].

Эти примеры демонстрируют широкое применение VAR-моделей в исследованиях инфляции, что подчеркивает их значимость и эффективность в анализе экономических процессов.

Некоторые исследователи указывают на то, что VAR-модель может быть недостаточно гибкой для учета сложных взаимосвязей между переменными в экономике. Также отмечается, что модель может давать неточные прогнозы в условиях структурных изменений или кризисов.

Тем не менее, несмотря на критику, VAR-модель остается важным инструментом для анализа и прогнозирования экономических процессов. Она продолжает развиваться и адаптироваться к новым вызовам и требованиям экономической науки.

VAR-модель является одним из основных эмпирических инструментов современной макро- и мезоэкономики. Результаты, полученные с помощью VAR-модели, обычно легко интерпретируются, что упрощает процесс принятия решений на основе прогнозов инфляции. Благодаря анализу временных рядов, VAR-модель способна учитывать динамику изменений экономических показателей, что позволяет более точно прогнозировать будущие значения инфляции, опираясь на прошлые тенденции и текущие условия. Кроме того, VAR-модель легко адаптируется к изменениям в экономической среде, включая новые показатели или корректируя вес существующих показателей, что делает её гибкой и актуальной для использования в различных экономических условиях.

На начальной стадии разработки модели векторной авторегрессии для инфляции в ЕАО необходимо определить и систематизировать факторы, влияющие

на инфляционные процессы на региональном уровне, подразделяя их на две группы: экзогенные и эндогенные переменные [Елисеева, 2024]. Для каждого из этих факторов необходимо определить статистические индикаторы, позволяющие их охарактеризовать.

В данном исследовании за количественный показатель инфляции (объясняемая переменная) будем брать значения индекса потребительских цен ЕАО (далее – ИПЦ) исходя из подхода к определению понятия инфляции как устойчивый рост общего уровня цен на товары и услуги. ИПЦ рассчитывает Федеральная служба государственной статистики (Росстат)⁴.

Эндогенные переменные – это те переменные, которые влияют на ИПЦ, и ИПЦ одновременно влияет на них. В нашем случае эндогенными объясняющими переменными являются: потребление, темп роста средств на вкладах физических лиц и темп роста задолженности физических лиц в сегменте потребительского кредитования.

Экзогенные объясняющие переменные – это те переменные, которые влияют на ИПЦ, но ИПЦ в свою очередь не влияет на них. В данном случае экзогенными переменными будут: индекс номинального курса рубля к доллару США, ключевая ставка Банка России (разница между значениями ключевой ставки на конец и начало соответствующего месяца), ИПЦ по России в целом и постоянная переменная (константа).

Потребление является агрегированным показателем и рассчитано путем взвешивания темпов роста оборота розничной торговли (вес в показателе «потребление» – 73%), объема платных услуг, оказываемых населению (вес – 24%) и общественного питания (вес – 3%)¹.

Включение показателя темпа роста средств на вкладах физических лиц в модель прогнозирования инфляции объясняется его влиянием на денежную массу, что, в свою очередь, отражается на уровне инфляции. Увеличение или уменьше-

ние объема вкладов может оказывать влияние на потребительский спрос, поскольку индивиды могут использовать имеющиеся свободные средства как для формирования накоплений, так и для приобретения товаров и услуг. Это, в свою очередь, может воздействовать на цены и, как следствие, на инфляцию. Вклады в Еврейской автономной области представляют собой наиболее привлекательный способ сохранения денежных средств населения, выступая в роли наиболее понятного инструмента.

Показатель «темпа роста задолженности физических лиц в сегменте потребительского кредитования» включен в модель ввиду наличия его неразрывной связи с инфляционными ожиданиями. Если население ожидает рост инфляции, то начинает оформлять потребительские кредиты с целью приобретения товаров по текущим ценам. Повышение спроса на потребительские кредиты, предназначенные для покупки товаров, ведёт к последующему увеличению цен на эти товары.

По информации, представленной в Стратегии развития агропромышленного комплекса Еврейской автономной области на период до 2030 года⁵, уровень самообеспечения населения региона основной сельскохозяйственной продукцией местного производства менее 40%. Регион зависим от ввозимой продукции из других регионов страны, что позволило включить в модель индекс потребительских цен по России в целом.

Вес инфляции ЕАО в РФ незначительный (0,61% по данным Росстата), что позволило нам не вычленять инфляцию ЕАО из инфляции по России в целом.

Индекс номинального курса рубля к доллару США использовался ввиду существующего статуса приграничной территории региона (осуществляются расчеты с Китаем с использованием международной валюты).

Ключевая ставка Банка России использована с целью отображения действия трансмиссионного механизма.

⁴ Сборник Федеральной службы государственной статистики «Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109>

⁵ Стратегия развития агропромышленного комплекса Еврейской автономной области на период до 2030 года. URL: <https://www.eao.ru/isp-vlasti/departament-selskogo-khozyaystva-pravitelstva-evreyskoy-avtonomnoy-oblasti/novosti-organa-vlasti--1/strategiya-razvitiya-agropromyshlennogo-kompleksa-evreyskoy-avtonomnoy-oblasti-na-period-do-2030-god/>

Векторная авторегрессионная модель не прогнозирует значения экзогенных переменных, поэтому авторы самостоятельно прогнозировали значения экзогенных переменных, опираясь на экспертные оценки. Так, значение показателя «Ключевая ставка» определялось на основе анализа широкого круга качественной и количественной информации о состоянии экономики региона и представляет собой желаемый уровень ключевой ставки Банка России с учетом особенностей региона в соответствующем периоде. Прогнозные значения ИПЦ по России в целом использовались, исходя из прогноза Банка России⁶, прогнозные значения показателя «Индекс номинального курса рубля к доллару США» были определены экспертно, исходя из мнений ведущих аналитиков России.

Все показатели в VAR-модели имеют месячную динамику (далее – МоМ). В случае использования показателей в годовом выражении, динамику показателей будем обозначать YoY.

Набор показателей, выбранных для использования в VAR-модели, представлен в таблице 1.

Второй этап построения VAR-модели инфляции (на примере ЕАО) включает подготовку рядов динамики, приведя их

к стационарному виду, очистив некоторые ряды от сезонности.

Приведение ряда в базисный вид осуществлялось следующим образом: начальная точка была равна фактическому первому значению временного ряда, последующее значение рассчитывалось как отношение между фактическим значением за 2-й месяц к фактическому значению ряда за первый месяц и помноженное на 100 (1).

$$x_i = \frac{x_t}{x_{t-1}} \cdot 100, \quad (1)$$

где x_i – базовое значение точки временного ряда в текущем периоде;

x_t – фактическое значение точки временного ряда в текущем периоде;

x_{t-1} – предыдущее фактическое значение точки временного ряда в предыдущем периоде.

Очистка от сезонности производилась в программном обеспечении EViews (далее – ПО EViews) с помощью метода TRAMO/SEATS. Показатели KR и USD не подвергались сезонной очистке, т. к. в них сезонная компонента отсутствует.

В качестве иллюстрации процесса устранения сезонности из временного ряда был использован показатель индекса потребительских цен, выраженный

Таблица 1

Показатели для использования в VAR-модели

Переменная	Обозначение	Вид, преобразование	Источник
Эндогенные			
ИПЦ ЕАО	CPI JAR	сезонно сглаженные, темпы роста м/м	Росстат, расчеты автора
Потребление	POTR	сезонно сглаженные, темпы роста м/м	Росстат, расчеты автора
Вклады	DEP	сезонно сглаженные, темпы роста м/м	Банк России, расчеты автора
Потребительские кредиты	cred	сезонно сглаженные, темпы роста м/м	Банк России, расчеты автора
Экзогенные			
Индекс номинального курса рубля к доллару США	USD	Темпы роста м/м	Банк России
Ключевая ставка Банка России	KR	Изменение уровня ключевой ставки (на начало и на конец периода(месяца))	Банк России
ИПЦ РФ	CPI RF	сезонно сглаженные, темпы роста м/м	Росстат, расчеты автора

Источник: составлено авторами

⁶ Центральный банк Российской Федерации // Официальный сайт. URL: www.cbr.ru

в процентах к базовому периоду (MoM). Сезонно-скорректированный временной ряд представлен на рисунке 1.

Результаты проверки временного ряда на наличие сезонности представлены в таблице 2.

Следовательно, показатель USD и KR будем использовать в персональном виде, так как по результатам теста, проведенного в ПО EViews, сезонная компонента в данных временных рядах отсутствует, что соответствует экономической интерпретации показателей.

Для окончательной подготовки временных рядов, которые планируется использовать при построении VAR-модели, необходимо от базисных сезонно-скорректированных рядов перейти к месячным сезонно-скорректированным временным рядам, т. е. провести обратные математические расчеты, представленные ранее в формуле 1.

После очистки от сезонности каждый временной ряд был проверен на стационарность. Проверка ряда на стационарность также осуществлялась в ПО EViews при помощи расширенного теста Дикки – Фуллера.

Тест Дики – Фуллера (DF-тест) — это статистический метод, разработанный для анализа временных рядов на стационарность. Он был предложен в 1979 г. Дэвидом Дики и Уэйном Фуллером [Елисеева, 2024].

Нулевой гипотезой расширенного теста Дики – Фуллера является подтвержде-

ние о наличии единичных корней, то есть процесс будет являться нестационарным.

Результаты теста на стационарность представлены в таблице 3.

Так как в рассматриваемых случаях значения $Prob^* < 0,0500$, т. е. нулевая гипотеза отвергается на 5-процентном уровне значимости (можем отвергнуть эту гипотезу с уверенностью 95%), следовательно, наши ряды являются стационарными и их можно использовать в построении модели.

После очистки временных рядов от сезонности и проведения проверки на наличие единичного корня была осуществлена процедура, направленная на поиск выбросов для их учета при построении модели путем добавления фиктивных переменных.

Для этого был построен сезонно-скорректированный временной ряд ИПЦ в месячном выражении, и визуально определено наличие экономически обоснованных выбросов (рис. 2).

Как видно из рисунка 2, имеются 3 выброса: декабрь 2014 г., январь 2015 г. и март 2022 г. Выбросы декабря 2014 г. и января 2015 г. обусловлены началом проведения денежно-кредитной политики Банка России по таргетированию инфляции и отправкой валютного курса в «свободное плавание» [Жемков, 2019; Мотевич, Машевская, 2019; Соломатова, 2020], а также обусловлены введением некоторых санкций в отношении РФ. В период с конца февраля по начало марта

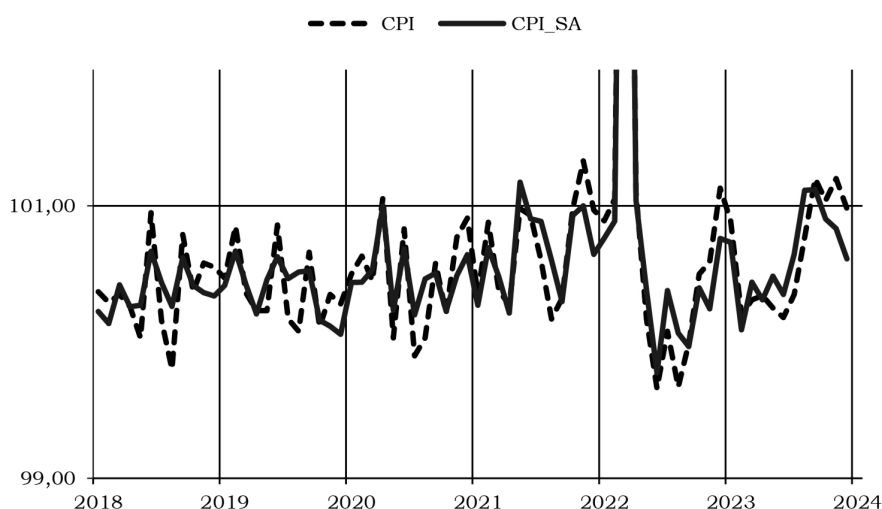

Рис. 1. Визуализация результата сезонной корректировки временного ряда (построено авторами с использованием ПО EViews)

Таблица 2

Результаты процедуры сезонной корректировки по показателям модели

Переменная	Обозначение	Результат теста на наличие сезонности
Эндогенные		
ИПЦ ЕАО	CPI JAR	Присутствует сезонность
Потребление	POTR	Присутствует сезонность
Вклады	DEP	Присутствует сезонность
Потребительские кредиты	cred	Присутствует сезонность
Экзогенные		
Индекс номинального курса рубля к доллару США	USD	Отсутствует сезонность
Уровень ключевой ставки Банка России	KR	Отсутствует сезонность
ИПЦ РФ	CPI RF	Присутствует сезонность

Источник: получено авторами с использованием ПО EViews

Таблица 3

Проверка временных рядов на стационарность

Переменная	Обозначение	Результаты (Prob) теста Дикки-Фуллера
Эндогенные		
ИПЦ ЕАО	CPI JAR	0,0000
Потребление	POTR	0,0000
Вклады	DEP	0,0000
Потребительские кредиты	cred	0,0000
Экзогенные		
Индекс номинального курса рубля к доллару США	USD	0,0000
Уровень ключевой ставки Банка России	KR	0,0000
ИПЦ РФ	CPI RF	0,0000

Источник: получено авторами с использованием ПО EViews

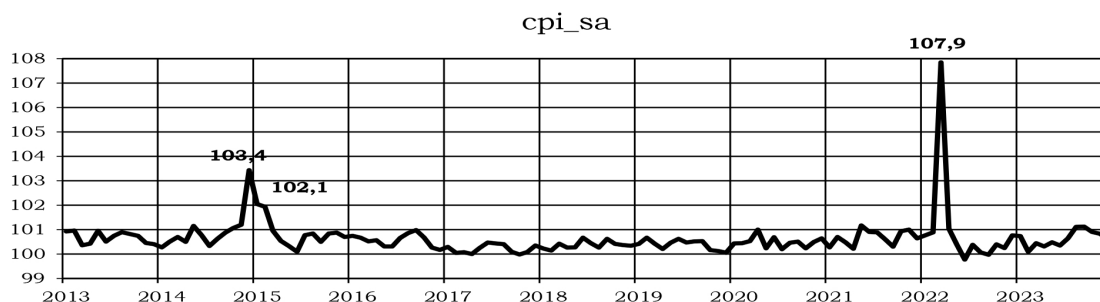

Рис. 2. Временной ряд ИПЦ ЕАО, очищенный от сезонности в месячном выражении (выполнено авторами с использованием ПО EViews)

2022 г. наблюдалась сильная волатильность курса рубля по отношению к иностранным валютам, повышенный спрос на продукты питания длительного срока хранения, что негативно повлияло на индекс потребительских цен. Так как наличие существующих выбросов считается экономически обоснованным, что позволило включить в нашу модель 3 дополнительные фиктивные переменные, где временной ряд будет на всем периоде

иметь значение 0, а в точке выброса – 1.

Перед построением прогноза значений индекса потребительских цен с использованием нашей модели был определен порядок модели p (значение максимального лага переменных, включаемых в модель) на основе информационных критериев: Акайке, Шварца, Хеннана-Куинна, критерия FPE [Елисеева, 2024]. Выбор включения необходимого количества лагов модели основывался на результатах теста

«Lag length criteria» в ПО EViews (табл. 4).

Далее была выполнена проверка значимости лагов при помощи теста Вальда. Тест Вальда – это метод статистической проверки гипотез, который помогает определить, насколько хорошо теоретические предположения соответствуют реальным данным. Он используется для оценки параметров статистических моделей и проверки ограничений на эти параметры [Елисеева, 2024]. Основная идея теста заключается в сравнении наблюдаемых значений с ожидаемыми значениями, которые были бы получены, если бы гипотеза была верна. Если разница между ними слишком велика, это может указывать на то, что гипотеза не соответствует действительности. Результаты теста показывают, что оба лага являются значимыми (табл. 5, Joint меньше 0,05).

В ПО EViews была выполнена проверка на стационарность VAR-модели. По

результатам теста, было выявлено, что оцененная модель является стационарной, так как все обратные корни характеристического AR полинома по модулю меньше единицы и лежат внутри единичного круга.

Далее проводился тест на наличие автокорреляции в остатках [11] (таблица 6).

В нашем случае гипотеза об отсутствии автокорреляции на лаге h не отвергается, значение Prob > 0,05, т. е. мы принимаем гипотезу об отсутствии автокорреляции в остатках. Наличие автокорреляции в остатках в модели означает, что каждое следующее значение остатков зависит от предыдущих значений. Это нарушает одну из предпосылок метода наименьших квадратов, согласно которой остатки должны быть случайными.

Также выполнялась проверка на наличие у остатков нормального распределения. По результатам теста, проведен-

Таблица 4

Результаты тестирования

	Критерий FPE	Критерий Акайке	Критерий Шварца	Критерий Хеннана-Куинна
0 лагов				
1 лаг			Необходимо включить	Необходимо включить
2 лага	Необходимо включить	Необходимо включить		
3 лага				
4 лага				

Источник: выполнено авторами с использованием ПО EViews

Таблица 5

Результаты тестирования

Номер лага	Значимость лага (Joint)
Лаг 1	0,0040
Лаг 2	0,0002

Источник: выполнено авторами с использованием ПО EViews

Таблица 6

Результаты тестирования

Номер лага	Вероятность принятия нулевой гипотезы (Prob)
1	0,4962
2	0,4588
3	0,7139
4	0,9255
5	0,8840
6	0,5645
7	0,9450
8	0,9389
9	0,9978
10	0,6937
11	0,7911
12	0,0651

Источник: выполнено авторами с использованием ПО EViews

ного в ПО EViews, было выявлено, что остатки не подчиняются нормальному распределению.

В завершении был проведен тест на наличие/отсутствие гетероскедастичности в остатках при помощи теста Уайта. Тест Уайта – это метод проверки гетероскедастичности в остатках линейной регрессионной модели. Он основан на идее, что если гетероскедастичность присутствует, то квадраты остатков будут зависеть от значений независимых переменных. Тест оценивает вспомогательную регрессию квадратов остатков на все регрессоры, включая квадраты и попарные произведения регрессоров. Если нулевая гипотеза о гомоскедастичности не отклоняется, то считается, что случайные ошибки модели имеют постоянную дисперсию [Елисеева, 2024].

По результатам проведенного теста в ПО EViews было получено следующее: нулевая гипотеза о наличии гетероскедастичности в остатках отвергается, так как значение уровня значимости (Prob) было больше 0,05. Это означает, что остатки гомоскедастичны, то есть дисперсия ошибок постоянна для всех наблюдений, что минимизирует риск получения некорректных статистических выводов. Наша модель стационарна, в остатках отсутствует автокорреляция, они гомоскедастичны и не подчиняются нормальному распределению.

После проведения тестов на наличие предпосылок метода наименьших квадратов был осуществлен переход к построению модели.

Заключительный этап построения модели – прогнозирование индекса потребительских цен по ЕАО на краткосрочный период предполагает валидацию модели — составление прогноза уровня инфляции

на основе имеющихся данных за период с января по декабрь 2023 года и последующее сопоставление полученного прогноза с реальными показателями. Результаты, полученные после составления прогноза, верифицированы на рисунке 3.

Как видно из рисунка 3, среднее отклонение прогнозного значения ИПЦ от фактического составляет 0,25 п. п. В июле 2023 г. было зафиксировано наибольшее расхождение между фактическими данными и прогнозом, что обусловлено решением Правительства Российской Федерации о переносе индексации тарифов на жилищно-коммунальные услуги на конец года, а также снижением роста цен на плодоовощную продукцию по сравнению с предыдущим годом. Эти факторы являются единовременными.

Таким образом, разработанная модель не учитывает временные факторы, однако динамика реальной и прогнозируемой инфляции совпадают. По мнению авторов, это позволяет применять данную модель для создания краткосрочных прогнозов инфляции в Еврейской автономной области.

Большинство прогнозов инфляции подвергаются экспертной оценке. Так, например, зная о заранее объявленной Правительством РФ индексации тарифов ЖКХ в июле 2024 г. и зная вес этого субкомпонента в инфляции, можно высчитать насколько индексация тарифов ускорит инфляцию в будущем. Также можно рассчитать, насколько повышение заработной платы работникам медицинских организаций окажет влияние на потребление, а это, в свою очередь, ускорит инфляцию в будущем.

По прогнозу к концу 2024 г. инфляция в регионе составит 5,16% (рис. 4). Прогноз с использованием данной модели был по-

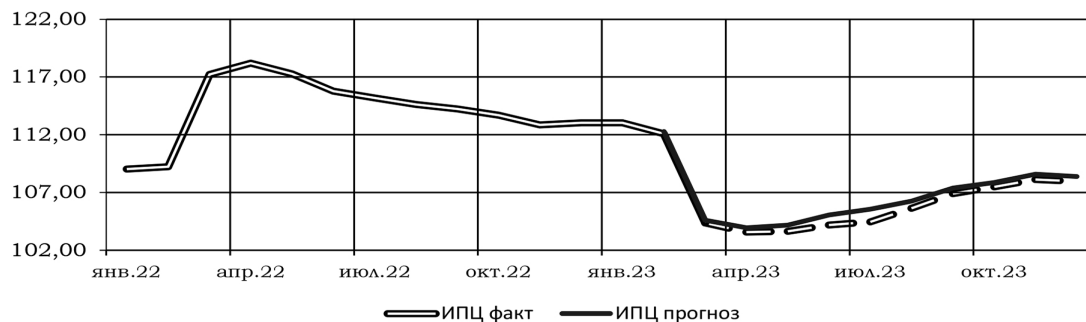

Рис. 3. Динамика ИПЦ в годовом выражении и его прогноз на 2023 г. в ЕАО (выполнено авторами с использованием ПО EViews, Excel)

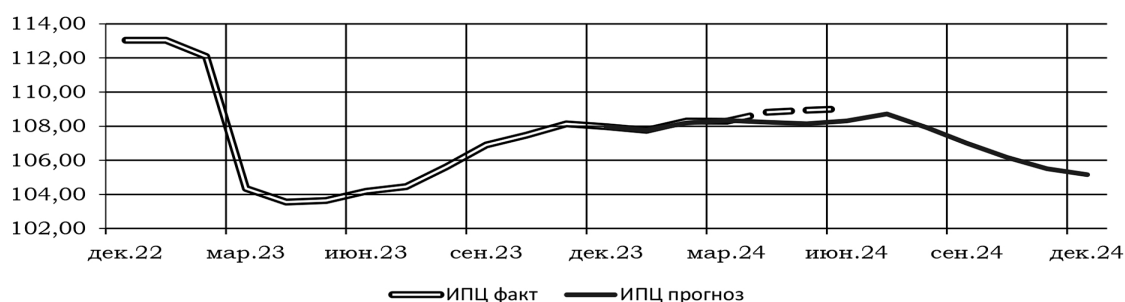

Рис. 4. Динамика фактического и прогнозного значения ИПЦ в ЕАО (выполнено авторами с использованием ПО EViews, Excel)

строен в январе 2024 г., прогнозные значения инфляции в январе, феврале и марте 2024 г. полностью совпали с фактическими. В апреле 2024 г. началось отклонение прогнозных значений инфляции от фактических ввиду усиления действия проинфляционных факторов. Одним из основных проинфляционных факторов является потребление. Ранее авторы предполагали, что ввиду проведения жесткой денежно-кредитной политики Банком России потребительская активность населения замедлится и даже в некоторые периоды снизится вследствие сокращения объемов кредитования населения.

Заключение

По результатам проведенного исследования, разработанная модель векторной авторегрессии является стационарной, в остатках отсутствует автокорреляция, они гомоскедастичны и не подчиняются нормальному распределению, что подтверждает ее состоятельность.

В момент проведения валидации модели было получено, что значение индекса потребительских цен в декабре 202 г. составило 108,4%. В соответствии прогнозом в Постановлении правительства Еврейской автономной области от 24.10.2022 № 445-пп⁷ значение индекса потребительских цен в декабре 2023 г. 106,3%. Значение индекса потребительских цен, полученное авторами в момент валидации, ближе к фактическому значению инфляции, которое в декабре 2023 г. составило 107,97%.

В соответствии с базовым сценарием Прогноза социально-экономического раз-

вития Еврейской автономной области на 2024–2026 гг.⁸ индекс потребительских цен на товары и услуги в декабре 2024 г. к декабрю 2023 г. составит 104,2%, что ниже прогнозного значения, рассчитанного авторами статьи – 105,2%. Учитывая текущую экономическую ситуацию, значение индекса потребительских цен с малой вероятностью составит 104,2% в декабре 2024 г.

Предприятия региона для осуществления текущей деятельности и ценовой политики закладывают в план своего развития прогнозное значение по инфляции ЕАО на конец следующего года, что подтверждает необходимость построения более качественного прогноза по инфляции.

Предложенный метод построения модели прогнозирования инфляции на основе векторной авторегрессии, протестированный на примере конкретного субъекта Российской Федерации (Еврейской автономной области), может быть применён при исследовании и прогнозировании инфляционных процессов на региональном уровне. При этом необходимо принимать во внимание специфику развития конкретной территории, акцентируя внимание не только на тенденциях, но и на шоках и вмешательствах в рассматриваемых временных рядах, служащих основой для построения эконометрических моделей.

Показатели инфляции, определённые с использованием моделей векторной авторегрессии, могут быть полезны при составлении прогнозов и планов территориального социально-экономического развития.

⁷ Постановление правительства Еврейской автономной области от 24.10.2022 №445-пп «О прогнозе социально-экономического развития Еврейской автономной области на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/7900202210310002>

⁸ <https://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-eao-/prognoz-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya/>

Список источников:

1. Долгих, Е. А., Кудряшова, Т. В. Прогнозирование инфляции на уровне региона в краткосрочном периоде на основе использования модели векторной авторегрессии // *BENEFICIUM*. 2023. № 2(47). С. 41–56. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2023.2(47).41-56
2. Дятлов, С. А. Таргетирование инфляции и эффект Гудхарта. *WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: сборник статей VIII международной научно-практической конференции: в двух частях*. Пенза, 2017. С. 163–167. EDN: YILIWB
3. Жемков, М. И. Региональные эффекты таргетирования инфляции в России: факторы неоднородности и структурные уровни инфляции // *Вопросы экономики*. 2019. № 9. С. 70–89. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-9-70-89
4. Мотевич, Д. В., Машевская, О. В. Монетарное таргетирование в национальной экономике // *Банковский бизнес и финансовая экономика: глобальные тренды и перспективы развития*, Минск, 24 мая, 2019. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 116–121. EDN: KIKOKJ
5. Поляков, Е. Н. О влиянии монетарной политики ЦБ РФ на инфляцию и курс рубля // *Современные исследования социальных проблем*. 2015. № 1 (45). С. 335–369. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-10
6. Родионова, Т. Н. Феномен инфляции в истории экономических исследований. Экономико-правовые перспективы развития общества, государства и потребительской кооперации: сборник научных статей II международной научно-практической интернет-конференции. Гомель: 2019. С. 155–160. EDN: RGJVMO
7. Родионова, Т. Н. Явление инфляции в исследованиях ученых-экономистов // *Учёные записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. 2021. № 1 (77). С. 68–73. EDN: AKXTXV
8. Рустамова, Л. А., Керимова, У. Я., Эфендиева, Х. Д. Анализ долгосрочных связей между денежной массой и индексом потребительских цен Азербайджанской Республики // *Статистика и экономика*. 2022. № 19 (4). С. 4–13. DOI: 10.21686/2500-3925-2022-4-4-13
9. Сапова, А. К. Прогнозирование инфляции на основе индекса потребительских цен с учетом влияния сезонного фактора // *Статистика и экономика*. 2017. № 6. С. 46–58. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-46-58
10. Соломатова, В. В. Инфляционное таргетирование: преимущества и недостатки // *Интерактивная наука*. 2020. Том 2. № 48. С. 31–33. DOI: 10.21661/r-530186
11. *Эконометрика: учебник для вузов* / И. И. Елисеева [и др.]; под редакцией И. И. Елисеевой. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 449 с. ISBN978-5-534-00313-0.
12. Klein, L. R., Ball, R. J., Hazlewood, A., and Vandome, P. *Econometric Model of the United Kingdom with Applications to Fiscal Policy and Trade Policy*. Oxford: Basil Blackwell. 1961. Pp. xii, 312. 60 s. DOI: 10.2307/139687

References:

1. Dolgikh, E. A., Kudryashova, T. V. (2023) Forecasting inflation at the regional level in the short term based on the use of the vector autoregressive model // *BENEFICIUM*, no. 2 (47), pp. 41–56. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2023.2(47).41-56 (in Russ.).
2. Dyatlov, S. A. (2017) Inflation targeting and the Goodhart effect. *WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: collection of articles from the VIII international scientific and practical conference: in two parts*. Penza, pp. 163–167. EDN: YILIWB (in Russ.).
3. Zhemkov, M. I. (2019) Regional effects of inflation targeting in Russia: heterogeneity factors and structural levels of inflation *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], no. 9, pp. 70–89. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-9-70-89 (in Russ.).
4. Motevich, D. V., Mashevskaya, O. V. (2019) Monetary Targeting in the National Economy *Bankovskiy biznes i finansovaya ekonomika: global'nyye trendy i perspektivy razvitiya* [Banking Business and Financial Economy: Global Trends and Development

Prospects], Minsk, May 24, 2019. Minsk: Belarusian State University, pp. 116–121. EDN: KIKOKJ (in Russ.).

5. Polyakov, E. N. (2015) On the Impact of the Monetary Policy of the Central Bank of the Russian Federation on Inflation and the Ruble Exchange Rate *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Problems], no. 1 (45), pp. 335–369. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-10 (in Russ.).

6. Rodionova, T. N. (2019) The Phenomenon of Inflation in the History of Economic Research. Economic and Legal Prospects for the Development of Society, State and Consumer Cooperation: Collection of Scientific Articles of the II International Scientific and Practical Internet Conference. Gomel, pp. 155–160. EDN: RGJVMO (in Russ.).

7. Rodionova, T. N. (2021) The Phenomenon of Inflation in the Research of Economists *Uchonyye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii* [Scientific Notes of the V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy], no. 1 (77), pp. 68–73. EDN: AKXTXB (in Russ.).

8. Rustamova, L. A., Kerimova, U. Ya., Efendiyeva, Kh. D. (2022) Analysis of Long-Term Relationships between the Money Supply and the Consumer Price Index of the Republic of Azerbaijan *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics], no. 19 (4), pp. 4–13. DOI: 10.21686/2500-3925-2022-4-4-13 (in Russ.).

9. Sapova, A. K. (2017) Forecasting Inflation Based on the Consumer Price Index Taking into Account the Influence of the Seasonal Factor *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics], no. 6, pp. 46–58. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-46-58 (in Russ.).

10. Solomatova, V. V. (2020) Inflation Targeting: Advantages and Disadvantages *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science], vol. 2, no. 48, pp. 31–33. DOI: 10.21661/r-530186 (in Russ.).

11. Econometrics: textbook for universities / I. I. Eliseeva [et al.]; edited by I. I. Eliseeva. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 449 p. ISBN978-5-534-00313-0 (in Russ.).

12. Klein L. R., Ball R. J., Hazlewood A., and Vandome P. (1961) An Econometric Model of the United Kingdom with Applications to Fiscal Policy and Trade Policy, Oxford: Basil Blackwell, pp. xii, 312. 60 s. DOI: 10.2307/139687

Статья поступила в редакцию 29.07.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 22.08.2024.

The article was submitted 29.07.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 22.08.2024.

Информация об авторах

Е. С. Лагулова – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, главный экономист Отделения по Еврейской автономной области Дальневосточного главного управления Центрального банка Российской Федерации;

О. В. Кулагина – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмента и государственного управления», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

E. S. Lagulova – graduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPА, Chief Economist of the Department for the Jewish Autonomous Region of the Far Eastern Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation;

O. V. Kulagina – Candidate of Economics, associate professor, the chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 331(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-68-75

Состояние рынка труда как индикатор использования кадрового потенциала в Дальневосточном федеральном округе

Инна Сукиловна Хван¹, Егор Александрович Медведев²

^{1, 2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ is-khvan@ranepa.ru

² meedvedev@mail.ru

Аннотация. Наличие кадрового потенциала является одним из основных условий социально-экономического развития хозяйствующего субъекта любого масштаба: от предприятия до государства. Чаще всего работа с кадровым потенциалом, как в литературе, так и на практике, рассматривается в контексте его формирования. Между тем работа с кадровым потенциалом подразумевает и его рациональное использование, тем более в условиях недостаточности данного ресурса. Состояние рынка труда является основным индикатором использования кадрового потенциала территории. Структура безработицы, дисбаланс между потребностями рынка труда и реальной структурой занятости являются прямым следствием проблем формирования и использования кадров. Дальний Восток сегодня является объектом активной пространственной политики государства. По отношению к данному макрорегиону применяются специальные инструменты развития, начиная с программы «Дальневосточный гектар» до единственного в своем роде института – Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики. При этом одной из ключевых проблем развития территории является так называемый «кадровый голод». Проблемы формирования кадрового потенциала на Дальнем Востоке больше позиционируются как вытекающие исключительно из демографических проблем и не рассматриваются с точки зрения эффективности использования кадрового потенциала. В статье рассмотрены подходы к понятию кадрового потенциала региона, обоснован подход к оценке проблем использования кадрового потенциала через показатели рынка труда, используя расширенную концепцию рабочей силы. Показано, что использование кадрового потенциала в Дальневосточном федеральном округе в период с 2020 по 2022 гг. было неэффективно, что подтверждено разбалансировкой между спросом и предложением на рынке труда, уровнем безработицы и объемами потенциальной рабочей силы, а также разницей между уровнем занятости и уровнем участия в составе рабочей силы.

Ключевые слова: кадровый потенциал региона, региональный рынок труда, пространственная политика государства, производственные отношения, развитие территорий, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Хван И. С., Медведев Е. А. Состояние рынка труда как индикатор использования кадрового потенциала в Дальневосточном федеральном округе // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 68–75. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-68-75>

Original article

The state of the labor market as an indicator of the use of human resources in the Far Eastern Federal District

Inna S. Khvan¹, Egor A. Medvedev²

^{1,2} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

¹ is-khvan@ranepa.ru

² meedvedev@mail.ru

Abstract. *The availability of human resources is one of the main conditions for the socio-economic development of an economic entity of any scale: from an enterprise to the state. Work with human resources is most often studied in the context of its formation both in literature and in practice. Meanwhile, working with human resources also implies its rational use, especially in case of insufficiency of this resource. The state of the labor market is the main indicator of the use of the territory's human resources potential. The structure of unemployment, the imbalance between the needs of the labor market and the real structure of employment are direct consequences of the problems of personnel formation and use. The Far East today is the object of an active comprehensive policy of the state. Special development tools are used in relation to this macro-region, starting with the Far Eastern Hectare program to the only institute of its kind - the Ministry for the Development of the Far East.*

Keywords: *human resources potential of the region, regional labor market, comprehensive policy of the state, industrial relations, territorial development, socio-economic development*

For citation: Khvan I. S., Medvedev E. A. (2024) The state of the labor market as an indicator of the use of human resources in the Far Eastern Federal District *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 68–75. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-68-75>

Введение

В научной литературе нет единого подхода к определению понятия «кадровый потенциал региона». При этом существует консенсус в том, что кадровый потенциал является драйвером развития любой территории и что подходы в работе с кадровым потенциалом должны определяться специфическими особенностями территории. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока является одной из ключевых целей и приоритетов пространственной политики в Российской Федерации.¹ Государство влияет колоссальные средства и создает специальные инструменты по его развитию, тем не менее регион продолжает

занимать аутсайдерское положение по большинству социально-экономических параметров [Хван, 2021; Хван, Буланова, Маслюк и др., 2022]. Известно, что одним из ограничений развития данной макрзоны является труднедостаточность, кадры являются «суперценным» ресурсом для Дальнего Востока, в этой связи, становится важным изучить насколько рационально данный ресурс используется.

Теоретико-методологические основы исследования

В литературе существует множество подходов к определению кадрового потенциала региона. Например, В. Ф. Потуданская, Н. В. Боровских и Е. А. Кипер-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html>.

вар считают, что «кадровый потенциал следует рассматривать как часть трудовых ресурсов, обладающих определенными знаниями, навыками, умениями, компетенциями, приобретенными и накопленными в результате общего и специального образования, а также профессионального опыта, повышения квалификации и осуществления переподготовки» [Потуданская и др., 2018]. Магомедов К. О. отмечает, что «в более конкретном понимании кадровый потенциал представляет собой профессионально подготовленные ресурсы общества, способные участвовать в различных дифференцированных видах деятельности» [Магомедов, 2011]. Другие определяют кадровый потенциал, как более широкую экономическую категорию, понимая под кадровым потенциалом «систему социально-экономических компонентов трудовой сферы общества, находящихся в полной взаимосвязи, определяющих характер производственных отношений и зависящих от них. Специфика кадрового потенциала конкретного региона определяется сложившимся разделением труда, специализацией производства, конкретной демографической ситуацией, национальными особенностями, традициями» [Акперов, 2014]. При этом часть авторов настаивает, что «кадровый потенциал» уже понятия «трудовой потенциал» на величину потенциальных возможностей работников [Батракова, 2020]. Другие же считают, что «необходимо принимать во внимание и незанятые трудовые ресурсы, которые подлежат профессиональному обучению с учетом требований постиндустриального общества и масштабного инновационного обновления» [Костенькова, 2019].

В настоящей статье не ставится целью уточнить понятие кадрового потенциала, оно действительно многогранно и может зависеть от цели и области исследований. Так, исследование кадрового потенциала, с точки зрения социологии, будет скорее рассмотрено как система отношений по формированию и использованию кадров, а с точки зрения экономики, как

экономический ресурс, в менеджменте – как способ управления потенциальными возможностями работников. По мнению авторов статьи, при определении понятия «кадрового потенциала» ключевым становится слово «потенциал» (от лат. *potentia* – сила), определяемый как «источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели»². Именно оно сущностно отделяет понятие кадрового потенциала от таких смежных понятий как «трудовые ресурсы», «кадры», «человеческие ресурсы».

Работа с кадровым потенциалом включает в себя три основные задачи:

- формирование кадрового потенциала;
- развитие кадрового потенциала;
- эффективное использование кадрового потенциала.

Каждая из задач естественным образом разбивается на систему подзадач. Так, формирование кадрового потенциала подразумевает настройку системы образования региона под стратегические задачи региональной экономики и работу по привлечению трудовых ресурсов в регион. Формирование кадрового потенциала территории напрямую зависит от государственной демографической и миграционной политики. Развитие кадрового потенциала нацелено на переобучение и настройку трудовых ресурсов под изменяющиеся условия с учетом технологических, экономических, политических изменений во внешней и внутренней среде региона. Эффективное использование кадрового потенциала предполагает максимальное использование имеющихся трудовых ресурсов, настройку под это структуры экономики региона.

Таким образом, работа с кадровым потенциалом – это системная проблема, требующая превентивного и перманентного внимания со стороны государства. При этом систему работы с кадровым потенциалом в каждом регионе необходимо выстраивать с учетом специфики территории: трудоизбыточные и трудодефицитные регионы часто имеют ди-

² Большая советская энциклопедия. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007921158/

аметральные проблемы.

Множественность подходов к понятию кадрового потенциала определяет множество подходов к его оценке. Одним из вариантов комплексной методики оценки кадрового потенциала является предложенная Т. М. Куттубаевой методика «оценочного суждения», которая объединяет в себе оценку сбалансированности спроса и предложения на региональном рынке труда с оценками экспертов, в качестве которых могут выступать как работодатели, так и представители органов власти различного уровня [Куттубаева, 2006]. Также для комплексной оценки исследователи используют анализ количественных и качественных характеристик кадрового потенциала. Например, в работе И. А. Чебыкина и М. В. Палкина при оценке кадрового потенциала Кировской области использовался интегральный оценочный показатель кадрового потенциала региона, который характеризует численность различных групп населения, задействованных в экономике региона, дополненный оценкой качественных характеристик, таких как качество и уровень образования в регионе, а также производительность труда [Чебыкин, Палкина, 2021]. Система оценки кадрового потенциала как фактора развития инновационной экономики в регионе представлена в работе Л. Г. Батраковой, она включает в себя широкий комплекс демографических, психологических и других показателей [Батракова, 2020]. Все описанные методики отвечают задачам, поставленным авторами работ в своих исследованиях. При этом отметим, что по мнению авторов статьи, одним из наиболее ёмких показателей эффективности формирования и использования кадрового потенциала является состояние рынка труда. Рынок труда является местом приложения труда, проявлением индивидуального или коллективного кадрового потенциала. Динамику таких показателей, как: рабочая сила, занятость и безработица возможно трактовать в контексте использования кадрового потенциала, используя расширенную концепцию рабочей силы, согласно которой понятие «рабочая сила» включает в себя

кроме занятых и безработных также и потенциальную рабочую силу, и ее недоиспользование напрямую демонстрирует недоиспользование кадрового потенциала территории.

Оценка использования кадрового потенциала на Дальнем Востоке

Данные таблицы 1 показывают, что уровень участия в составе рабочей силы и уровень занятости в субъектах Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) в среднем выше, чем по Российской Федерации. Это в том числе объясняется возрастной структурой населения Дальнего Востока. По данным Росстата Российской Федерации, в совокупности численность населения моложе трудоспособного и трудоспособного возраста в 2022 г. составляет в среднем по Российской Федерации 75,5%, а в среднем по Дальнему Востоку – 78,9%. Но, если проанализировать разницу между уровнем занятости и уровнем участия населения, то заметно что на Дальнем Востоке эта разница больше, это говорит о том, что кадровый потенциал в большей степени недоиспользуется на территории ДФО. Этот же факт подтверждают данные таблицы 2, из которой видно, что совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы на Дальнем Востоке выше, чем в среднем в Российской Федерации, как в целом, так и среди трудоспособного населения. Учитывая, что понятие «потенциальная рабочая сила» – это незанятые лица, которые выражают заинтересованность в получении работы за оплату или прибыль, однако сложившиеся условия ограничивают их активные поиски работы или готовность приступить к работе, их недоиспользование явно демонстрирует недоиспользование кадрового потенциала на Дальнем Востоке России.

Сравнительный анализ состава безработных в разрезе возрастных групп на Дальнем Востоке в сравнении с Российской Федерацией (таблица 3) показал, что на Дальнем Востоке, как и в России, наибольшую долю занимает молодежь в возрастной категории с 20 до 29 лет. В большинстве своем это лица, только что закончившие обу-

чение в средне-специальных, средне-профессиональных или высших учебных заведениях, не имеющих опыта работы и поэтому испытывающих трудности с поиском работы. Но в категориях 30–39 лет в среднем по России безработица снижается, а на Дальнем Востоке продолжает оставаться на том же уровне.

Категория с 20 до 39 лет является самой мобильной категорией граждан, еще не имеющей сильной привязки к определенному месту жительства. Проблемы с поиском работы у данной категории граждан говорит о потенциально более высоких кадровых потерях нежели в категории лиц старше 50 лет.

Таблица 1

Уровень участия в составе рабочей силы и уровень занятости в среднем по России и по ДФО в 2020–2022 гг.

Показатели	2020	2021	2022
Уровень участия в составе рабочей силы, %			
В среднем по РФ	62	62,4	62,3
В среднем по ДФО	64,4	64,3	63,9
Уровень занятости населения, %			
В среднем по РФ	58,4	59,4	59,8
В среднем по ДФО	60,2	60,7	60,8
Разница между уровнем участия и уровнем занятости в среднем по РФ, %	3,6	3	2,5
Разница между уровнем участия и уровнем занятости, в среднем по ДФО, %	4,2	3,6	3,1

Источник: ежегодный статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2023». URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf

Таблица 2

Уровень безработицы и совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы в среднем по России и по ДФО в 2020–2022 гг., %

Показатели	2020	2021	2022
Уровень безработицы, %			
В среднем по РФ	5,8	4,8	3,9
В среднем по ДФО	6,5	5,7	4,8
Совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы, %			
В среднем по РФ	7,8	6,4	5,2
В среднем по ДФО	9,4	7,8	6,9
Уровень безработицы населения в трудоспособном возрасте, %			
В среднем по РФ	6,1	5,0	4,1
В среднем по ДФО	6,8	6,0	5,1
Совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы в трудоспособном возрасте, %			
В среднем по РФ	7,9	6,4	5,2
В среднем по ДФО	9,2	7,9	6,9

Источник: ежегодный статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2023». URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf

Таблица 3

**Возрастной состав населения в среднем в Российской Федерации
и на Дальнем Востоке в 2022 г., %**

	15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	Старше 70
В среднем по РФ	3,6	30,2	27,8	19,0	15,1	4,0	0,2
В среднем по ДФО	3,8	29,9	29,2	20,5	12,5	4,0	0,1

Источник: ежегодный статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2023». URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf

Рассмотрим рейтинг Дальневосточного федерального округа по отдельным показателям напряженности на рынке труда. В целом макрорегион занимает по всем позициям, кроме коэффициента напряженности на рынке труда, предпоследнее или последнее место, являясь аутсайдером как по уровню безработицы (7 место из 8), так и по продолжительности поиска работы (более 25% безработных ищут работу более года). Хуже положение по рассматриваемым показателям только у Северо-Кавказского федерального

округа, но надо учитывать, что данный округ является трудоизбыточным, и его лидерство в антирейтинге вполне очевидно. Дальний Восток, напротив, является трудонедостаточным регионом, что подтверждается самым низким показателем коэффициента напряженности на рынке труда. Таким образом, из анализа данных таблицы 4 следует, что на Дальнем Востоке структура вакансий не удовлетворяет запросам безработных, что говорит о слабой сбалансированности спроса и предложения на рынке труда макрорегиона.

Таблица 4

**Отдельные показатели (%)/рейтинг федеральных округов
по напряженности на рынке труда в 2022 г.**

Федеральные округа	Уровень безработицы ³	Коэффициент напряженности ⁴	Среднее время поиска работы безработными ⁴	Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более ²
Центральный федеральный округ	3,0/1	1,5/6	5,4/1	12,7/1
Северо-Западный федеральный округ	3,2/2	1,4/5	5,7/3	16,1/4
Южный федеральный округ	4,1/5	1,7/7	5,7/4	14,8/3
Северо-Кавказский федеральный округ	10,3/8	12,1/8	7,9/8	25,6/7
Приволжский федеральный округ	3,3/4	1,4/3	6,0/5	18,1/5
Уральский федеральный округ	3,3/3	1,3/2	5,6/2	12,7/2
Сибирский федеральный округ	4,4/6	1,4/4	6,0/6	18,9/6
Дальневосточный федеральный округ	4,8/7	1,1/1	7,6/7	28,4/8

Источник: ежегодный статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2023». URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf

³ места проранжированы в порядке возрастания

⁴ места проранжированы в порядке убывания

Выводы

Кадровый потенциал Дальнего Востока испытывает проблемы не только на этапе формирования, когда отток населения и кризис рождаемости приводит к его трудонедостаточности, но и на этапе использования. Анализ состояния рынка труда демонстрирует разбалансировку между спросом и предложением, уровнем безработицы и использованием потенциальной рабочей силы. При

этом проблемы с поиском работы испытывает не только «неопытная» молодежь и люди предпенсионного возраста, но и население в самом трудоспособном возрасте от 30 до 49 лет. Дальний Восток является лидером антирейтинга по уровню безработицы и продолжительности поиска работы. Все это в целом говорит о неэффективном использовании ограниченного кадрового потенциала в макрорегионе.

Список источников:

1. Акперов, И. Г., Брюханова, Н. В. Целевое управление формированием кадрового ландшафта территории и развитием ее кадрового потенциала. // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. С. 380. EDN: STRQFT
2. Батракова, Л. Г. Кадровый потенциал региона как основа устойчивого инновационного развития // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 78–94. DOI: 10.20323/2658-428X-2020-4-9-78-94
3. Костенькова, Т. А. Кадровый потенциал региона: сущность и основные факторы формирования // Экономика труда. 2019. Том 6. № 3. С. 1149–1158. DOI: 10.18334/et.6.3.40946
4. Куттубаева, Т. М. Формирование стратегии развития и использование кадрового потенциала на региональном уровне: автореферат дис.... канд. экон. наук, спец: 08.00.05 / Т. М. Куттубаева; Барнаул, 2006. 24 с.
5. Магомедов, К. О. Кадровый потенциал российского общества: социологический анализ // Государственная служба. 2011. № 3(71). С. 21–24. EDN NVUDRP.
6. Потуданская, В. Ф. Кадровый потенциал региона: сущность, факторы, проблемы формирования // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 3. С. 735–744. DOI: 10.18334/et.5.3.39252. EDN JBLNIC.
7. Хван И. С., Буланова М. А., Маслюк Н. А. [и др.] Развитие Дальнего Востока в новых институциональных условиях. Хабаровск : Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. 183 с. EDN YKYVMW.
8. Хван, И. С. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года: ожидания и возможности. Социально-экономические и гуманитарные науки : сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27 декабря 2021 года. – Санкт-Петербург: ЧНОУДПО ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ», 2021. С. 90-93. DOI 10.37539/SEN300.2021.34.73.006. EDN SIIVVY.
9. Чебыкин, И. А., Палкина, М. В. Кадровый потенциал региона: понятие, оценка состояния, направления развития (на примере Кировской области) // Вестник СурГУ. 2021. Вып. 3 (33). DOI 10.34822/2312-3419-2021-3-47-61
10. Kulagina, O. V. Tools For Strategic Development Of The Far East // European proceedings of social and Behavioural Sciences EPSBS, 2022, no. 1. Pp. 587–594. DOI: 10.15405/epsbs.2022.06.65

References:

1. Akperov, I. G., Bryukhanova, N. V. (2014) Targeted management of the formation of the territory's personnel landscape and the development of its personnel potential *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], no. 4, pp. 380 EDN: STRQFT (in Russ.).
2. Batrakova, L. G. (2020) The region's personnel potential as the basis for sustainable innovative development *Sotsial'no-politicheskiye issledovaniya* [Socio-political stud-

sources potential of Russian society: sociological analysis *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public service], no. 3 (71), pp. 21–24 EDN NVUDRP (in Russ.).

6. Potudanskaya, V. F. (2018) Human resources potential of the region: essence, factors, problems of formation *Ekonomika truda* [Labor Economics], vol. 5, no. 3, pp. 735–744 DOI: 10.18334/et.5.3.39252. EDN JBLNIC (in Russ.).

7. Khvan I. S., Bulanova M. A., Maslyuk N. A. [et al.] (2022) Development of the Far East in the New Institutional Conditions. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – Branch of RANEPА, 183 p. EDN YKYVMW (in Russ.).

8. Khvan, I. S. (2021) National Program of Socio-Economic Development of the Far East for the Period up to 2024 and for the Perspective up to 2035: Expectations and Possibilities. Socio-Economic and Humanitarian Sciences: Collection of Selected Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference, St. Petersburg, December 27, 2021. St. Petersburg: ChNOUDPO GNII “NATSRÁZVITIE”, pp. 90–93 DOI 10.37539/SEH300.2021.34.73.006. EDN SIIVVY (in Russ.).

9. Chebykin, I. A., Palkina, M. V. (2021) Human Resources Potential of the Region: Concept, Assessment of the State, Development Directions (Based on the Kirov Region) *Vestnik SurGU* [Bulletin of Surgut State University], is. 3 (33) DOI 10.34822/2312-3419-2021-3-47-61 (in Russ.).

10. Kulagina, O. V. (2022) Tools For Strategic Development Of The Far East *Yevropeyskiye trudy po sotsial'nyim i povedencheskim naukam EPSBS* [European proceedings of social and Behavioural Sciences EPSBS], no. 1, pp. 587–594 DOI: 10.15405/epsbs.2022.06.65 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 06.09.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторах

И. С. Хван – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Е. А. Медведев – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

I. S. Khvan – Candidate of Economics, associate professor, the chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of management – branch of RANEPА;

E. A. Medvedev – Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of management – branch of RANEPА.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья
УДК 328(571.62)
doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-76-85

Региональный парламентаризм в условиях глобальных вызовов и неопределенности: опыт и уроки

Ирина Валериевна Зикунова

Законодательная Дума Хабаровского края, Хабаровск, Россия
zikunova@mail.ru

Аннотация. Статья носит научно-практический характер и подготовлена в целях обобщения опыта деятельности законодательного органа государственной власти Хабаровского края в период 2019–2024 гг. В работе охарактеризованы специфика процесса формирования и становления состава депутатов, внешние условия деятельности Думы, законотворческие результаты, вклад депутатов седьмого созыва в развитие форм парламентской деятельности и парламентские коммуникации. Обновление фракции большинства в Законодательной Думе края в 2019 г. было обусловлено высоким запросом граждан на общественные перемены и требованием сокращения дистанции власти. Охарактеризованы ведущие внешние факторы и события в работе Думы: пандемийный шок, общественно-политическая нестабильность и протестные явления в регионе, конституционные преобразования в публичной власти, специальная военная операция и ее цели. Констатированы результаты работы депутатов седьмого созыва: инициирование и принятие учредительных и базовых законов региона, развитие многообразия форм работы Думы, активные коммуникации, включая пространство Интернета, вклад в парламентскую дипломатию. В качестве уроков из опыта работы регионального парламента индуцированы: дальновидное отношение к парламентскому лидерству; долгосрочная партийная работа на принципах преемственности поколений; гибкая и сообразная общественная динамика законотворчества и парламентского контроля; открытость и широкая коммуникация депутатского коллектива. Статья адресована исследователям и практикам в сфере регионального публичного управления, нацелена на распространение опыта парламентского менеджмента в условиях перемен и высокой неопределенности.

Ключевые слова: опыт регионального парламентаризма, формы деятельности законодательной власти, внешние факторы, уроки парламентской деятельности

Для цитирования: Зикунова И. В. Региональный парламентаризм в условиях глобальных вызовов и неопределенности: опыт и уроки // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 76–85. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-76-85>

Original article

Regional parliament in the context of global challenges and uncertainty: experience and lessons

Irina V. Zikunova

The Legislative Duma of the Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Russia
zikunova@mail.ru

Abstract. *This scientific and practical article has been prepared in order to summarize the experience of the Legislative Duma of the Khabarovsk Territory in the period of 2019–2024. The work describes the specifics of the process of formation of the dynamic regional parliament, external factors of the Duma's activities, legislative results, the contribution of the deputies of the seventh convocation to the development of the forms of parliamentary activity and parliamentary communications. The alteration of the majority faction in the Legislative Duma of the Territory in 2019 has been justified by the high demand of citizens for social changes and the requirement to reduce the distance of power. The leading external conditions of the Duma's work are characterized by pandemic shock, socio-political instability and protest phenomena in the region, constitutional changes in public authority, a special military operation and its goals. The results of the work of the deputies of the seventh convocation are the following: initiation and adoption of constituent and basic laws of the region, development of a variety of forms of the Duma's work, active communications including the Internet space, contribution to parliamentary diplomacy. The following lessons have been induced from the experience of the regional parliament: the lesson of a far-sighted attitude to parliamentary leadership; the lesson of long-term party work based on the principles of succession of generations; the lesson of flexible and socially dynamic lawmaking and parliamentary control; the lesson of openness and broad communication of the deputy team. The article is addressed to researchers and practitioners in the field of regional public administration, aimed at disseminating the experience of parliamentary management in conditions of change and high uncertainty.*

Keywords: *experience of regional parliamentarism, forms of parliamentary activity, external factors, lessons of parliamentary activity*

For citation: Zikunova I. V. (2024) Regional parliament in the context of global challenges and uncertainty: experience and lessons *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 76–85. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-76-85>

Введение

Сама история развития института представительной демократии, кристаллизации его места и значимости в процессах государственного управления ярко свидетельствуют, что зарождение и усиление власти народа через своих доверенных представителей происходило в таких обстоятельствах, когда иные институты власти показывали кризис, утрату диалога с народом, остро нуждались в укреплении за счет народной поддержки перед лицом внешних опасностей, внутренних деструктивных угроз. Примеры – в истории Великой французской революции и формировании сословного плюрализма в Национальном собрании, в образовании манифестом Николая II Государственной Думы в Российской империи, пусть запоздалом для разрешения кризиса, но важном для дальнейшей истории российской государственности. [Ревуненков, 10; Митрохина, 8] История парламентаризма показывает, что во-

влечение народа в процессы оправления высокой власти позволяло как минимум разделить бремя ответственности за судьбу государства, смягчить противоречия в разных плоскостях: от межсословных и межклассовых до межгосударственных и системно-государственных.

Мы не претендуем в данной статье на утверждение высокой исторической значимости работы депутатов седьмого созыва Законодательной думы Хабаровского края (далее – Дума, Законодательная дума). Региональная Дума – это только одна из ветвей власти крупного, узлового субрегиона России в территориальном ареале ее восточных приоритетов развития. Но есть в работе седьмого созыва, в условиях его формирования, форматах представительства то, что нужно осмыслить, и тем самым обогатить науку управления регионом. Мы представляем эту статью с целью обобщения опыта формирования и деятельности Законодательной Думы Хабаровского края

седьмого созыва, работавшей в период 2019–2024 гг. Достижение этой цели потребовало выполнить ряд частных исследовательских задач, среди которых:

- осмысление исторического контекста и влияния внешних условий и вызовов на работу регионального парламента;
- описание значимых законодательских результатов работы депутатского коллектива;
- обобщение опыта развития форм работы регионального парламента;
- представление опыта в развитии отношений Думы в сообществе, публичной власти, а также на международном уровне.

В ходе работы над статьей мы опирались на системно-динамический подход, принципы комплексной, объективной и обоснованной трактовки процессов и явлений, их причинно-следственных связей. Научное осмысление опыта Думы осуществлено автором на базе теории человеческого развития, концепции социального государства, институциональной теории.

Источниками информации для подготовки статьи послужили научно-исследовательские работы автора, подготовленные в период председательства в седьмом созыве, материалы публичных выступлений автора, процессные материалы работы Законодательной Думы Хабаровского края седьмого созыва за 2019–2024 гг., научные статьи по предмету исследования – процессам публичного управления и общественной динамики.

Автор выражает глубокую убежденность в том, что статья послужит источником нового знания о публичном управлении для исследователей, студентов и практиков, реализующих себя в деле достойного служения своей Родине в системе ее государственной власти.

1. События и общественные вызовы, внешние условия формирования и работы Законодательной думы Хабаровского края седьмого созыва

Начнем с того, что неординарными были сам состав депутатов седьмого созыва и условия его формирования. Персональный и партийный состав депутатов являются отражением ожиданий и доверия избирателей – граждан с наиболее активной жизненной позицией, тех, кто приходит на выборы. И в этом смысле выборы 2019 г. были особыми.

На этих выборах не избирали главу региона, или главу его столицы, или депутатов Государственной думы, а потому не могло быть высокой акцентуации общественного внимания. Но общественное внимание было высоким, и об этом свидетельствуют цифры явки: на выборы региональных парламентариев в Хабаровском крае в 2019 г. пришло почти 35% избирателей, это довольно высокий показатель (на 30% выше явки на выборы депутатов в 2014 г.). В первом туре нашумевших выборов губернатора региона в 2018 г., приведших к смене партии власти с «Единой России» на ЛДПР, участвовали 36% избирателей. Это значит, что депутатов седьмого созыва наделили большим доверием, с этим составом связывали надежды на реальное народное представительство во власти.

Состав депутатов седьмого созыва, представленный большинством партии ЛДПР, – это не только результат доверия избирателей, это персоны, конкретные люди, которых выдвинула партия. И в этом плане как спикер, которому довелось пять лет возглавлять этот коллектив и строить его работу, я могу достоверно утверждать, что в большинстве своем депутаты седьмого созыва не были сложившимися для политики людьми. Это был состав без опыта управления регионом, понимания его специфики, позиции в общегосударственной системе России, без опыта внутрипартийной работы, без этики работы фракции большинства. Эти важные кондиции партии большинства депутатам от ЛДПР в седьмом созыве еще предстояло приобрести. И это было критически важно не только для обеспечения жизни региона, его стабильности, это было важно для оправдания вот такого высокого доверия избирателей.

Работа депутатского коллектива, ее результаты и опыт предопределены условиями деятельности. Депутатам, избранным в 2019 г., выпало работать в условиях глобальных перемен и высочайшей нестабильности, неопределенности.

Прежде всего речь о пандемийном шоке, потрясшем все подсистемы общества. Спад в секторах и отраслях экономики с контактным характером деятельности обусловил гипертрофированное развитие средств самоизоляции и гигиены,

разобшение людей в прямом взаимодействии, но научил систему государственного регулирования оперативному управлению и тонкой настройке предпочтений для бизнеса, стал триггером на развитие новых технологий и методов организации дистанционного взаимодействия людей в производственных системах [Зикунова, 2022; Зикунова, 2021; Зикунова, 2022].

Следующий вызов – это общественно-политический региональный кризис, вызванный арестом губернатора С. И. Фургала. Нельзя сказать, что на выборах главы региона в 2018 г. большинство активных избирателей были глубокими сторонниками персонально С. И. Фургала. Более 47%, пришедших на второй тур выборов, представляли в большой степени фон протестного голосования, людей, настойчиво заявлявших о необходимости перемен в работе власти с народом, о сокращении дистанции власти, об ответственности власти. Эти ожидания, подкрепленные активной работой звена внутренней политики нового губернатора, сосредоточились на одном человеке. Вот почему общественный протест после его ареста был таким громким, долгим и деструктивным для региональной власти, ее способности работать на развитие.

В этих условиях большинству от ЛДПР, связанному партийными узами с задержанным губернатором, пришлось проявить неординарное терпение и стойкость перед нападками и обвинениями. Этот вызов сплотил депутатов, научил их быть самостоятельными в принятии на себя ответственности за регион.

Убеждена также, что эти резонансные события послужили основой для редкого случая пусть относительной, но независимости представительной власти от единоначального руководства регионом и исполнительной ветви власти. И эта независимость не была употреблена на популизм или выбивание предпочтений отдельным субъектам, на выгоды чьим-то бизнес-интересам. Более того, эта самостоятельность стала общественным амортизатором в острых социальных процессах.

Парламент в лице наиболее квалифицированной части депутатов сосредоточился на миссии развития представительной демократии, парламентского

контроля. Парламент стал органом ответственного принятия решений, ответственности перед людьми, органом новаторского отношения к формам парламентской работы. Это стало возможным благодаря квалификации и высокой ответственности депутатов за судьбу региона, за сохранение во власти квалифицированных и достойных людей.

Еще одна важнейшая перемена во внешней среде, пришедшаяся на время работы седьмого созыва, – перестройка публичной власти в России, связанная с конституционной реформой в 2020 г., по итогам общероссийского голосования [Клишас, 2020]. Действительно, заведение в основной закон страны по сути принципов человеческого развития, широкое на этой основе трактование прав и интересов граждан страны, развитие по модели социального государства – эта концепция государственности, которая давала старт не только укреплению стабильности федерального звена публичной власти, но и большому числу процессов регионального и местного нормотворчества, и что более важно, запускала в действие процессы перемен в социальной структуре и ценностной основе общества. Это были перемены в структуре бюджетно-финансовых потоков, обеспечивающих достижение заявленных целей государственной политики человеческого развития, политики укрепления населенческого капитала России.

В этих условиях хабаровским депутатам предстояло, конечно, формально выправить региональные законы. Но также конституционная перемена открывала возможность для народных представителей обратиться к учредительному документу региона, Уставу Хабаровского края, и неформально заняться закреплением обязательств публичной власти перед гражданами.

Несомненно, самым трансформационным фактором в работе депутатов седьмого созыва стало проведение Российской Федерацией специальной военной операции с целями денацификации и демилитаризации Украины, целями защиты суверенитета страны, обеспечения безопасности россиян не только на возвращенных, исконно российских территориях, но на всей территории России.

Принятие региональных норм закона, обеспечивающих социальную защиту и поддержку участников СВО и членов их семей, стало одним из ведущих приоритетов в работе Законодательной Думы.

Но СВО предъявила запрос на подлинное единство всех россиян перед лицом глобальной недружественности, лицом прямой опасности российскому народу. Для депутатов это был запрос на бескорыстие в оказании гуманитарной помощи, запрос на волонтерство, открытость.

И коллектив ответил достойно, постоянно формируя отправку в зону СВО, в подшефный Дебальцево, на территорию ЛНР и ДНР гуманитарного и санитарного груза, вкладываясь в специальные фонды, приобретая средства технического обеспечения. Эта работа ярко высветила морально-этическую сторону депутатской работы, работы аппарата Думы. Проведение СВО вывело на повестку депутатского контроля вопросы воспитания подрастающего поколения, острые вопросы межнациональных отношений, подлинного преобразующего патриотизма. И на эти вызовы у седьмого созыва также нашелся свой неравнодушный общественно-полезный ответ.

Таковыми были важнейшие внешние факторы и вызовы в работе законодательного органа Хабаровского края в период работы депутатов седьмого созыва.

2. Законотворческие результаты работы депутатов Законодательной думы Хабаровского края седьмого созыва

Количественно результат законодательной деятельности региональных депутатов исчисляется примерно сотней краевых законов, принимаемых ежегодно. Причем на 80–90% – это отработка инициатив, внесенных губернатором региона. Эта согласованность с исполнительной властью очень важна. Министерства и ведомства владеют всей полнотой запросов на законодательное регулирование, а потому слаженность и оперативность в отработке губернаторских законопроектов – важный фактор гибкой настройки регулирования под цели социально-экономического развития.

Однако седьмому созыву была характерна проактивность в предложении законотворческих инициатив, свое видение

в оформлении системы регионального законодательства. Это объясняется тем, что в составе созыва трудились на постоянной основе депутаты с опытом управленческой работы на предприятиях и в организациях, депутаты с учеными степенями. Кроме прочего, эти депутаты пришли на волне больших ожиданий избирателя, и это служило стимулом проявлять инициативу, давать предложения и рекомендации.

Вот почему созыв отметился серьезной проработкой Устава региона в части положений об экономической и социальной политике под руководством таких маститых ученых, как академик П. А. Минакир, пятью базовыми законами, заложившими системы отношений и их обеспечение в области, например, парламентского контроля, молодежной политики, регулярных перевозок, наставничества. Депутаты приняли один из важнейших законов края о его символах – закон о гимне региона.

Долгосрочным влиянием на публично-правовую модель развития региона будет отмечено принятие Законодательной думой региона в седьмом созыве одного из самых резонансных пакетов краевых законов: актов об учреждении муниципальных округов, запустивших сложные процессы [Зазулина, 2022] перехода к двухуровневой организации публичной власти края. Дума вложила в эту работу взыскательным изучением опыта других регионов, обеспечила равное социальное приятие этих новелл через широкое обсуждение с участием представителей местного самоуправления региона.

Отмечено законотворчество седьмого созыва вкладом в федеральную повестку. Это прямые инициативы об изменении норм федеральных законов, например, поправки к проекту закона о втором этапе инвестиционных квот в рыбохозяйственной отрасли, изменения в интересах упрощения порядка осуществления кочевого пчеловодства для личных нужд. Отмечу высокий уровень инициатив в постановлениях Думы, в которых на федеральный уровень, в правительство Российской Федерации, Государственную Думу и Совет Федерации Федерального Собрания уходили предложения по совершенствованию общефедеральных норм и механизмов. Из этих инициатив примерно пятая

часть в дальнейшем стала инициативами, воплощенными в федеральных законах и поручениях Президента. Например, изменения в условия дальневосточной ипотеки, поручение о разработке системы оплаты труда в бюджетной сфере¹.

То, что не реализовалось в текущем периоде, без сомнений послужит дальнейшему законотворчеству, потому что предложения хабаровских депутатов были обоснованными: опирались на объективные статистические данные и глубокую проработку в экспертных коллективах, отзывы региональных парламентов Дальнего Востока и России.

3. Опыт развития форм работы регионального парламента

Опыт работы Думы седьмого созыва также ярко показал, как много значат широкие контакты и общественные коммуникации Думы, открытость комитетов и руководства Думы общественным советам, организациям, органам при Думе, среди которых такие важнейшие, как Совет председателей представительных органов местного уровня, молодежная общественная палата.

Когда депутаты работают с опытными общественными институтами, представляющими профессиональные круги и сообщества, законодательные инициативы отличает актуальность, синергия, общественная польза. Убеждена, что благодаря множественности форм работы седьмого созыва, плотному календарю таких форматов, квалифицированной модерации у депутатов седьмого созыва сложилась достойная компетенция по подготовке законодательных инициатив и есть результаты ее применения.

Законодательная Дума является органом управленческим, любая ее деятельность в идеале должна венчаться принятием решения – проектом закона, обращения, совокупностью запросов или рекомендаций на иные уровни и звенья публичного управления, институты общества, в адрес граждан.

Конкретные формы работы Думы закреплены в законодательных актах, предписывающих порядок ее работы. Рабочими актами из этого состава явля-

ются прежде всего закон Хабаровского края от 28.03.1996 г. № 33 «О Законодательной думе Хабаровского края», а также постановление от 24.02.2010 г. «О Регламенте Законодательной думы Хабаровского края». Так, и закон о Думе, и Регламент утверждают в качестве основных форм работы заседания Думы, а также деятельность постоянных комитетов, временных и согласительных комиссий, рабочих депутатских групп, депутатские слушания, день депутата и иные формы работы. Очевидно, что в законе широкая трактовка форматов работы наша свое применение на уровне нижестоящих структурных единиц Думы – ее комитетов и групп. Для Думы основной формой утверждено заседание.

Но опыт седьмого созыва показал, что требуется инициативная законотворческая работа и взискательный парламентский контроль. А значит, на повестке могут быть многопредметные, комплексные вопросы, не связанные с деятельностью только одного комитета. Стало понятно, что деятельность депутатов с учетом объективного объекта публичного регулирования нуждается в более гибком и многообразном видении и организации форм работы регионального парламента.

И эти принципы гибкости и многообразия форматов работы парламентариев были успешно реализованы, нашли отклик и у коллектива депутатов, и у общественности, и на иных уровнях публичной власти. Приведем здесь только несколько примеров таких новых форм: Дни Законодательной Думы в муниципальных районах и городских округах региона, выездные заседания постоянных комитетов Думы на базе предприятий и организаций, круглые столы (например, по проблемам вейпинга в молодежной среде), парламентские слушания (например, по патристическому воспитанию), ток-шоу с молодежью по проблемам обучения в условиях дистанционных технологий организации учебного процесса, семинары по технике законотворчества, научно-практические конференции с международным участием, лекции-экскурсии для молодежи, выездные контрольные совещания на строя-

¹ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50431>

щихся объектах, брейнсторм-сессии, заседания дискуссионного клуба для молодежи, встречи с молодежным активом.

Помимо отмеченной гибкости и оперативного ответа на общественную проблематику, такое многообразие форм работы давало парламентариям свободу в организации состава участников совещаний, приближало к полю проблем, позволяло работать в прямом контакте с практиками и экспертами. А результатом становилось комплексное видение проблемы и спектр рекомендаций для ее решения.

Разумеется, для успешной организации таких форм работы требовался хороший уровень модерирования, концептуальное выстраивание повестки, многоплановый и конструктивно подобранный состав участников и, безусловно, хорошая подготовка депутатов Думы к проведению подобных мероприятий. Именно собственная подготовка, а не шаблоны, предложенные работниками аппарата Думы. Итогом такого подхода стало обобщение форм работы Думы, в том числе в одном из базовых законов, принятых депутатами седьмого созыва, от 26.10.2022 г. № 329 «О парламентском контроле в Хабаровском крае», где было прямо закреплено, какие решения по итогам работы в рамках тех или иных форм могут быть приняты.

4. Опыт краевой Думы в развитии ее отношений в сообществе и публичной власти, а также на международном уровне

Именно в коммуникациях законодательного органа власти наиболее полно реализуется его представительная миссия, ведь в каждом выходе на взаимодействие с исполнительной властью, с органами федерального и международного уровня, с общественными организациями, с самым широким кругом лиц в контактах через СМИ и средства интернет-коммуникации депутаты представляют не себя, и даже не свой коллектив, а граждан, которыми они были избраны, тех, кто доверил парламентариям управлять от своего имени за всю широкую массу народа. Поэтому представительство, его достоверность и полнота, открытость, информативность представляют собой не менее важную сферу парламентской работы, чем законотворчество и контроль исполнения законов.

В этом плане хотелось бы отметить,

что по решению спикера седьмого созыва в составе аппарата Думы был учрежден отдел информационного обеспечения основной деятельности, было принято решение на регулярной основе осуществлять подготовку продуктов инфографики, отвечая запросу на открытость законодательной власти [Огнева, 2013]. Это было сделано в рамках двух тематических направлений. «Закон, понятный населению» стал проектом правового просвещения граждан, и на сайте Думы в сети Интернет, и в социальных сетях регулярно размещались простые материалы инфографики, позволяющие легко освоить нормы законов, понять свои права и механизмы их реализации. Второй проект инфографики получил название «Думаем вместе», здесь реализовалась задача о предоставлении гражданам информации о социально-экономическом положении в крае, его отдельных отраслях, сферах, о реализации проектов, о социально-значимых инициативах. Этот проект также реализовался средствами Интернет-коммуникации в простой и наглядной форме.

Помимо этих новых средств коммуникации в Думе седьмого созыва получили самое широкое развитие регулярные экспертные интервью депутатов на местных каналах, участие депутатов в заседаниях ассоциаций, общественных советах, различных комиссиях. Через такой широкий фронт взаимодействия получилось оперативно направлять запросные позиции граждан и их объединений на уровень субъектов принятия решений. Так представительная демократия проявляла себя в действии. Неслучайно малыми финансовыми средствами законодательный орган края в рейтинге открытости Совета Федерации по итогам 2023 г. занял почетное 17 место из почти сотни законодательных собраний России.

Самый высокий уровень представительства был реализован Думой седьмого созыва на макрорегиональном, федеральном и международном уровнях. В дальневосточном макрорегионе благодаря инициативе первого председателя Законодательной думы Хабаровского края Виктора Озеров одной из первых в России была организована межрегиональная парламентская ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье». В этом органе

совместной работы дальневосточных и забайкальских спикеров рассматривают инициативы, законодательное оформление которых важно для стабильности и развития всего макрорегиона. Дума седьмого созыва за период своей работы выносила на обсуждение членов данной ассоциации отнесение Тугуро-Чумиканского муниципального района Хабаровского края к районам Крайнего Севера [Зикунова, 2020], обращение в Правительство России с предложениями о поддержке лесохозяйственного комплекса в условиях санкционного давления, предложения в федеральное законодательство по обращению с животными без владельцев, упрощение порядка осуществления кодового пчеловодства для личных нужд, нормы об ужесточении ответственности за нарушение правил дорожного движения при пересечении железнодорожных переездов. На федеральном уровне представительство Законодательной Думы Хабаровского края было реализовано в Совете законодателей при Федеральном Собрании в составе комиссии по промышленной и экономической политике, в работу этой комиссии по инициативе председателя хабаровского парламента были внесены аналогичные вопросы.

Международный уровень парламентаризма по праву можно отнести к высокому результату созыва. В этом направлении Дума сделала большой шаг вперед по пути развития парламентской дипломатии. На протяжении всех пяти лет работы в Думе края проводились регулярные встречи-консультации с генеральными консулами и представителями консульских структур КНР, КНДР, Республики Беларусь, Японии. Были в числе гостей в Думе такие значимые персоны, как Ли Хуэй, чрезвычайный и полномочный посол КНР в России на протяжении долгих лет. Эта плотная работа не прошла даром, были заключены официальные соглашения о сотрудничестве, согласованы планы работы, состоялся первый официальный визит председателя Думы в две партнерские провинции КНР – Хэйлунцзян и Гуандун. Этот визит прошел на высоком уровне: спикера хабаровских депутатов принимал первый секретарь КПК провинции Хэйлунцзян господин Сюй Цинь, а также постоянный

состав депутатов во главе с зампредела Собрания народных представителей провинции Гуандун. Стоит отметить, что визит в Китай не стал визитом вежливости и знакомства с историей и культурой, по инициативе председателя Думы программа визита была акцентирована на экономической повестке и работе с молодежью. Были лекции для студентов в университетах, посещения успешных предприятий в ареалах особых экономических режимов провинции Гуандун.

Заключение

Работа каждого вновь избранного коллектива депутатов отличается новизной организационной культуры, ведь каждый раз в состав депутатов избираются новые люди, возникают разные межфракционные балансы отношений, в разной степени фракция большинства включается в инициативное законодотворчество и принимает на себя ответственность.

Седьмой созыв депутатов отличался проактивным и многообразным форматом работы в силу вхождения в депутатский коллектив депутатов с высокой квалификацией и ответственностью перед избирателем, предъявившим высокие ожидания позитивных общественно-политических перемен в 2019 г.

Результативность работы седьмого созыва характеризует законодательное оформление перемен в организации публичной власти региона, ее символов, утверждение принципиальных основ и трактовки результатов социально-экономической политики в Уставе региона, высокий уровень представления федеральных инициатив, достижения в области парламентской дипломатии.

Объективно такой уровень парламентского результата обусловили процессы общественного обновления в диалоге народа и власти, пандемийный шок, трансформации конституционных основ для прав и интересов граждан, ценностное преобразование и единение россиян перед лицом выполнения целей СВО, обеспечения суверенитета России и безопасности ее граждан перед внешними угрозами.

Но наши исследовательские выводы были бы неполными без логического выхода на констатацию уроков седьмого созыва.

Первый урок – это урок дальновидного

отношения к парламентскому лидерству. В депутатском коллективе должны быть профессионалы и личности, способные при любых внешних угрозах и турбулентных событиях принимать самостоятельные решения, выдерживать баланс общественной стабильности, служить коммуникацией между властью и широким гражданским сообществом.

Второй урок – это урок долгосрочной партийной работы на принципах преемственности поколений. Главной целью политических партий вне времени должно быть служение Отечеству и государственности. Партии должны воспитывать политиков, мотивированных не личными предпочтениями от завоевания власти, а высоким общественным признанием за достойные результаты служения во имя защиты законных прав и интересов граждан. На сегодня эта проблема не только не имеет научного осмысления, она располагает слабыми заделами практического разрешения, особенно в работе с молодежью. [Коряковцева, 2022]

Третий урок – урок гибкого и образного общественной динамике законотворчества и парламентского контроля. Должны использоваться многообразные

формы депутатской работы, отвечающие специфике общественной проблемы или запроса граждан, их объединений.

Четвертый урок – урок открытости и широкой коммуникации депутатского коллектива. В парламенте должны работать надежные коммуникации с широким сообществом и в системе публичной власти так, чтобы общественные запросы и предложения, индуцированные из практики, после депутатского обсуждения и оценки общественной пользы доходили до более высоких уровней принятия парламентских решений.

Отметим также, что работа в составе седьмого созыва для автора высветила научные пробелы в области политологических исследований, которые предстоит закрыть ученым. На сегодня недостаточно исследованы вопросы влияния интернет-коммуникаций на политическую систему, формы правового просвещения граждан, вопросы форм и эффективности парламентской дипломатии, проблемы вовлечения молодежи в политическую активность и в целом перемены в социальной базе работы политических партий, их идеологическое позиционирование.

Список источников:

1. Зазулина, М. Р. Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7. № 3. С. 275–284. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284>
2. Зикунова, И. В. Гарантии и компенсации лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в контексте стимулирования предпринимательской активности в регионе // Экономика Востока России. 2020. № 1 (12). С. 31–33. <https://doi.org/10.25801/SRC.2020.84.72.010>
3. Зикунова, И. В. Законодательная дума: важно оперативно реагировать на риски // Журнал Бюджет. 2022. № 4 (232). С. 20–21.
4. Зикунова, И. В. Пандемийный шок: методологическое объяснение и новый общественный договор // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 3 (96). С. 45–52. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-96-3-45-52>
5. Зикунова, И. В. Социально-экономическая динамика в изменении институтов публичной власти: опыт Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 18–24. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-18-24>
6. Коряковцева, О. А. Государство и молодежь: проблемы гражданского взаимодействия // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16) С. 20–32. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-20-32>
7. Клишас: Суверенитет, самостоятельность, целостность России – безусловны // Российская газета. 2020. № 3124 (8178). URL: <https://rg.ru/2020/06/09/kliskas-suverenitet-samostoiatelnost-celostnost-rossii-bezuslovny.html>
8. Митрохина, Н. В. История первой Государственной Думы Российской империи // История государства и права. 2000. № 1. С. 12–14.
9. Огнева, В. В. Информационная открытость регионального парламента как

фактор эффективности законодательной власти Российской Федерации // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 8 (151). Выпуск 26. С. 163–167. EDN: RPZSIV

10. Ревуненков В. Г. История Французской революции. СПб. : Образование – Культура, 2003. 776 с.

References:

1. Zazulina, M. R. (2022) Implementing into the system: local government in the context of the new federal reform *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences], vol.7, no. 3, pp. 275–284 <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284> (in Russ.).

2. Zikunova, I. V. (2020) Guarantees and compensation for individuals operating in the regions of the Arctic Region and areas equivalent to them, in the context of stimulating entrepreneurial activity in the region *Ekonomika Vostoka Rossii* [Economy of the East of Russia], no. 1 (12), pp. 31–33. <https://doi.org/10.25801/SRC.2020.84.72.010> (in Russ.).

3. Zikunova, I. V. (2022) Legislative Duma: it is important to respond promptly to risks *ZHurnal Byudzhet* [Budget Magazine], no. 4 (232), pp. 20–21 (in Russ.).

4. Zikunova, I. V. (2021) Pandemic Shock: Methodological Explanation and New Social Contract *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (96), pp. 45–52. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-96-3-45-52> (in Russ.).

5. Zikunova, I. V. (2022) Socio-economic dynamics in changing public institutions: the experience of Khabarovsk Territory *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (100), pp. 18–24. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-18-24> (in Russ.).

6. Koryakovceva, O. A. (2022) The State and Youth: Problems of Civil Interaction *Social'no-politicheskie issledovaniya* [Social and Political Research], no. 3 (16), pp. 20–32. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-20-32> (in Russ.).

7. Klishas: Sovereignty, independence, integrity of Russia are unconditional *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper]. URL: <https://rg.ru/2020/06/09/klishas-suverenitet-samostoiatelnost-celostnost-rossii-bezuslovny.html> (in Russ.).

8. Mitrohina, N. V. (2000) History of the First State Duma of the Russian Empire *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the State and Law], no. 1, pp. 12–14 (in Russ.).

9. Ogneva, V. V. (2013) Information openness of the regional parliament as a factor in the effectiveness of the legislative power of the Russian Federation *Nauchnye vedomosti. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific News. Series: History. Political Science. Economics. Computer Science], no. 8 (151), is. 26, pp. 163–167. EDN: RPZSIV (in Russ.).

10. Revunenkov, V. G. (2003) History of the French Revolution. SPb. : Education - Culture, 776 p. (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Информация об авторе

И. В. Зикунова – доктор экономических наук, доцент, председатель Законодательной Думы Хабаровского края седьмого созыва.

Information about the author

I. V. Zikunova – Chairman of the Legislative Duma of the Khabarovsk Territory, seventh convocation.

Научная статья

УДК 330.322:332.14

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-86-98

Механизмы зрелости регионального инвестиционного стандарта как фактор повышения инвестиционной активности территорий Российской Федерации

Надежда Васильевна Медведева¹, Наталья Альбертовна Маслюк²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления – филиал, Санкт-Петербург, Россия,

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

² maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью оценки потенциала трансформаций в деятельности органов публичной власти по привлечению инвестиций в регионы и муниципальные образования. В статье рассмотрены процессы динамического изменения механизма регионального инвестиционного стандарта, обусловленные инвестиционными потребностями регионов страны и реализуемые в виде элементов донестройки действующего механизма. Авторами определены результаты внедрения регионального инвестиционного стандарта второго поколения и выявлены заделы развития его инструментария, обоснованы процессы трансформации и зрелости, отвечающие современным макроэкономическим вызовам и приоритетным целям экономического роста. Дана краткая характеристика механизмов зрелости регионального инвестиционного стандарта третьего поколения. Определено соотношение новых элементов регионального и муниципального инвестиционных стандартов. В этой связи обозначено проблемное поле сопряжения данных механизмов в процессе их реализации. На этапе унификации элементов муниципального инвестиционного стандарта и сопряжения действий регионов и муниципалитетов по повышению инвестиционной активности практический интерес представляет обобщение регионального опыта с целью выявления успешных практик для их дальнейшего тиражирования. Условиями применимости механизмов зрелости регионального инвестиционного стандарта с целью повышения инвестиционной активности территорий названы: унификация подходов к реализации элементов муниципального инвестиционного стандарта; сопряжение элементов регионального и муниципального инвестиционных стандартов с целью создания условий реализации проактивной инвестиционной стратегии муниципалитетов; обобщение и тиражирование успешных практик территорий по интеграции муниципального стандарта в систему инвестиционной политики регионов. Результирующими признаками внедрения регионального инвестиционного стандарта должны стать: динамика и структура инвестиций (рост объема инвестиций); увеличение (с учетом возможного укрупнения) числа инвесторов, рост степени доверия и удовлетворённости бизнеса действиями власти.

Ключевые слова: региональный инвестиционный стандарт, система поддержки инвестиционных проектов, обратная связь для инвестора, бережливый проект, муниципальный инвестиционный стандарт

Для цитирования: Медведева Н. В., Маслюк Н.А. Механизмы зрелости регионального инвестиционного стандарта как фактор повышения инвестиционной активности территорий Российской Федерации // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 86–98. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-86-98>

Original article

Regional Investment Standard maturity mechanisms as a factor in increasing investment activity of the territories of the Russian Federation

Nadezhda V. Medvedeva¹, Nataliya A. Maslyuk²

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPА, St. Petersburg, Russia,

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

¹ medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

² maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>

Abstract. *The research relevance is determined by the need to assess the potential of transformations in the activities of public authorities to attract investment in regions and municipalities. The article considers the processes of dynamic changes in the mechanism of the regional investment standard, determined by the investment needs of the country's regions and implemented in the form of elements of fine-tuning the current mechanism. The authors determine the results of the implementation of the second-generation regional investment standard and identify the reserves for the development of its tools, substantiate the processes of transformation and maturity which meet modern macroeconomic challenges and priority goals of economic growth. The maturity mechanisms of the third-generation regional investment standard are briefly characterized. The correlation of new elements of regional and municipal investment standards is determined. The problem field of interfacing these mechanisms in the process of their implementation is outlined. At the stage of unification of elements of the municipal investment standard and coordination of actions of regions and municipalities to increase investment activity, generalization of regional experience in order to identify successful practices for their further replication is of practical interest. The conditions of applicability of the regional investment standard maturity mechanisms for increasing the investment activity of territories are: unification of approaches to the implementation of elements of the municipal investment standard; interfacing of elements of regional and municipal investment standards in order to create conditions for the implementation of proactive investment strategy of municipalities; generalization and replication of successful practices of territories on the integration of the municipal standard in the system of regional investment policy. The results of implementing the regional investment standard should be: the dynamics and structure of investments (growth of the volume of investments); increase (taking into account possible expansion) of the number of investors; growth of the degree of trust and satisfaction of business with actions of the authorities.*

Keywords: *regional investment standard, support system for investment projects, investor feedback, lean project, municipal investment standard*

For citation: Medvedeva N. V., Maslyuk N. A. (2024) Regional Investment Standard maturity mechanisms as a factor in increasing investment activity of the territories of the Russian Federation *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 86–98. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-86-98>

Введение

Поиск механизмов развития и управления, релевантных условиям современной действительности, равно как и поток непрерывных улучшений согласно концепции кайдзен, прослеживается в динамике развития инвестиционного климата в стране как одной из основных доминант экономического роста. Наилучшей технологией повышения инвестиционной активности регионов признается региональный инвестиционный стандарт за счет унифицированного подхода к созданию новой системы поддержки инвестиционных проектов в регионах и возможности масштабирования лучших практик [Соколов и др., 2023, С. 94].

Поступательное развитие регионального инвестиционного стандарта исчисляется с 2012 г. по настоящее время. Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата был разработан Агентством стратегических инициатив и с 2012 г. стал обязательным для внедрения всеми регионами страны, его масштабирование пришлось на период с 2013 по 2020 гг. Затем первая итерация в 2021 г. трансформировалась в систему поддержки новых инвестиционных проектов субъектов Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»), именуемый РИС 2.0. И наконец, в результате изменений ряда элементов РИС 2.0 и расширения его инструментария в 2024 г. начинается внедрение обновленного регионального инвестиционного стандарта (РИС 3.0). Одновременно выстраивается вертикаль унифицированной инвестиционной среды в стране путем организации системной работы по сопровождению инвестиционных проектов муниципальными образованиями с учетом внедрения в регионах РИС 2.0.

Вопросы инвестиционной активности в отраслях экономики и регионах всегда рассматривались в контексте экономического роста, в условиях же новой экономической реальности они становятся наи-

более острыми и нуждаются в решении по принципу «расширение пройденного», на что и направлены инициативы по обеспечению зрелости регионального инвестиционного стандарта [Звонова и др., 2021; Золотарева и др., 2022; Иванов, 2021].

Методологию статьи составляет междисциплинарный подход, основанный на взаимосвязи экономической теории инвестиций и общей теории систем, а также методы синергетики и экстраполяции.

Целью статьи является исследование механизмов зрелости регионального инвестиционного стандарта и определение условий их применимости для повышения инвестиционной активности территорий.

Результаты и обсуждение

Результаты внедрения РИС 2.0: заделы взросления и зрелости

Региональный инвестиционный стандарт (РИС 2.0) представляет собой новую систему поддержки инвестиционных проектов и внедряется в субъектах Российской Федерации с 2021 г. Новый региональный стандарт по сложившейся традиции с предыдущим был сформирован на основе лучших практик взаимодействия региональных органов власти с инвесторами и направлен на оптимизацию такого взаимодействия. При этом оптимизация взаимодействия региональных органов власти с инвесторами имеет большую адресность – обеспечить поддержку инвестиционных проектов предложенным инструментарием в виде коробочных решений. Данное обстоятельство отличает РИС 2.0 от предыдущего стандарта с более широкой повесткой. Нормативная определенность элементов РИС 2.0 и пилотный режим запуска стандарта позволили в режиме реального времени опробовать, «дорастить» новыми элементами и приступить к масштабированию в регионах.

Первоначальный инструментарий РИС 2.0 (от 30 сентября 2021 г.) состоял из трех элементов – методических рекомендаций по подготовке инвестиционной декларации, созданию агентства развития и инвестиционного комитета субъекта Российской Федерации.¹ После

¹ См. Приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 в первоначальной редакции и последующих редакциях в период 2021–2023 гг. – от 8 декабря 2021 г., 29 декабря 2022 г., 6 июня 2022 г., 15 декабря 2022 г. и 20 сентября 2023 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608913625?section=operative> (дата обращения 18.08.2024).

внедрения стандарта в период с 2021 по 2023 гг. в него были внесены дополнения и изменения. РИС 2.0 был дополнен тремя элементами – методическими рекомендациями по формированию инвестиционной карты, внедрению свода инвестиционных правил субъекта Российской Федерации, а также методическими рекомендациями по мониторингу и подтверждению внедрения регионального инвестиционного стандарта. В последующем были внесены дополнения в содержание свода инвестиционных правил, изменен порядок подготовки инвестиционной декларации и формирования инвестиционной карты.

Заделами для конструирования РИС 2.0 стали условия, получившие свое становление в предыдущие годы и не утратившие своей приоритетности – создание благоприятной среды для ведения бизнеса, формирование доступных инвестиционных площадок, сопровождение инвестора по принципу «одного окна», оптимизация процедур подключения к инфраструктуре, оперативное разрешение спорных вопросов и гарантии соблюдения прав и интересов инвесторов.

В результате завершения внедрения регионального инвестиционного стандарта 2.0 была сформирована однородная среда, основанная на горизонтальных межведомственных отношениях. Каждый из пяти структурных элементов стал площадкой для взаимодействия с бизнесом (инвестиционная декларация, агентство развития, инвестиционный комитет, инвестиционная карта, свод инвестиционных правил). Все структурные элементы стандарта нацелены на формирование регионами системы поддержки инвестиционных проектов Fast Track («бесшовной системы» содействия инвесторам), которая направлена на создание удобного и быстрого механизма запуска и сопровождения инвестиционных проектов, что коррелирует с императивом срочности в условиях новой экономической реальности. Есть основания полагать, что подобная стандартизация инвестиционной политики выступит фактором конкурентоспособности страны и условием модели экономики предложения, обеспечив при-

влечение влияния инвесторов к российским регионам, а не иным странам [Шейхова, 2022. С. 281].

Элементы РИС 2.0 проходят регулярную оценку внедрения в рамках Национального рейтинга качества инвестиционного климата и экспертной оценки Минэкономразвития России.

Оценка внедрения РИС 2.0 в 2023 году

В 2023 г. подведены итоги верификации внедрения регионального инвестиционного стандарта в 85 субъектах Российской Федерации (в 70 РИС признан внедренным, в остальных (с результатом менее 75%) – работа над внедрением стандарта продолжилась).

Заметно увеличилось число респондентов по сравнению с предыдущим годом (в 4,5 раза и достигло 3600 инвесторов с проектами от 50 млн руб.). Респонденты были сгруппированы по стадиям инвестиционных проектов и отраслям. Примерно по трети (по нисходящей с минимальным разрывом) от числа всех респондентов пришлось на инвестиционную, эксплуатационную и прединвестиционную стадии. При этом выделились ТОП-8 отраслей респондентов от строительства (16%) до транспорта (3,8%). Промежуточные значения (от 13,2 до 3,9%) пришлось на следующие отрасли – торговля и пищевая промышленность, сельское хозяйство и сельхозоборудование, машиностроение, химическая и нефтехимическая промышленность, лесное хозяйство и деревообработка, добыча и переработка полезных ископаемых).

Внедрение регионального инвестиционного стандарта оценили в диапазоне от 80 до 90% в зависимости от региона. По итогам оценки был выявлен ряд проблем, в числе которых были выделены недостаточная информированность региональных инвесторов и взаимодействие инвесторов, региональных команд и ресурсоснабжающих организаций, было принято решение о переходе к непрерывной работе по улучшению инвестиционного климата в стране, работе на результат – рост объема инвестиций, что соответствует принципам таргетирования инвестиционной составляющей социально-экономического развития.

Данные результаты привели к изменениям в порядке формирования интерактивной карты и свода инвестиционных правил субъектов Российской Федерации и последующей работе по обновлению стандарта до новой версии. В таблице 1 представлены результаты оценки внедрения РИС 2.0 в 2023 г.

В таблице 1 (графы 3 и 4) представлены общие данные верификации внедрения РИС по всем регионам в разрезе каждого из пяти элементов стандарта, на

основании которых определена экспертная оценка авторов (графа 5), значения которой соответствуют указанным выше проблемным зонам (недостаточный уровень информированности и взаимодействия). В графе 6 продемонстрирована оценка внедрения РИС Новосибирской области (входит в Топ-10 регионов-лидеров с лучшими практиками по работе инвестиционных команд, обеспечивающими факторы роста).² Отмечается относительное расхождение в значениях

Таблица 1

Оценка внедрения РИС 2.0 (общие данные и фактический пример)

№	Элемент РИС	всего, % респондентов	из них, % респондентов	Экспертная оценка РИС *	Пример оценки РИС **
1	2	3	4	5	6
1.	Инвестиционная декларация (ИД)	83% – знакомы с содержанием ИД	95% – удовлетворены соблюдением ОГВ заявленных обязательств	78%	89%
2.	Агентство развития (АР)	90% – знают о функции АР – поддержка в формате «одного окна»	95% – удовлетворены соблюдением ОГВ заявленных обязательств	85%	91%
3.	Инвестиционный комитет (ИК)	80% – знают об ИК	98% – довольны результатом	78%	95%
4.	Свод инвестиционных правил (СИП)	82,1% – знакомы с СИП	68% – связывают проблемы (из своего опыта) подключения к инфраструктуре с ресурсоснабжающими организациями	55%	94%
5.	Инвестиционная карта (Ик)	81,6% – знакомы с Ик	87,7% – довольны содержанием Ик по данным о тарифах; 83% – довольны содержанием Ик по данным об ископаемых	69%	81%

Источник: составлено авторами на основе экспертной оценки.

Использованы открытые данные по результатам верификации: https://deloros-perm.ru/upload/iblock/c98/h0h8tibn9wh9j4jp19zon20zs3t4zaqu/Презентация_итогов_верификации_РИС_в_2023.pdf

* Графа 5. Методология расчета экспертной оценки – нахождение доли процента от базового значения (путем сопоставления значения граф 3 и 4).

** Графа 6. Данные оценки внедрения РИС Новосибирской области.

² Открытые данные по оценке внедрения РИС Новосибирской области: <https://novo-sibirsk.ru/upload/iblock/217/t3ip68vkspfwbbqamaas74s2rvqcyhqc/Prezentatsiya-RIS-14.12.2022.pdf> (дата обращения 18.08.2024).

граф 5 и 6, что соответствует принципу сопоставления общего и части.

Оценка влияния РИС 2.0 на инвестиционную составляющую региона

После завершения формирования регионального инвестиционного стандарта ситуация в некоторых регионах улучшилась, что было отражено в национальном рейтинге состояния инвестиционного климата.

По результатам верификации внедрения регионального инвестиционного стандарта был определен индекс эффективности внедрения регионального инвестиционного стандарта 2023 г. (Индекс стандарта), характеризующийся как параллельный механизм по отношению к национальному рейтингу состояния инвестиционного климата (Национальный рейтинг). Указанный Индекс стандарта был пилотным, он был рассчитан для 45 регионов по причине учета данных внедрения РИС в 2022 г.

С 2023 г. в Национальный рейтинг внесены показатели оценки качества отдельных механизмов регионального инвестиционного стандарта, что и ознаменовало собой работу по интеграции двух механизмов. Так, элемент РИС – инвестиционная декларация учитывается в направлении А «Регуляторная среда национального рейтинга»; агентство раз-

вития – соответствует показателю Б3.3 «Качество работы региональной организации по привлечению инвестиций и работе с инвесторами»; свод инвестиционных правил – влияет на показатель Б1.1 «Наличие и качество регионального законодательства о механизмах поддержки и защиты инвесторов». Нет релевантных показателей в национальном рейтинге элементам РИС – инвестиционная карта и инвестиционный комитет.

Результаты определения Индекса стандарта 2023 г. демонстрируют значимую взаимосвязь между ним и Национальным рейтингом, что отражено в таблице 2. Регионы, подтвердившие внедрение РИС в 2022 г., продемонстрировали опережающий рост интегрального индекса Национального рейтинга (+4,88 пунктов, против +2,98 в отношении регионов, не внедривших РИС в 2022 г.).

Данные, представленные в таблице 2, демонстрируют применимость условий регионального инвестиционного стандарта для повышения инвестиционной активности регионов за счет опережающего роста интегрального индекса Национального рейтинга ряда регионов.

Текущий 2024 г. ознаменован периодом взросления регионального инвестиционного стандарта и наращиванием дополнительных элементов, что приводит к

Таблица 2

Индекс стандарта 2023 г. в отношении Топ-10 регионов-лидеров в сравнении с Национальным рейтингом 2023 г.*

№	Субъект Российской Федерации	Место 2023 (по Индексу стандарта)	Место 2023 (по Национальному рейтингу)
1.	Москва	1	1
2.	Нижегородская область	2	3
3.	Республика Башкортостан	3	4
4.	Московская область	4	3
5.	Новгородская область	5	5
6.	Сахалинская область	6	4
	Смоленская область	7	8
7.	Республика Татарстан	8	2
8.	ХМАО-Югра	9	9
9.	Республика Бурятия	10	вне ТОП-15
10.	Калужская область	11	7
	Амурская область		вне ТОП-15

*Информация соответствует открытым данным https://invest.amurobl.ru/upload/iblock/5c0/9vv5m4bs258s81v20nh392rc8fuzuydj/4_Индекс_эффективности_vnedreniya_RIS_2023.pdf

формированию контура РИС 3.0.³

Механизмы зрелости в контуре РИС 3.0

Внедрённый и активно реализуемый региональный инвестиционный стандарт 2.0 доказал свою целесообразность и эффективность в активизации инвестиционной деятельности субъектов Российской Федерации. Так, за период его внедрения и распространения с 2021 г. по 2022 г. прирост инвестиций в основной капитал на душу населения (без бюджетных инвестиций) составил 19%, а по сравнению с 2019 г. (до его внедрения) показатель прироста составил 41%.⁴

Однако изменяющиеся условия инвестирования как внутри страны, так и во внешней среде обуславливают необходимость развития данного механизма и его доработки [Подвержных и др., 2022; Сукманов и др., 2023]. Концепция регионального инвестиционного стандарта не только изменяется «внешне» – прирастает новыми элементами, но и «внутренне» – происходит переориентация стратегии поведения регионов с инвестиционной активности на инвестиционную проактивность, т. е. способность действовать в условиях неопределённой внешней среды самостоятельно, при этом выбирая наилучший вариант решения.

В марте 2024 г. в региональный инвестиционный стандарт добавлены 3 элемента: механизм обратной связи с субъектами инвестиционной и предпринимательской деятельности, методы бережливого производства при оптимизации «клиентского пути» инвестора и готовые инвестиционные предложения.

Механизм обратной связи планируется запустить в 30 пилотных регионах в сентябре 2024 г., а в 2025 г. – во всех остальных. Объективная необходимость разработки и внедрения механизма обратной связи обусловлена наличием уже накопленного массива проблемных во-

просов, возникающих у инвесторов, а также стремлением власти систематизировать их, выработать алгоритмы их решения или устранения.

Обратная связь будет осуществляться на портале госуслуг, установлены нормативы времени рассмотрения простых и сложных вопросов: 10 и 30 дней соответственно, при этом предлагается классификатор категорий обращений: дороги, кадры, экология и природопользование, поддержка и сопровождение инвестора, строительство, инженерные сети, объекты недвижимого имущества, а также разрабатываются формы подачи обращений в зависимости от проблематики последних. Результаты их рассмотрения будут поступать руководству регионов и в Министерство экономического развития Российской Федерации. Следует предположить, что данный элемент «зрелости» РИС позволит органам власти не только оперативно и адресно реагировать на проблемы бизнеса и устранять их (в пределах компетенции), но и улучшать инвестиционную среду посредством «искоренения» наиболее часто встречающихся узких мест, действуя на опережение.

Следующий элемент РИС 3.0 – методы бережливого производства при оптимизации «клиентского пути» инвестора. Этот элемент был апробирован в 2022 г. в пилотных регионах и доказал свою эффективность [Маслюк и др., 2023. С. 62].

В контуре РИС 3.0 данный элемент содержит организационную модель внедрения бережливого проекта в регионах и порядок формирования предложений по совершенствованию нормативной базы, целями которых являются повышение прозрачности и эффективности взаимодействия органов власти с инвестором, формирование и тиражирование лучших практик регионов, снижение регуляторных барьеров при осуществлении инвестиционной и пред-

³ См. Приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 с учетом редакций 2024 г. – от 4 апреля 2024 г. и 17 июля 2024 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608913625?section=operative> (дата обращения 18.08.2024)

⁴ Рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: https://showdata.gks.ru/report/275828/?filter_1_0=2019-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2020-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2021-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2022-01-01+00%3A00%3A00%7C-52&filter_2_0=13035&rp_submit=t

принимательской деятельности.

Третьим элементом зрелости предполагается разработка и предложение региональными агентствами развития готовых инвестиционных предложений в виде типовых «коробочных» решений для инвесторов. При этом данный элемент ещё не унифицирован в виде методических рекомендаций Министерства экономического развития Российской Федерации.

Однако не только добавленные элементы отличают региональный инвестиционный стандарт 3.0 от его предшественника. В нём усиливается участие муниципалитетов в активизации инвестиционной деятельности на территории через внедрение муниципального инвестиционного стандарта (МИС).⁵

По мнению авторов, в процессе выстраивания вертикали унифицированной инвестиционной среды муниципальный инвестиционный стандарт может рассматриваться как «продолжение» и «углубление» регионального стандарта.

Проблемы сопряжения инвестицион-

ных стандартов

Детальный анализ и сравнение элементов регионального и муниципального стандартов (табл. 3) позволили авторам определить проблематику исследования.

Несмотря на то, что в текущем моменте наиболее логично и чётко выстраивается работа по сопряжению двух механизмов регионального и муниципального инвестиционных стандартов, по мнению авторов, можно отметить ряд проблемных вопросов.

Во-первых, не определён механизм взаимодействия элементов инвестиционного комитета в РИС и инвестиционного управляющего и инвестиционного совета в МИС. Возникает закономерный вопрос – как будет осуществляться данное взаимодействие: по вертикали на условиях соподчинённости, либо по горизонтали как равноправных участников инвестиционного процесса. Второй проблемный вопрос – перераспределение (распыление) полномочий и дублирование функций в данном механизме взаимодействия. Воз-

Таблица 3

Сравнительный анализ элементов регионального инвестиционного стандарта 3.0 и муниципального инвестиционного стандарта

Элементы стандартов					
Уникальные		Дополняющие		Дублирующие	
РИС 3.0	МИС	РИС 3.0	МИС	РИС 3.0	МИС
Агентство развития	Инвестиционный профиль	Инвестиционная декларация	Инвестиционный раздел в документе стратегического планирования	Обратная связь	Обратная связь
Инвестиционные решения	Показатели эффективности	Инвестиционный комитет	Инвестиционный управляющий	Инвестиционный комитет	Инвестиционный совет
Инвестиционная карта	Профессиональная переподготовка и повышение квалификации	Сквозной инвестиционный поток	Регламент сопровождения инвестиционных проектов	Свод инвестиционных правил	Регламент сопровождения инвестиционных проектов
Подтверждение качества реализации РИС	Соглашение о сотрудничестве			Инвестиционный портал	Инвестиционный раздел на сайте органа местного самоуправления

Источник: составлено авторами.

⁵ Об утверждении Методических рекомендаций по организации системной работы по сопровождению инвестиционных проектов муниципальными образованиями с учетом внедрения в субъектах Российской Федерации системы поддержки новых инвестиционных проектов («Региональный инвестиционный стандарт»). Приказ Минэкономразвития России от 26 сентября 2023 г. № 672. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1303334499?section=status> (дата обращения 18.08.2024).

можно предположить, что функционал и полномочия инвестиционного комитета региона и инвестиционного совета муниципалитета будут пересекаться и дублироваться, ответственность за принятие решений будет перекладываться, что может привести к неэффективному взаимодействию с инвестором в виде увеличения времени принятия решения о реализации проекта на территории и отсутствия ответственных за это принятие.

Во-вторых, элемент обратной связи в обоих стандартах, по мнению авторов исследования, дублируется и может привести к ситуации, когда обращение инвестора (предпринимателя) будет рассматриваться на муниципальном уровне, а затем передаваться на уровень субъекта РФ в связи с отсутствием полномочий муниципалитета по решению возникшей проблемы. Это обстоятельство лишь увеличивает время ожидания решения проблемы инвестора, создавая негативное впечатление о деятельности органа местного самоуправления. С другой стороны, инвестору ничто не запрещает воспользоваться механизмом обратной связи, предусмотренным РИС, что делает неустребованным данный элемент на муниципальном уровне.

В-третьих, регламент сопровождения инвестиционных проектов на муниципальном уровне при отсутствии у муниципалитета конкретных полномочий по взаимодействию, например, с ресурсоснабжающими организациями, может лишь стать бюрократическим барьером в «сквозном пути инвестора». Причём порядок взаимодействия инвестора с органами исполнительной власти субъекта РФ предусмотрен сводом инвестиционных правил, а с органами местного самоуправления – бережливым проектом в РИС 3.0. Наличие, по сути, двух регламентов взаимодействия в двух стандартах, по мнению авторов, не ведёт к проактивному поведению властей, а лишь создаёт дополнительные «рамки и условия» взаимодействия.

В-четвертых, относительно качества инвестиционного раздела в документе стратегического планирования муниципального образования можно пред-

положить, что требования МИС могут остаться формальным условием, т. к. на муниципальном уровне в условиях ещё более высокой неопределённости и турбулентности, чем на региональном, крайне сложно сформировать перспективный портфель ключевых инвестиционных проектов на среднесрочную перспективу. В этой ситуации видится ожидание региональных властей от муниципалитетов проактивного поведения без имеющихся на то ресурсов, что может привести к декларированию намерений без реальных полномочий их исполнения.

В-пятых, инвестиционный раздел на сайте органа местного самоуправления может также стать «излишним» элементом муниципального инвестиционного стандарта, так как инвестиционный портал субъекта РФ является обязательным элементом РИС первого поколения, который внедрён, успешно работает и совершенствуется в каждом субъекте РФ. Наличие вкладок по муниципальным образованиям субъекта РФ на инвестиционном портале, выполненных и наполненных информацией единообразно, по нашему мнению, может заменить разделы на сайтах местных администраций и быть более информативным и аттрактивным инструментом.

В процессе внедрения МИС стоит дифференцировать типы муниципальных образований [Тоньшева и др., 2022. С. 2067] и выстраивать траекторию инвестиционного развития с учётом разнообразных факторов [Алтуфьева, 2021; Дупленко и др., 2020].

На этапе унификации элементов МИС и сопряжения действий регионов и муниципалитетов по повышению инвестиционной активности целесообразно обратиться к лучшим практикам регионов в части реализации муниципальных инвестиционных стандартов для поиска оптимальных решений. В исследовании [Медведева и др., 2023. С. 84] авторы провели сравнительный анализ реализации муниципальных инвестиционных стандартов в некоторых субъектах Российской Федерации.

С учётом новаций внедрения муниципального инвестиционного стандар-

та авторы продолжили исследование и анализ практического опыта территорий в этой области.

Опыт внедрения МИС в регионах

Краснодарский край входит в десятку лидеров Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в 2024 г. Все муниципальные образования региона одними из первых внедрились элементы МИС. Полная информация по ним собрана и представлена на инвестиционном портале Краснодарского края во вкладке «Муниципальные инвестпорталы»⁶. В ней содержится перечень муниципалитетов края и ссылки на их инвестиционные порталы. На инвестпорталах муниципалитетов в аттрактивном виде представлены все элементы МИС согласно федеральным требованиям.⁷ Следует отметить, что данный вариант доступа к информационным ресурсам муниципалитетов является, по мнению авторов, наиболее удобным и целесообразным для пользователей, так как позволяет инвестору без лишних усилий и временных затрат найти требуемую информацию.

В Хабаровском крае ведётся систематическая целенаправленная деятельность по реализации муниципального инвестиционного стандарта. Так, на официальном сайте министерства экономического развития края систематизирована информация о результатах реализации МИС в муниципалитетах края⁸. Однако данная информация носит аналитический характер и представлена в формате отчётов министерства. На главной странице сайта инвестиционного портала края имеется вкладка «Муниципальные образования», где находятся ссылки на их официальные сайты.⁹ На самой стра-

нице портала по муниципалитетам представлен минимальный объём информации об инвестиционном уполномоченном, ресурсоснабжающих организациях, а также есть ссылка на инвестиционные паспорта муниципалитетов. Что касается информации об инвестиционной деятельности на официальных сайтах муниципальных образований, то, по мнению авторов, её сложно найти, и она не релевантна для инвестора.

В результате проведённого анализа наполненности интернет-ресурсов муниципалитетов в различных регионах России авторы пришли к выводу, что пока отсутствует единообразный подход ко внедрению МИС. Предстоит целенаправленная и структурированная деятельность органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по сопряжению инвестиционных стандартов и выстраиванию проактивной инвестиционной стратегии территорий.

Заключение

Исследование механизмов зрелости регионального инвестиционного стандарта позволило авторам сделать следующие выводы:

1. Результатом внедрения регионального инвестиционного стандарта 2.0 стало формирование однородной инвестиционной среды, в которой каждый из пяти структурных элементов РИС стал площадкой для взаимодействия с инвестором. Элементы стандарта в совокупности способствовали созданию удобного и эффективного механизма запуска и сопровождения инвестиционных проектов, что коррелирует с императивом срочности в условиях динамичной экономической реальности;

⁶ Инвестиционный портал Краснодарского края. Муниципальные инвестпорталы. URL: https://investkuban.ru/articles/events/investitsionnye-portaly-rayonov-krasnodarskogo-kрая/?sphrase_id=10763 (дата обращения 18.08.2024).

⁷ Об утверждении Методических рекомендаций по организации системной работы по сопровождению инвестиционных проектов муниципальными образованиями с учетом внедрения в субъектах Российской Федерации системы поддержки новых инвестиционных проектов («Региональный инвестиционный стандарт»). Приказ Минэкономразвития России от 26 сентября 2023 г. № 672. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1303334499?section=status> (дата обращения 18.08.2024).

⁸ Официальный сайт министерства экономического развития Хабаровского края. Муниципальный инвестиционный стандарт. URL: <https://minec.khabkrai.ru/Deyatelnost/Investicionnyj-i-delovoj-klimat1669008118/Municipalnyi-investicionnyj-standart> (дата обращения 18.08.2024).

⁹ Инвестиционный портал Хабаровского края. Муниципальные образования. URL: <https://invest.khv.gov.ru/about-region/> (дата обращения 18.08.2024).

2. В рамках мониторинга и подтверждения внедрения регионального инвестиционного стандарта степень внедрения оценена в диапазоне от 80 до 90% в зависимости от региона. Подтверждена применимость условий регионального инвестиционного стандарта для повышения инвестиционной активности за счет опережающего роста интегрального индекса Национального рейтинга ряда регионов;

3. Развитие и доработка механизма РИС обусловлена динамичностью экономической, в том числе инвестиционной среды. Механизмами его зрелости в контуре РИС 3.0 стали: механизм обратной связи с субъектами инвестиционной и предпринимательской деятельности, методы бережливого производства при оптимизации «клиентского пути» инвестора и готовые инвестиционные предложения. При этом для выстраивания вертикали унифицированной инвестиционной среды рекомендован к реализации муниципальный инвестиционный стандарт;

4. Процессы унификации элементов МИС должны опираться на анализ и обобщение лучших практик регионов для поиска оптимальных решений.

В качестве *условий применимости* механизмов зрелости регионального инвестиционного стандарта с целью повышения инвестиционной активности тер-

риторий можно назвать следующие:

унификация подходов к реализации элементов МИС;

сопряжение элементов РИС и МИС с целью создания условий реализации проактивной инвестиционной стратегии муниципалитетов;

обобщение и тиражирование успешных практик территорий по интеграции МИС в систему инвестиционной политики регионов.

Таким образом, в практиках государственного управления результирующим признаком должна выступать степень влияния управляющих воздействий на объект воздействия. Сам по себе факт внедрения регионального инвестиционного стандарта таким результирующим признаком не является, поскольку остается неопределенность в положительной динамике начинаний. К числу таковых признаков по внедрению регионального инвестиционного стандарта должны относиться: динамика и структура инвестиций (рост объема инвестиций); увеличение (с учетом возможного укрупнения) числа инвесторов, рост степени доверия и удовлетворенности бизнеса действиями власти. Вместе с тем такие подходы не становятся встроенными во внедряемые механизмы либо отсутствует методическое обеспечение по их унификации.

Список источников:

1. Алтуфьева, Т. Ю. Инвестиционная активность: инвестиции, преобразующие территории различной стадийной принадлежности // Управленческий учет. 2021. № 12–4. С. 865–871. DOI: 10.25806/uu12-42021865–871.

2. Дупленко, Н. Г., Щепкова, И. В. Разработка инвестиционной стратегии муниципального образования на основе инновационно ориентированного подхода // Вопросы инновационной экономики. 2020. Том 10. № 2. С. 689–698. DOI: 10.18334/vines.10.2.100929.

3. Звонова, Е. А., Пищик, В. Я., Алексеев, П. В. Оптимизация деятельности институтов содействия инвестициям в устойчивый рост российской экономики // Финансы: теория и практика. 2021. № 25(4). С. 110–120. DOI: 10.26794/2587–5671-2021-25-4-110-120

4. Золотарева, Е. Л., Золотарев, А. А. Анализ тенденций инвестиционной активности в регионе // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 7. С. 226–231. EDN: VMBODF

5. Иванов, П. А. Инвестиционная активность территории: понятие и оценка // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. № 3(36). С. 161–164. DOI: 10.26140/anie-2021-1003-0037.

6. Маслюк, Н. А., Медведева, Н. В. Технологии бережливого производства как основа рационализации регионального инвестиционного стандарта // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1(102). С. 59–69. DOI: 10.22394/1818–4049–

2023-102-1-59-69.

7. Медведева, Н. В., Маслюк, Н. А. Новый формат взаимодействия органов публичной власти по реализации регионального инвестиционного стандарта // *Управленческое консультирование*. 2023. № 10(178). С. 80–97. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-10-80-97.

8. Подвербных, О. Е., Лукьянова, А. А., Щербенко, Е. В., Кононова, Е. С., Межова, И. А. Инвестиционная привлекательность российских регионов в условиях трансформации экономики // *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. Том 12. № 4. С. 1435–1452. DOI: 10.18334/epp.12.4.114631.

9. Соколов, А. Б., Филатов, В. И. Новые инструменты инвестиционной поддержки проектов в области технологического суверенитета // *Мир новой экономики*. 2023. № 17(3). С. 91–108. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-3-91-108

10. Сукманов, Э. В., Власова, О. В., Шашин, К. И. Инвестиционная активность как направление экономического развития региона // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2023. Том. 23. № 1 (42). С. 125–128. DOI: 10.57145/27128482_2023_12_01_22.

11. Тоньшева, Л. Л., Кузнецова, Н. Л., Аверина, Е. В. Инвестиционное развитие муниципальных образований региона с учетом их типологии: концептуально-методический аспект // *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. Том 12. № 7. С. 2063–2078. DOI: 10.18334/epp.12.7.114926.

12. Шейхова, М. С., Сафонова, С. Г., Бреусова, Е. А., Орлова, Е. П. Инвестиционная политика: тенденции, особенности и перспективы реализации на современном этапе функционирования экономики России // *Московский экономический журнал*. 2022. № 3. С. 279–291. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_3_146.

References:

1. Altufyeva, T. Yu. (2021) Investment activity: investments transforming territories of different stages of belonging *Upravlencheskiy uchet* [Management accounting], no. 12–4, pp. 865–871 DOI: 10.25806/uu12-42021865-871 (in Russ.).

2. Duplenko, N. G., Shchepkova, I. V. (2020) Development of an investment strategy for a municipality based on an innovation-oriented approach *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Issues of innovation economics], vol. 10, no. 2, pp. 689–698 DOI: 10.18334/vinec.10.2.100929 (in Russ.).

3. Zvonova, E. A., Pishchik, V. Ya., Alekseev, P. V. (2021) Optimization of the activities of institutions promoting investments in sustainable growth of the Russian economy *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], no. 25(4), pp. 110–120 DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-110-120 (in Russ.).

4. Zolotareva, E. L., Zolotarev, A. A. (2022) Analysis of investment activity trends in the region *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy], no. 7, pp. 226–231 EDN: BMBODF (in Russ.).

5. Ivanov, P. A. (2021) Investment activity of the territory: concept and assessment *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Azimuth of scientific research: economics and management], no. 3(36), pp. 161–164 (in Russ.). DOI: 10.26140/anie-2021-1003-0037 (in Russ.).

6. Maslyuk, N. A., Medvedeva, N. V. (2023) Lean manufacturing technologies as a basis for rationalizing the regional investment standard *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia], no. 1 (102), pp. 59–69 DOI: 10.22394/1818-4049-2023-102-1-59-69 (in Russ.).

7. Medvedeva, N. V., Maslyuk, N. A. (2023) New format of interaction between public authorities on the implementation of the regional investment standard *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye* [Management Consulting], no. 10 (178), pp. 80–97. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-10-80-97 (in Russ.).

8. Podverbnykh, O. E., Lukyanova, A. A., Shcherbenko, E. V., Kononova, E. S., Mezho-va, I. A. (2022) Investment attractiveness of Russian regions in the context of economic

transformation *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economy, entrepreneurship and law], vol. 12, no. 4, pp. 1435–1452 DOI: 10.18334/epp.12.4.114631 (in Russ.).

9. Sokolov, A. B., Filatov, V. I. (2023) New instruments of investment support for projects in the field of technological sovereignty *Mir novoy ekonomiki* [The World of the New Economy], no. 17(3), pp. 91–108 DOI: 10.26794/2220–6469–2023-17-3-91-108 (in Russ.).

10. Sukmanov, E. V., Vlasova, O. V., Shashin, K. I. (2023) Investment activity as a direction of regional economic development *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Azimuth of scientific research: economics and management], vol. 23, no. 1 (42), pp. 125–128 DOI: 10.57145/27128482_2023_12_01_22 (in Russ.).

11. Tonyshcheva, L. L., Kuznetsova, N. L., Averina, E. V. (2022) Investment development of municipalities of the region taking into account their typology: conceptual and methodological aspect *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economy, entrepreneurship and law], vol. 12, no. 7, pp. 2063–2078 DOI: 10.18334/epp.12.7.114926 (in Russ.).

12. Sheikhova, M. S., Safonova, S. G., Breusova, E. A., Orlova, E. P. (2022) Investment Policy: Trends, Features, and Prospects for Implementation at the Current Stage of the Russian Economy // *Moscow Economic Journal*, no. 3, pp. 279–291 DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_3_146 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 04.09.2024.

The article was submitted 19.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 04.09.2024.

Информация об авторах

Н. В. Медведева – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления – филиал;

Н. А. Маслюк – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. V. Medvedeva – Candidate of Economics, Associate Professor, the public and municipal administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPA;

N. A. Maslyuk – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of management and public administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья

УДК 334.024

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-99-111

Типология власти Макса Вебера в контексте проектного управления

Данил Валерьевич Башмаков

МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия

dv.bashmakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8663-4757>

Аннотация. *Статья посвящена отношениям власти, складывающимся в условиях проектной формы организации деятельности. Основная цель работы – анализ влияния характеристик проекта на необходимость в определенном типе власти для эффективного управления командой. В статье использована типология власти Макса Вебера, дано сравнительное описание каждого типа власти относительно приемлемых условий их проявления. Потребность в традиционном типе власти возникает в обстоятельствах строгого соответствия институциональному контексту проекта и при влиятельных заинтересованных сторонах. Средством выражения традиционного типа власти в проекте является контекстуальная компетентность в том содержании, в каком ее определяют стандарты IPMA. Харизматический тип власти становится актуальным в проектах с высокой неопределенностью, требующих творческих, уникальных решений. Руководитель этого типа обеспечивает сплоченность команды в уверенном стремлении к успеху проекта. Наконец, бюрократический тип власти востребован в типовых проектах с открытым регламентированным взаимодействием членов команды. И этот тип власти выражен посредством применения профессиональных стандартов и корпоративных методик проектного управления, что наиболее заметно у исполнителей с высокой организационной зрелостью. В заключительной части статьи типология власти Вебера представлена в виде семантического дифференциала по характеристикам проекта. В результате работы сделан вывод о возможном сочетании в проекте всех трех типов власти по Веберу в виде триады управленческих ролей «куратор проекта – руководитель проекта – руководитель проектного офиса (или функциональный руководитель)».*

Ключевые слова: *легитимность, работа в команде, заинтересованные стороны проекта, ответственность в проекте, ограничения проекта, рационализация проектного управления*

Для цитирования: Башмаков Д. В. Типология власти Макса Вебера в контексте проектного управления // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 99–111. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-99-111>

Original article

Max Weber's typology of authority in the context of project management

Danil V. Bashmakov

MIREA — Russian technological university, Moscow, Russia

dv.bashmakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8663-4757>

Abstract. *The article is devoted to the relations of power that develop in the conditions of the project form of organization of activities. The main purpose of the article is to analyze the impact of project characteristics on the need for a certain type of authority to effectively manage a team. The article uses Max Weber's typology of authority, and provides a comparative description of each type of authority in relation to the existing conditions in the project. The need for a traditional type of authority arises in circumstances of strict compliance with the institutional context of the project and with powerful stakeholders. The means of expressing the traditional type of authority in the project is contextual competence in the content as defined by the IPMA standards. The charismatic type of authority is relevant in projects with high uncertainty, requiring creative, unique solutions. This type of authority ensures team cohesion in the confident pursuit of project success. Finally, the bureaucratic type of authority is relevant in standard projects with open regulated interaction of team members. And this type of authority is expressed through the application of professional standards and corporate project management techniques, which is most noticeable in companies with high organizational maturity. The final part of the article presents a semantic differential of types of authority according to the characteristics of the project. As a result of the work, a conclusion was made about the possible combination of all three types of authority in a project in the form of a triad of managerial roles «project sponsor - project manager - head of the project office (or functional manager)».*

Keywords: *legitimacy, teamwork, project stakeholders, responsibility in the project, project constraints, rationalization in project management*

For citation: Bashmakov D. V. (2024) Max Weber's typology of authority in the context of project management *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 99–111. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-99-111>

Введение

Актуальность задач непрерывного и устойчивого развития для современных организаций определяет в качестве их особенности все большее число проектных решений в структуре их деятельности. Реализация же проектов предполагает применение командного подхода к работе, существенным принципом которого является интенсивность межсубъектного взаимодействия ради всеобщего успеха. Но успех не есть результат лишь усилий команды, он также обусловлен контекстом проекта и тем, как команда его воспринимает. Отношения власти – часть этого контекста, но в то же время и следствие преднамеренных действий членов команды.

Власть – ключевой фактор конфигурации взаимоотношений, определяющий их направленность к разным центрам интересов. Власть различна по своей природе, в основе ее движущих сил разные аспекты жизнедеятельности людей: положение в структуре социальных отношений, знания и способности, наличие жизненно необходимых ресурсов,

эмпатия и т. д. Вследствие такого многообразия явлений власти неудивительно, что она издавна, с ветхозаветных времен, является одной из центральных тем в описании отношений между людьми.

Макс Вебер стал одним из ученых, который посвятил свою исследовательскую деятельность изучению природы человеческой власти во всем богатстве ее исторических примеров. Обратив свой взгляд на обратную сторону власти, а именно на причины подчинения людей влиянию других, им была предложена типология, не утратившая своей актуальности за сто лет, и даже напротив, вызывающая немалый научный интерес в условиях формирования многополярного мира. В этой работе предпринимается попытка применения типологии власти Вебера в анализе отношений проектной организации и рассмотрение проявления каждого типа власти в условиях деятельности проектной команды.

Особенности проектной команды

Проектная команда представляет собой особый тип ситуаций для реализации управленческих отношений. Так как она

является объединением людей в рамках совместного решения какой-либо временной задачи, в ней проявляется специфический набор условий, предопределяющий типовые характеристики власти для участников проекта, в его составе:

- важность и ценность получения результата для всех и необходимость скоординированных усилий в его достижении;
- новизна результата и масштабность изменений в окружающей действительности участников проекта;
- временный характер существования проектной команды;
- неопределенность исхода проекта и необходимость веры всех участников в успех его реализации;
- уникальность решаемой задачи и потребность в творческом потенциале команды;
- экстраординарность условий инициации проекта;
- опыт участников в проектной деятельности и степень его формализации;
- локальность проекта в конкретных институциональных условиях, его ограниченность в пространственно-временном континууме;
- необходимость соответствия результатов требованиям широкого круга заинтересованных сторон с разной степенью их влияния;
- солидарная ответственность команды за результат (отношения круговой поруки);
- коллегиальность решений;
- межфункциональный характер участия в проекте;
- проблема вовлеченности членов команды в условиях их неполной занятости;
- возможность мотивации участников посредством распределения выгод от достижения общего результата проекта;
- востребованность сертифицированных специалистов вследствие развития профессиональных сообществ.

Относительно этих выше выделенных особенностей функционирования проектной команды проанализируем проявление в них разных типов власти. Типология власти Макса Вебера имеет фундаментальное значение при рассмотрении вопроса о классификации управленче-

ских отношений. Согласно его точке зрения, в основе различия отношений власти лежит принцип легитимности, т.е. причины, по которым люди принимают и следуют воле другого человека. На этом основании Вебер различает традиционную, харизматическую и рациональную власть [Вебер, 2019. С.29]. Действие этих типов власти рассмотрим в контексте реализации проекта.

Традиционная власть

Данный тип власти означает личный авторитет человека, основанный на святости традиции, т. е. с позиций легитимности подчинение происходит в силу привычного образа жизни; подчинение продолжается, потому что оно было ранее, было уже много времени и нет мотивов что-либо менять в виду приемлемости текущего положения дел для всех участников.

В этом случае следует различать масштаб привычного: с одной стороны, речь может идти о привычных отношениях субординации коллег на протяжении 3-5 лет, но с другой – о святой преемственности поколениями норм поведения, о культуре власти, например, об уважении к старшим или личном пиетете к наставнику, нормах чести, репутации и т.д. Вебер отмечал зависимость личного пиетета перед традиционной властью от почитания норм традиций, влияние которых он называл «властью предания» [Вебер, 2019. С. 75], а в пример приводил ограниченность действий светских правителей страхом перед религиозными авторитетами, стоящих на страже традиций [Вебер, 2019. С. 78]. Применительно к проектной команде рассматривать поведение ее участников в первом аспекте нет смысла, поскольку проект по определению своему предприятие временного характера, а значит любая привычная субординация отменяется его завершением и может быть свойственна лишь только самой организации, которая привычным для себя образом формирует отношения в системе проектного управления. Однако во втором аспекте изучение традиционной власти должно быть обращено на проектную команду.

Проект всегда локализован в про-

странстве и времени и в силу этих ограничений изоморфен той институциональной среде, в которой реализуется. Проект заключен в рамках конкретных национальных культур и ценностей своей эпохи. Инициация проекта оказывается затруднительной, если в своем содержании он противоречит правовым условиям и традициям населения тех стран, в которых ожидаемо проявятся эффекты его реализации, также и действия участников проекта оказываются малоэффективными, если ими не установлены общепринятые нормы хозяйственной практики. Наглядными примерами этому могут быть те международные проекты, что не были реализованы по причине отсутствия институциональных условий, способных обеспечить атмосферу доверия для всех участников. В частности, можно отметить проект строительства железной дороги Каир – Кейптаун, инициатором которого был английский колониалист Южной Африки и основатель алмазодобывающей компании «De Beers» Сесил Джон Родс. Целью его проекта было соединение британских владений на разных концах африканского континента непрерывной железнодорожной и телеграфной магистралью. Однако завершению проекта в XIX веке препятствовали наличие на маршруте немецких колоний, с метрополией которых правительство Британии было в конфронтации, а также политическая нестабильность в Южной Африке, вызванная как активностью буров, так и недовольством местного населения [Царев, 2010].

Еще один пример, интерес к которому растет в последнее время – это проект строительства канала Иранруд, соединяющего Каспийское море и Индийский океан. Помимо того, что этот мегапроект технически сложный из-за горного ландшафта и протяженности канала, серьезными барьерами для его реализации являются введенные против него в 1997 г. санкции США и угрозы финансовых и иных экономических мер наказания для всех его возможных участников, а также несогласие ряда правительств прикаспийских стран, которые, несмотря на явные для них выгоды, будучи чле-

нами тюркских международных организаций, могут выступить в защиту интересов Турции, стремящейся сохранить преимущества своих проливов Босфор и Дарданеллы [Иванов, 2020]. Так, в силу грандиозности своего замысла этот проект оказывается слишком сложным по структуре национально-политических интересов его возможных участников.

Неслучайно традиционная власть рассматривается в контексте таких гигантских проектов, поскольку их инициация связана с выражением национально-культурных смыслов существования тех или иных стран, с экзистенциальными вопросами их дальнейшего развития, а потому и с решениями, принимаемыми на самых высоких уровнях руководства этих стран с учетом политической конъюнктуры. Наличие гарантированного дохода и надежность привлекаемых бенефициаров, как правило, позволяет запустить привычные механизмы распределения выгод между ними инициатором проекта, не беспокоясь о рационализации институциональных условий их взаимодействия. Иными словами, традиционная власть в управлении проектами проявляется в том, что участники крупных проектов получают соответствующие полномочия в силу оказываемого им доверия со стороны национальных правителей, но при условии, что последние являются выразителями национальных интересов. Например, китайское правительство иницируя проекты в других странах, в дальнейшем выполняет их силами госкомпаний, используя специфическую модель финансирования, характерной чертой которой является непрозрачность условий сделок [Гемуева, 2018]. Такой подход к реализации проектов позволяет китайским компаниям работать в странах с нестабильным или сложным внутриполитическим положением, а также со странами, правительства которых по критериям ОЭСР являются неэффективными или коррумпированными, т. е. получать преимущество в мировой экономике там, где вопросы распределения выгод от участия в проекте ничтожно значимы по сравнению с общим эффектом от реализации самого проекта. Так,

в странах Африки в условиях завышенных ожиданий местного населения от реализации крупных транспортных, энергетических и телекоммуникационных проектов организационные отношения в них приобретают черты патриархального правления – когда действия руководителя страны выражают исключительную заботу о всеобщем благе.

Проводником традиционной власти среди непосредственных участников проекта является его куратор, он становится выразителем политических интересов руководства страны (либо местных администраций или каких-либо сообществ в зависимости от масштаба и содержания проекта) в решении проблем, требующих соответствующего уровня эскалации. В отсутствие куратора его роль выполняет наряду с другими обязанностями руководитель проекта. В смысле характеристики проявления чистого типа традиционной власти куратор выступает в роли доверенного лица заказчика или иных ключевых заинтересованных сторон проекта, который ожидает получения успешного результата от действий команды, относясь к ней как к коллективу с солидарной ответственностью.

Помимо того, что в основе влияния куратора лежит оказанное ему инициаторами/заказчиками доверие, для него также ожидаема контекстуальная компетентность в соответствии с терминологией IPMA, согласно которой она есть совокупность методов, инструментов и техник, позволяющих взаимодействовать с окружением проекта, а также способность понимать, почему люди участвуют в проектах [Яценко, 2018]. Одна составляющая данной компетентности выражена в работе с такими формальными средствами, как стратегические документы с обоснованием проектов, административные структуры и процедуры, в которых возникают и реализуются проекты, действующие законы, правила и стандарты, определяющие требования к проектам. Другая составляющая компетентности характеризует способности, которые как раз и позволяют кураторам завоевывать доверие в социальном окружении проекта, выстраивая эффектив-

ные неформальные взаимоотношения на основе понимания личных целей, нравов, обычаев, убеждений и норм хозяйственной практики.

Решения по проекту, вырабатываемые в рамках традиционной власти, обусловлены отношениями с заинтересованными сторонами, которые развиваются куратором или руководителем из понимания степени их власти, интереса и правомочности. При этом чем меньше заинтересованных сторон и более явно выражена градация их влияния на проект, тем чище тип традиционной власти, т. е. тем более явно будут проступать черты личного пиетета, свойственные патримониальности и патриархальности. И наоборот, чем больше заинтересованных сторон и разнообразнее их влияние, тем в большей степени требуются методы и техники рационализации отношений – от переговорных методик и контрактов до таких инструментов, как круг стейкхолдеров, карта заинтересованных сторон, матрица их вовлеченности и т. д. [Ципес, Шадаева, 2015].

Харизматическая власть

Этот тип власти основан на вере в сверхъестественные способности человека, т.е. такие способности, которые у остальных людей ближайшего окружения естественным образом не возникают. Следовательно, люди подчиняются такому человеку, потому что никто кроме него не способен решать определенные задачи. И чем более стабильно субъект харизматической власти проявляет свои сверхъестественные способности в успешном деле, тем сильнее вера подчиненных и неоспорим его авторитет [Вебер, 2019. С. 179].

Применительно к проекту такая конфигурация власти в большей степени подходит его руководителю, лидеру команды и ее окружения, который способен убедить всех в необходимости получения результата и поддерживать их веру в то, что этот результат будет достигнут, обеспечивая прогресс его исполнения.

Вообще сам факт того, что проект ограничен во временной перспективе и его участники вовлечены в конкретную деятельность лишь на определенный срок, предполагает отсутствие какой-

либо преемственности власти, а значит проект в принципе невозможен, пока кто-то не проявит харизму в его инициации. При этом важно заметить, что чем дольше по времени проект, тем выше ответственность руководителя перед его участниками, поскольку их ожидания становятся все более экзистенциальными, а вот их интерес к проекту под влиянием чередующихся обстоятельств может измениться. По мере такого возрастания ответственности харизматичность руководителя должна быть все более интенсивна, чтобы препятствовать снижению актуальности проекта.

Нужда в харизме руководителя проекта проявляется еще более остро в тех проектах, где деятельность направлена на уникальный результат, в достижении которого ранее не было сформировано опыта, что типично, например, для стартап-проектов. В этой ситуации члены команды вынуждены разрабатывать и следовать принципиально новой технологии в проекте, а поскольку исход такой практики заранее неизвестен, они нуждаются в укреплении своей веры в успех дела. В этом отношении очень точным был ответ создателя бренда «Qiwí» и венчурного фонда «Run Capital» Андрея Романенко на вопрос, что является главным для него при принятии решения инвестировать в тот или иной проект: «Главное всегда – фаундер и команда. Если не чувствую в них уверенности, то инвестировать не буду не при каких условиях»¹. Следовательно, значимость проявления харизматической власти в проекте растет по мере увеличения рисков, связанных с новизной его содержания.

Харизматическая власть в любой сфере деятельности носит революционный характер в том смысле, что она ориентирована на преобразование повседневности и существующих практик. «Сверхъестественность» лидера является не только элементом новизны в восприятии окружающих, но зачастую сама подпитывается новыми идеями, взрывающими пла-

сты привычной им действительности. Наглядным примером этому может служить Великий соляной марш Ганди. Этот социальный проект разворачивается на фоне ставшего обиденным за полтора столетия господства Британии в Индии. Новая же идея Махатмы Ганди заключалась в освобождении от этого господства, но не путем вооруженной борьбы, а ненасильственной практикой сопротивления. Сатьяграха с санскрита означает «стояние, упорство в истине». Поскольку истина открыта каждому, обращение к совести является более эффективным средством, чем угрозы и насилие. Эта идея порождает технику новой повседневности – гражданское неповиновение, а именно осознанное нарушение законов, противоречащих морали, и последующее смиренное претерпевание наказания [Таран, 2009]. Проект соляной сатьяграхи был направлен против британской монополии на добычу и производство соли, установленной в 1882 г. Нарушение соляного закона было уголовным преступлением, в том числе и для жителей побережья, которые столетиями бесплатно добывали соль выпариванием морской воды. 12 марта 1930 г. Ганди организует почти месячный поход к морю для публичной демонстративной добычи соли из Аравийского моря без уплаты налога колониальным властям. Поход объединил около 100 тыс. человек и параллельно воспроизведен другими лидерами в других местах страны, все эти походы сопровождалось массовыми арестами, а некоторые закончились расстрелом демонстрантов. Тем не менее социальный проект достиг своей цели и на следующий год соляной закон был отменен.

Нередко сама действительность готовит почву для харизмы руководителя и его проекта. Острые проблемы, нависшие угрозы, кризисные ситуации – все это благоприятные условия для того, чтобы предложить новые идеи, а также возможность продемонстрировать свои способности на фоне всеобщей усталости и отчаяния. Проекты часто иницируются

¹ Самые харизматичные венчурные инвесторы: увлечения, инвестиции, отношение к жизни // RB.RU — интернет-издание о технологиях и бизнесе. 16 декабря 2015. URL: <https://rb.ru/article/samye-harizmatichnye-venchurnye-investory-uvlecheniya-investitsii-otnoshenie-k-jizni/> (дата обращения: 25.06.2024).

в таких экстраординарных обстоятельствах, когда восприимчивость к новым мыслям и предложениям повышена. Например, когда Алан Маллали возглавил компанию «Ford», она находилась в глубоком кризисе, потеряв за предыдущие 15 лет 25 % своей рыночной доли и достигнув крупнейшего в ее истории годового убытка в \$12,7 млрд [Джордж, 2019. С. 306]. И вот как Д. Прабху и Н. Раджу описывают его приход в своей книге «Бережливые инновации. Технологии умных затрат»: «Маллали буквально перетряхнул весь бизнес компании – свернул производство малопопулярных устаревших марок, закрыл дублирующие друг друга программы проектирования новых, объединил компанию под лозунгом плана «ОДИН Ford» и, в конечном итоге, заставил проектировщиков быстро довести до ума пусть и не столь многочисленные, но самые многообещающие продукты. За счет этого компания Ford не просто выжила, но и вернулась к процветанию – и экономический кризис 2008 года преодолела благополучно, в отличие от обанкротившихся конкурентов General Motors и Chrysler» [Прабху, Раджу, 2018. С.192]. Алан Маллали в данном случае типичный пример того ряда харизматичных руководителей, которые спасают свои компании от неудач запуском антикризисных проектов, программ, разрушая в них стагнирующий порядок. Сверхспособность харизматичного руководителя здесь проявляется наиболее явным образом, поскольку ключевые и содержащие в себе максимальный риск решения требуют непомерной ответственности, т. е. осознанной готовности признать за собой вину за последствия такого проекта, на что мало кто согласится.

Все предыдущие условия проявления харизматической власти указывают и на то, что она актуальна в проектах, эффективность которых характеризуется возможностью получения большего дохода. Руководитель проекта подобно магу, доказывающему свою способность оправдывать чаяния верующих в него, должен продемонстрировать на собственном примере, что его действия всегда обеспечивают участникам проекта получение более вы-

сокого дохода. Таким образом, харизма руководителя оказывается особенно востребованной в проектах, реализуемых на условиях контрактов с фиксированной ценой, с включением в них бонусных вознаграждений для команды (Fixed Price Incentive Fee (FPIF), Fixed Price Award Fee (FPAF)) [Ahsan, Matsukawa, 2012]. Однако, чем более предсказуема возможность получения бонусов при наличии четкой схемы их начисления и механизма распределения среди участников, тем меньше требуется от руководителя усилий, связанных с его харизмой (убеждения, веры, доказательств). Поскольку ответственность в таком случае перераспределяется от руководителя к остальным членам команды проекта, она становится все более персональной для них.

Бюрократическая власть

Источник данной власти – рациональные правила, которые в своем содержании осмыслены до уровня общей приемлемости. Система установленных рациональных правил образует порядок, в котором люди уже подчиняются не какому-то одному человеку, субъекту власти, но этим правилам как общеобязательным нормам.

В отношении проектов данный тип власти проявляется в той совокупности положений и регламентов, которые определены и документально оформлены организациями их иницирующими и исполняющими. Руководитель проекта, члены команды и другие участники проекта действуют в пределах предписанных им служебных ролей. По сути они являются носителями обезличенных функций, выполнять которые вправе любой человек, но при условии надлежащего качества подготовки. Чем более подробно определены эти роли, установлены нормы взаимодействия и регламентированы процессы, тем выше мера рационализации проектного управления, определяющая возможности повышения организационной зрелости соответствующей системы организации, исполняющей проект. Руководитель проекта бюрократического типа в системе проектного управления является одним из ее элементов со своим «инструментальным» назначением

и, чтобы соответствовать тенденциям роста организационной зрелости в ней, должен постоянно совершенствовать свой инструментарий и актуализировать компетентность в соответствии с используемыми в его организации стандартами, методиками и регламентами.

Однако важно заметить, что рационализация уместна в отношении не всех проектов даже в пределах одной организации. Единичные и редкие проекты, реализация которых направлена на получение уникального для этой организации результата, не нуждаются в подробном наборе средств их рационализации – затраты на разработку для них специфических стандартов, методик и регламентов окажутся напрасными и не обеспечат должного эффекта из-за невостребованности созданных активов в будущем [Богданов, 2012. С. 30]. В таких разовых проектах преобладает творчество команды и харизма ее руководителя. Напротив, в часто повторяющихся проектах, ставших для организации типовыми, именно качество рационализации и организационная зрелость являются ключевыми факторами их эффективного управления.

Для понимания качества рационализации проект следует рассматривать как обобществленное действие, которое сформировано с учетом требований и ожиданий всех заинтересованных в нем лиц. Это качество возрастает от проекта к проекту через накопленный опыт переговоров между участниками, заключения ими соглашений и их дальнейшего пересмотра, неприятных прецедентов в виде забастовок и протестных митингов, выражения критического мнения группами людей в СМИ и социальных сетях и т. д. В результате перечисленных действий вырабатываются более устойчивые нормы взаимоотношений при реализации проектов, которые приобретают общепринятый характер и вследствие этого становятся тем порядком, что имеет силу регулирующего воздействия на конкретные социальные явления. Эти нормы отражаются не только в контрактах и иной документации проекта, но, что особенно важно, в методиках и стандартах как корпоративного, так и национального и

международного уровня.

Руководитель бюрократического типа принимает ответственность за реализацию общепринятых норм участия в проекте и распределяет задачи, связанные с их исполнением, на членов команды, типизация ролей которых все больше освобождает их от круговой поруки, вмняя им обязанности, требующие личной ответственности. Однако с учетом масштаба проекта размеры этой ответственности могут быть значительными. Это прежде всего обусловлено уникальностью роли каждого члена команды, поскольку проект требует решения комплексных задач на основе межпредметной специализации знаний. Это последнее обстоятельство вновь вызывает тенденцию социальной структуры проекта к круговой поруке, а рационализацию направляет к способам ее осуществления в виде различных форм проведения совещательных мероприятий (скрам-митинг, демо, ретроспектива и т. д.) и введению таких техник, как покер планирования, доски канбан и др. В итоге, в своем чистом типе бюрократическая власть в проекте всегда оказывается сдавленной с одной стороны взаимовязкой членов команды в достижении успеха, с другой – мерой ответственности и неприкосновенной областью полномочий, необходимой для реализации сотрудником своего таланта в специальной сфере компетенций.

При формировании команды на рациональных основаниях возникает та же задача «обобществления» обособленных интересов кандидатов, в том числе связанных с межличностными отношениями, комфортной творческой средой для работы и профессионального и карьерного роста. Но эта задача актуальна при рассмотрении в разрезе технологии исполнения продукта проекта, при чем более актуальна, если продукт уникален. В противном случае (т.е. при наличии отраслевых стандартов к исполнению продуктов), а также в разрезе технологии управления проектом, действующей нормой является отбор членов команды в соответствии с той или иной системой сертификации по какому-либо международному или национальному стандарту.

Применительно к управлению проектами такие стандарты содержат лучшие общепринятые практики по взаимодействию в проекте, учитывающие накопленный опыт в решении требований всех заинтересованных сторон.

В профессиональном сообществе по управлению проектами сертификация соответствующих руководителей и специалистов широко распространена на основе «Свода знаний по управлению проектами» (PMBoK) Института управления проектами, «Требований к компетентности» (ICB) Международной ассоциации по управлению проектами, а также национальных требований, разрабатываемых национальными ассоциациями - участниками IPMA (в России – COBHET), стандарта «Проекты в контролируемом окружении» (PRINCE 2) Офиса государственной торговли Соединенного Королевства, «Руководства по управлению проектами и программами для внедрения инноваций на предприятиях» (P2M) Ассоциации по управлению проектами Японии [Судоргин, 2024].

Все перечисленные стандарты предписывают поведение руководителя и участников в проекте и необходимый им состав компетенций для его успешного завершения. В ходе сертификации организации, представляющие профессиональное сообщество, проверяют степень соответствия имеющихся у кандидата знаний, навыков, умений, опыта заявленным в стандарте компетенциям, по сути определяя его право на должность в тех случаях, где сертификат является обязательным условием трудоустройства.

Организационная зрелость – второй фактор эффективного управления в аспекте применения бюрократической власти. Организационная зрелость означает наличие такого ресурсного потенциала и компетенций организации, которые обеспечивают ее способность достигать стабильного успеха в реализации множества иницилируемых и исполняемых ею проектов [Руденко, Субботина, 2019]. Как правило, организационная зрелость предполагает наличие в системе управления организации подсистемы проектного управления, включая соответствующую

организационные подразделения и должности руководителей проектов на постоянной основе. Это обстоятельство исключает такую особенность проекта, как отсутствие преемственности власти руководителя. В случае развитой системы проектного управления руководитель проекта – постоянная должность, субъект которой с определенной периодичностью возглавляет сменяющие друг друга проекты. Его действия определены помимо регламентов и положений еще и должностными инструкциями, а также зачастую квалификационным требованием в виде актуальных профессиональных сертификатов. Помимо руководителя проекта есть и другие административные должности, например, куратор проекта, руководитель программы, руководитель проектного офиса и т. д., обладающие бюрократической властью в проекте в тех решениях, которые требуют в соответствии с их обязанностями согласования и/или утверждения. Источник их влияния – формальные полномочия их должностей, обусловленные в свою очередь тем порядком, который организация формирует в результате повышения своей зрелости в управлении проектами. Преимуществом такого формального воздействия является предсказуемость поведения членов команды и других участников проекта, а также возможность устранения рисков разногласий через процедуру эскалации проблем, добиваясь формирования общего мнения о реализации проекта. Недостатком же принято считать возможное увеличение сроков проекта, вызванное необходимостью времени на согласование, а главное, в случае отсутствия последнего, – времени на изменения проектных решений.

Заключение

Основной вывод, который можно сделать – это то, что в контексте проекта типы власти необязательно являются взаимоисключающими, они могут сосуществовать в одном проекте.

Однако справедливым будет и вывод о том, что при наличии конкретных признаков проекта требуется определенный тип влияния в нем. Для демонстрации этого вывода в таблице 1 представлен

Таблица 1

**Типология власти Вебера в виде семантического дифференциала
по характеристикам проекта относительно предметных
областей управления им.**

Предметная область знаний проектного управления	Характеристика проекта	Оценка приемлемости типа власти (Т – традиционный, Х – харизматический, Б – бюрократический)			Характеристика проекта
		-	0	+	
Управление интеграцией	Соответствие институциональному контексту	Т, Б		Х	Противоречие институциональному контексту
Управление содержанием	Типовые решения, стандартная практика	Б	Т	Х	Творческие решения
Управление сроками	Долгосрочный проект	Х		Т, Б	Краткосрочный проект
Управление стоимостью	Стремление к увеличению прибыли	Х		Б, Т	Гарантированный доход в проекте
Управление качеством	Ориентация на качество результата и стабилизацию требований	Б		Х, Т	Гибкое управление проектом
Управление командной	Профессионализм всех членов команды	Б	Т	Х	Сильный лидер в команде
Управление коммуникациями	Регламентированное взаимодействие	Б		Т, Х	Неформальное личное общение
Управление рисками	Высокая неопределенность в проекте	Х, Т		Б	Низкая неопределенность проекта
Управление контрактами	Непрозрачность операций	Т	Х	Б	Информационная открытость
Управление заинтересованными сторонами	Влиятельность небольшого числа лиц	Т	Х	Б	Ситуация коммуникативной сложности с большим числом участников

Источник: составлено автором

семантический дифференциал по существенным характеристикам проекта относительно предметных областей знаний проектного управления.

Сочетание вышеуказанных признаков проекта предполагает разные типы власти в нем, проявления которых можно найти в триаде «куратор проекта – руководитель проекта – функциональный руководитель (или руководитель проектного офиса)». Через эту триаду все три типа власти – и традиционная, и харизматическая, и бюрократическая, – могут сосуществовать в одном проекте.

Но эта триада власти сильно отличается от одного проекта к другому: где-то вовсе нет куратора и его функции исполняет руководитель проекта, где-то полно-

мочия функциональных руководителей ничтожны, не во всех организациях создан проектный офис и т. д. Разные проекты требуют разных подходов к управлению ими, следовательно, требуются руководители с разными качествами, с разной предрасположенностью к одному из типов власти. Некорректно требовать от руководителей разных проектов одинакового набора компетенций.

Еще один вывод в этой работе связан именно с предрасположенностью людей к реализации определенного типа власти и развитием в рамках этого типа набора компетенций. Здесь важно отметить, что типы власти Вебера – это продукты культуры, а не просто следствия особенностей психологии или образования.

Типы власти культивируются, и культивируются по-разному в разных обществах. Общим трендом современности является признание инноваций в качестве самодостаточной ценности, необходимым условием развития мира и существования человечества, а вместе с этим формируется и культ харизматичного лидера [Салогуб, 2022. С. 133]. В странах западной цивилизации приветствуется любая позиция субъекта, разрушающего своими действиями стереотипы воззрений и нормы общественной практики. Напротив, в странах глобального юга, прежде всего Азии [Санаи, 2024] и Африки [Харитоновна, 2024], культивируется преемственность традиций. Здесь поощряется поведение, которому свойственны отношения личного пиетета, патриархальная забота, любовь к привычному образу жизни, в котором как в зеркале отражается смена поколений, когда отец в жизни сына видит ту же обрядовость, что имела место и в его детстве, а вера людей в предание, на основе которого

и существует эта обрядовость. В этих странах возникает культ традиционной власти, поддерживающей стабильность отношений, и потому с опаской воспринимаящей многие проекты. Тем не менее сочетание общемирового тренда на харизматичное поведение и защиты традиционных ценностей концентрирует в странах глобального юга творческое напряжение, которое стимулирует их рост по двум фарватерам: 1) харизматичный руководитель традиционного типа власти, способный сформировать общий вектор прогресса, как условие сохранения традиционных ценностей; 2) рационализация как синкретизм власти, устанавливающая лоскутный порядок, в котором с позиций традиционных ценностей проходят легализацию новые нормы поведения. В конечном итоге то, по какому фарватеру та или иная страна движется к своему будущему, будет определять особенности реализации проектов, с помощью которых это движение только и возможно.

Список источников:

1. Богданов, В. В. Управление проектами. Корпоративная система – шаг за шагом М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 248 с.
2. Вебер, Макс. Хозяйство и общество: очерк понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. Т. IV. Господство. 542 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1516-7>
3. Гемуева, К. А. Китайские инфраструктурные проекты в странах Африки южнее Сахары: кредитное финансирование // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 55–73. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-55-73>.
4. Джордж, Б. Внутренний компас лидера: как стать сильным руководителем. М.: Альпина Паблишер, 2019. 368 с.
5. Иванов, А. В. Оценка социальных и экономических конкурентных преимуществ как инструмента обеспечения экологической безопасности Волжского бассейна // На страже экономики. 2020. №2(13). С. 183–189. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2020-2-183-189>
6. Прабху, Д., Раджу, Н. Бережливые инновации. Технологии умных затрат. М: Издательство «Олимп-Бизнес», 2018. 416 с.
7. Руденко, М. Н., Субботина Ю. Д. Оценка зрелости проектного управления организации // Управленческое консультирование. 2019. № С. 50–55. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-7-50-55>
8. Салогуб, А. М. Креативность и кризис – новые ресурсы коммерческой организации в условиях цифровой трансформации // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 126–137. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-126-137>.
9. Санаи, М. Грядущий мировой порядок: необходимость культурного мультилатерализма // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире: XXI Междуна-

родные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2024. С. 123–127.

10. Судоргин, М. В. Международные стандарты в области управления проектами // Материалы Афанасьевских чтений. 2024. №1(48). С. 77–84.

11. Таран, П. Е. Политика ненасилия в контексте философии права // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2009. Том 22 (61). № 2. С. 89–96.

12. Харитоновна, Е. В. Традиционные африканские ценности и этика в зеркале деловых коммуникаций, или почему в Африке не приживается западная модель капитализма // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире: XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2024. С. 246–248.

13. Царев, А. С. Англо-бурская война и позиция Германии // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2010. № 1(26). С. 54–60.

14. Ципес, Г. А., Шадаева, Н. М. Управление отношениями с заинтересованными сторонами проекта: от простого к сложному (часть 1) // Управление проектами и программами. 2015. № 2. С. 138–156.

15. Яценко В. В. Компетентность проектного менеджера как ключевая компетенция организации // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2018. № 1. С. 142–149.

16. Ahsan, K., Matsukawa, H. Project Price Modeling by Optimal Fixed Price Incentive Contract // *Innovation and Supply Chain Management*, vol. 6, no. 4, pp. 165–171, December 2012.

References:

1. Bogdanov, V. V. (2012) Project management. Corporate system – step by step. M.: Mann, Ivanov i Ferber. 248 p. (in Russ.).

2. Weber, M. (2019) Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology: in 4 vol. / Translated from German; compiled by L. G. Ionina. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, vol. IV. Gospodstvo [Authority]. p. 542 <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1516-7> (in Russ.).

3. Gemueva, K. A. (2018) Chinese Infrastructure Projects in Sub-Saharan Africa: Credit Financing *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], vol. 11, no 5, pp. 55–73 <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-55-73> (in Russ.).

4. George, B. (2019) True North: Discover Your Authentic Leadership. M.: Alpina Publishers, p. 368 (in Russ.).

5. Ivanov, A. V. (2020) Assessment of social and economic competitive advantages as a tool for ensuring environmental safety of the Volga basin *Na strazhe ekonomiki* [The Economy under Guard], no 2(13), pp. 183–189 <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2020-2-183-189> (in Russ.).

6. Prabhu, J., Radjou, N. (2018) Frugal Innovation: How to Do More with Less. M: Olympus-Business, p. 416 (in Russ.).

7. Rudenko, M. N., Subbotina, Yu. D. (2019) Assess the Maturity of Organization's Project Management *Upravlenčeskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], no 7, pp. 50–55 <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-7-50-55> (in Russ.).

8. Salogub? A. M. (2022) Creativity and crisis – new resources of commercial organization in the conditions of digital transformation *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No 2 (99), pp. 126–137 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-126-137> (in Russ.).

9. Sanaei, M. (2024) The Next World Order: The Necessity of Cultural Multilateralism *Dialogues and Conflicts of Cultures in the Changing World: The 21st International Likhachov Scientific Conference, May 25–26, 2023*. St. Petersburg: SPbUHSS, p. 146. (in Russ.).

10. Sudorgin, M. V. (2024) International Standards in the field of Project Management *Materialy Afanas'evskih chtenij* [Materials of the Afanasiev Conference], no 1 (48), pp. 77–84 (in Russ.).

11. Taran, P. (2009) The non-violence policy in the context of legal philosophy *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Yuridicheskie nauki»* [Scientific Notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University. Series: Juridical sciences], vol. 22 (61), no 2, pp. 89–96 (in Russ.).

12. Haritonova, E. V. (2024) Traditional African values and ethics in the mirror of business communications, or why the Western model of capitalism does not take root in Africa *Dialogi i konflikty kul'tur v menyayushchemsya mire: XXI Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 25–26 maya 2023 g.* [Dialogues and Conflicts of Cultures in the Changing World: The 21st International Likhachov Scientific Conference, May 25–26, 2023]. St. Petersburg: SPbUHSS, p. 146 (in Russ.).

13. Tsaryov, A. S. (2010) Boer war and the Position of German *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin], no 1 (26), pp. 54–60 (in Russ.).

14. Tsipes, G. L., Shadaeva N. M. (2015) Managing relationships with project stakeholders: From simple to complex (part 2) *Upravlenie proektami i programmami* [The Project Management Journal], no. 3, pp. 218–228 (in Russ.).

15. Yatzenko, V. V. (2018) Competence of the project manager as a key competence of the organization *Menedzhment i biznes-administrirovanie* [Management and Business Administration], no 1, pp. 142–149 (in Russ.).

16. Ahsan, K., Matsukawa, H. (2012) Project Price Modeling by Optimal Fixed Price Incentive Contract, *Innovation and Supply Chain Management*, vol. 6, no. 4, pp. 165–171.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.

The article was submitted 04.07.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

Информация об авторе

Д. В. Башмаков – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры современных технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет.

Information about the author

D. V. Bashmakov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Modern Management Technologies of the Institute of Management Technologies MIREA – Russian technological university.

Научная статья

УДК 332.1

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-112-127

Методика комплексной оценки шокоустойчивости территориальных образований

Александра Анатольевна Кисленок¹, Михаил Владимирович Бурик²

^{1,2} Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования», Хабаровск, Россия

¹ a.kislenok@vostokgosplan.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7233>

² m.burik@vostokgosplan.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0121-5057>

Аннотация. Усиление неопределенности в мире, обусловленное геополитическими конфликтами, рисками рецессии, возросшая вероятность новых пандемий свидетельствуют о высокой актуальности вопросов, связанных с проявлением внешних шоков. При этом их влияние может проявляться в разной степени как для экологической, экономической и социальной сфер, так и в дифференцированной степени оказывать влияние на территориальные образования разного уровня (страна, макрорегион, регион, муниципальное образование). Поэтому выявление изменений, оценка масштабов и характера влияния экзогенных шоков на территориальные образования являются основой для корректировки планов и принятия управленческих решений по развитию территории в новых условиях. В статье представлен обзор научных публикаций, посвященных вопросам оценки шокоустойчивости территориальных систем. Предложена авторская методика комплексной оценки шокоустойчивости (резилиентности) территориальных образований (регионов и муниципалитетов), предусматривающая оценку динамической, краткосрочной и сравнительной шокоустойчивости по трем группам показателей – социальных, экономических и экологических, что соответствует парадигме устойчивого развития. Обоснован отбор индикаторов в условиях ограниченности статистических данных на муниципальном уровне и приведена методика расчета оценки шокоустойчивости. На основе расчетов сформирован подход к группировке территорий по уровню резилиентности. Он может быть использован для выявления факторов шокоустойчивости территорий, а также в качестве одного из элементов анализа эффективности мер государственной поддержки в период действия внешних шоков.

Ключевые слова: внешние шоки, резилиентность, регион, муниципальные образования, социально-эколого-экономическая система, комплексная оценка шокоустойчивости

Для цитирования: Кисленок А. А., Бурик М. В. Методика комплексной оценки шокоустойчивости территориальных образований // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 112–127. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-112-127>

Original article

Methodology for comprehensive assessing the shock resilience of territorial formations

Aleksandra A. Kislenok¹, Mikhail V. Burik²

^{1,2}The Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center», Khabarovsk, Russia

¹ a.kislenok@vostokgosplan.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7233>

² m.burik@vostokgosplan.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0121-5057>

Abstract. Increased uncertainty in the world, probability of new pandemics, geopolitical conflicts, risks of recession indicate about a high frequency of external shocks. At the same time, their impacts can manifest itself to varying degrees for all the environmental, economic and social spheres, and territorial entities of different levels (country, macro region, region, municipality). Therefore, the identification of changes, assessment of the scale and character of the impact of exogenous shocks on territorial formations are the basis for correction of strategies of management development of the territory in new conditions. The article presents an overview of scientific publications devoted to the assessment of shock resistance of territorial systems. The author's methodology for a comprehensive assessment of shock resistance of territories (regions and municipalities) is proposed, taking into account the assessment of dynamic, short-term and comparative stability according to three groups of indicators – social, economic and environmental. The selection of indicators in the terms of limited municipal statistical data is justified and a methodology for calculating the resistance score is given. An approach to grouping territories according to the level of resistance has been developed. This approach can also be used to identify factors of shock resistance of territories, and be one of the elements of effectiveness analysis of government support measures during periods of external shocks.

Keywords: external shocks, resilience, region, municipalities, socio-ecological-economic system, comprehensive assessing of shock resilience

For citation: Kislenok A. A., Burik M. V. (2024) Methodology for comprehensive assessing the shock resilience of territorial formations *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 112–127. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-112-127>

Введение

В современном мире уровень развития социально-экономических систем во многом зависит от их интеграции в мировые экономические процессы. Глобализация упрощает доступ к технологическому и управленческому опыту, рынкам капитала, расширяет возможности использования мировых ресурсов. Однако вместе с этим возрастает и чувствительность к внешним изменениям (шокам), которые могут быть связаны как с цикличностью экономического развития, так и иметь неэкономическую природу.

Социально-эколого-экономические системы территориальных образований (стран, регионов, муниципалитетов)

наиболее уязвимы перед шоками неэкономической природы, что обусловлено высокой степенью неопределенности и невозможностью их прогнозирования. Только за последнее десятилетие России пришлось столкнуться с несколькими экзогенными шоками, которые нанесли существенный удар по экономике и социальной сфере, негативно отразились на качестве жизни населения. При этом последствия шоков в региональном разрезе крайне неоднородны – они могут как усугубляться, так и нивелироваться специфическими особенностями той или иной территории.

Внимание научного сообщества к шокоустойчивости (резилиентности) регио-

нов активизируется после событий кризиса 2008 г. До этого термин рассматривался как междисциплинарный и по большей части связывался с техногенными и природными катастрофами. Развитие теории устойчивости экономических систем к внешним шокам нашло отражение в трудах зарубежных исследователей [Foster, 2007; Hill, 2008; Clark, 2010; Martin, 2012; Fingleton, 2012 и др.] и отечественных ученых [Климанов, 2018, 2019; Михеева, 2021, 2023; Малкина, 2022 и др.].

Существенный вклад в развитие теории шокоустойчивости (резилиентности) внесли работы Михеевой Н. Н., Малкиной М. Ю., которые посвящены исследованию последствий шоков для российских регионов, вызванных мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг., введенными санкциями 2014–2015 гг., пандемией 2020 г., усилением санкционного давления 2022 г., а также выработке подходов к оценке уровня шокоустойчивости территориальных систем и выявлению факторов ее определяющих. Учеными доказана зависимость устойчивости экономики региона к шокам от ее масштабов и отраслевой структуры. Однако предложенные подходы к оценке устойчивости социально-экономических систем к воздействиям внешних шоков и выявлению влияющих на ее уровень факторов, как правило, основываются на анализе макроэкономических показателей (доходы населения, объемы и динамика производства в отраслях экономики, доходы бюджета, уровень безработицы и др.).

Вместе с тем, очевидно, что на более низком уровне территориальной иерархии (муниципальные образования) влияние экзогенных шоков может носить еще более драматический характер, что в условиях значительной внутрирегиональной дифференциации будет способствовать усилению и без того значительного расслоения территорий, а также приведет к формированию ограниченного числа динамично развивающихся социально-экономических анклавов на фоне большого количества локальных зон экономической депрессии и социального неблагополучия.

В этой связи вопросы оценки шоко-

устойчивости (или резилиентности) территориальных образований разного уровня и выявление ее определяющих факторов является актуальной задачей для региональной системы управления.

Степень изученности вопроса

Устойчивость социально-эколого-экономических систем регионов к внешним шокам находится в фокусе научных исследований последние 10–15 лет. После кризиса 2008–2009 гг. появляется множество трудов, изучающих факторы «упругости» мировой экономики или способности быстрого возвращения экономической системы в исходное состояние в ответ на структурный или системный сбой. Большинство исследований рассматривали шоки как нарушение траекторий экономического роста и изучали возможности стран и регионов по возврату к исходному (дошоковому) состоянию.

В ранних исследованиях зарубежных ученых подходы к оценке резилиентности в основном касались экономических систем и сводились к анализу устойчивости регионов и крупных городов, а также расчету темпов их восстановления [Foster, 2007; Hill, 2008]. В более поздних работах при оценке резилиентности дополнительно проводилось сопоставление динамики региона с изменениями на уровне страны [Martin, 2012] с докризисными трендами и темпами восстановления их значений по завершении рецессии [Fingleton, 2012].

При этом для оценки шокоустойчивости ученые применяли различные системы показателей, которые отличались как по количественному составу, так и по смысловому содержанию. Некоторые исследователи использовали в качестве параметров резилиентности 1–2 показателя [Martin, 2012; Fingleton, 2012; Ray, 2017]. Как правило, это «валовая добавленная стоимость» и «занятость населения». Другие – множество индикаторов, которые группировались по отдельным направлениям [Foster, 2007; Hill, 2008; Carlson, 2012].

Особый интерес вызывает исследование Аргоннской национальной лаборатории [Carlson, 2012], в котором авторы вы-

ходят за рамки экономической системы и рассматривают резилентность как реакцию на кризис пяти подсистем: экономики, гражданского общества и социального капитала, критической инфраструктуры, цепочек поставок и управления.

В исследованиях зарубежных авторов используются различные инструменты оценки. Наиболее распространенными являются: расчет индексов [Carlson, 2012], рейтингование [Foster, 2007], эконометрическое моделирование [Hill, 2008]. При этом последние дают возможность не только оценивать, но и прогнозировать состояние территорий и изменение ключевых показателей при наступлении шока.

Следует также отметить, что в рассматриваемых работах для оценки шокоустойчивости шкала практически не применяется [Foster, 2007; Hill, 2008; Ray, 2017] или является весьма условной («больше» или «меньше») [Martin, 2012; Fingleton, 2012].

В научной повестке отечественных исследователей интерес к экономической резилентности, в том числе шокоустойчивости территориальных социально-экономических систем, наиболее активно наблюдается последние 5 лет. Первые российские статьи по данным вопросам индексированы в РИНЦ 2015 г., и до 2019 г. публикационная активность российского научного сообщества по этой проблеме не превышала ежегодно 1–2 единицы, а позже существенно возросла [Чернова, 2023]. Факторами повышения научного интереса к данной проблематике стали: распространение пандемии COVID–19 в 2020 г., геополитические события и усиление санкционного давления в 2022 г.

Большинство работ базируется на результатах, полученных зарубежными исследователями, которые адаптированы к российским реалиям и учитывают особенности российской статистики. В частности, в работах российского экономиста В. В. Климанова адаптирован подход К. Фостера для оценки шокоустойчивости российских регионов [Климанов, 2018; Климанов, 2019].

Одним из ранних исследований рос-

сийских авторов, посвященных региональной устойчивости и подходам к её оценке, является работа Б. А. Коробицына [Коробицын, 2016]. В ней оценка резилентности регионов проведена по 3-м группам показателей: экономические, экологические и медико-демографические. С использованием инструментов индексной оценки автор определяет шокоустойчивость региона по двум направлениям «стойкости» и «восстановления» и вводит шкалу измерения резилентности, на основе которой проводится типология регионов.

Данные приемы используются и другими отечественными авторами. В частности, многие исследователи, использующие для оценки шокоустойчивости более 10 показателей, осуществляют группировку индикаторов по сферам развития региона: экономическая, социальная и экологическая [Красильникова, 2022; Николаев, 2022 и др.]. Оценка влияния внешних шоков на разные аспекты жизнедеятельности территориальных образований соответствует актуальной повестке устойчивого развития. Использование данного подхода позволяет определить наиболее уязвимые сферы и принять управленческие решения, предупреждающие нарушение баланса территориального развития. В отдельных работах выделены дополнительные направления, такие как «политическое» и «институциональное» [Арзуманян, 2020], «интеллектуальный капитал» [Николаев, 2022]. По каждой из групп показателей предусматривается расчет интегрального индекса.

При использовании меньшего числа показателей¹ для получения агрегированной оценки отдельные авторы также используют исчисление интегральных индексов резилентности [Климанов, 2019; Turgel, 2021; Малкина, 2022; Смольянова, 2022]. При этом применяются разные способы их расчета – по средней арифметической [Климанов, 2019], с использованием весов [Красильникова, 2022; Николаев, 2022], «приращение единицы» и «эталонно-пропорциональный» [Арзуманян, 2020].

Отдельные исследования строятся на оценке динамики 1–3 показателей [Ак-

¹ Как правило от 4 до 10.

бердина, 2021; Высоцкий, 2021; Михеева, 2023 и др.]. В этом случае в качестве основного используется валовой региональный продукт (как правило в сопоставлении с ВВП), дополнительно рассматривается динамика уровня безработицы, индекс выпуска базовых видов экономической деятельности.

Как и зарубежные коллеги, российские ученые используют прием сопоставления для определения уровня резилиентности регионов. Динамика индикаторов оценивается при сопоставлении значений «кризисного» и «предкризисного» года [Смолянова, 2022], темпов роста индикаторов региона и страны [Малкина, 2022], а также отклонение динамики показателей региона от прогнозных значений [Малкина, 2022].

Для определения уровня шокоустойчивости и группировки регионов в ряде работ используется шкала. При этом она может быть как достаточно условной (сопротивляемость сильная и слабая, восстановление быстрое и медленное, регион резилентен или нерезилентен) [Коробицын, 2016; Высоцкий, 2021; Малкина, 2022; Михеева, 2023], так и измеряться числовыми интервалами [Климанов, 2019; Арзуманян, 2020; Turgel, 2021; Красильникова, 2022; Михеева, 2023].

Таким образом, в научной литературе представлено множество подходов к оценке шокоустойчивости. Однако исследования проводятся на уровне регионов, федеральных округов и стран. При этом отсутствуют работы по определению резилиентности территориальных образований более низкого иерархического уровня (муниципальные образования). В то же время для региональной системы управления такая оценка может иметь особую ценность, т. к. представление о реакции муниципальных образований на шок позволяет повысить эффективность адресных мер поддержки и корректировать планы по пространственному развитию региона в условиях новой реальности.

Следовательно, проведенный анализ существующих методик оценки ре-

зилиентности свидетельствует о необходимости разработки комплексного подхода, который позволит определить шокоустойчивость территориальных образований разного уровня (регион и муниципальное образование) в контексте социального, экологического и экономического аспектов развития. В связи с этим при разработке методики оценки шокоустойчивости должны учитываться следующие принципы:

1. Система показателей методики должна обеспечивать возможность комплексной оценки. В ряде современных научных публикаций используется подход, базирующийся на оценке региональной резилиентности через динамику «ключевого» показателя, что ограничивает представление разных сфер развития территории;

2. Данные по используемым показателям должны быть доступны и синхронизированы по времени. Следует проводить оценку шокоустойчивости по индикаторам, значения которых являются доступными на протяжении необходимого анализируемого периода;

3. Оценка шокоустойчивости по направлениям развития территории целесообразно осуществлять на основе оптимального количества информативных показателей², сгруппированных по соответствующим блокам и использовать расчет интегральных значений по каждой из групп показателей, что дает представление о влиянии внешних шоков на разные сферы развития территории;

4. Для осуществления интерпретации полученных значений необходимо использовать соответствующую шкалу оценки. Ее применение позволит не только определить уровень резилиентности территории, но и осуществлять группировку территорий по уровню шокоустойчивости.

Формирование методического подхода комплексной оценки шокоустойчивости территориальных систем

В большей степени реакция на внешние шоки проявляется в краткосрочном периоде времени. При этом про-

² Используемая система показателей должна быть аргументирована, информативна, не перегружена количеством индикаторов и при этом корректно отражать достигнутый уровень развития территории и динамику развития социально-эколого-экономической системы территории.

цесс восстановления или адаптации к новым условиям внешней среды может быть достаточно длительным. Во многом его продолжительность зависит от своевременности принятия мер по смягчению последствий действия шока для бизнеса и населения. Поэтому при разработке комплексного подхода к оценке резилиентности сделан акцент на реакции территориальных систем на шок в краткосрочном периоде. В то же время необходимо учитывать, что проявление шока вносит коррективы и в траекторию дальнейшего развития территорий. Особый интерес представляет собой сравнение степени влияния внешних шоков на территориальные системы различного уровня (страны, региона, муниципального образования). Это позволяет выявить территориальные образования с более высоким уровнем шокоустойчивости, провести анализ причинно-следственных связей и выявить факторы, обеспечивающие преимущество одних территорий перед другими.

В связи с этим предлагаемый подход предполагает комплексную оценку шокоустойчивости по трем направлениям, которые формируют общую резилиентность территории: динамическая резилиентность, краткосрочная резилиентность и резилиентность сопоставления.

Динамическая резилиентность позволяет в полной мере оценить влияние шока на изменение средних темпов развития территории непосредственно в момент начала его воздействия. Она показывает меру отклонения тренда значений индикаторов до наступления шока от их фактических значений в период его проявления.

Краткосрочная резилиентность позволяет оценить способность системы удерживать значения показателей территории на прежнем уровне и не допустить ухудшения ситуации. Данный параметр демонстрирует уязвимость или устойчивость территориальной системы к шоковым событиям.

Резилиентность сопоставления является сравнительной характеристикой,

которая оценивает шокоустойчивость территории в сравнении с динамикой показателей на уровне страны (или региона³) при воздействии внешних шоков. При этом проявление шока может быть дифференцированно не только по степени, но и характеру влияния, поэтому динамика значений показателей, характеризующих уровень развития территорий, способна существенно отличаться от региональной и страновой.

Шоки различной природы по-разному влияют на социальную, экологическую и экономическую сферы территориальных образований, нарушая баланс их развития. Следовательно, вопросы оценки шокоустойчивости, по мнению авторов, тесно взаимосвязаны с аспектами устойчивого развития территорий. Поэтому вполне логичным представляется оценка резилиентности в разрезе социальных, экологических и экономических индикаторов, что соответствует парадигме устойчивого развития.

Комплексную оценку шокоустойчивости целесообразно проводить как на уровне регионов, так и на муниципальном уровне. Это позволит выявить локальные территории, реакция которых на шок в большей степени определяет резилиентность региона. В общем виде этапы проведения оценки шокоустойчивости представлены на рисунке 1.

В рамках *1-го этапа «Отбор показателей для оценки резилиентности»* осуществляется формирование перечня показателей для оценки резилиентности на основе статистических данных, имеющих в открытом доступе. Основными критериями отбора являются информативность и доступность значений показателя в течение исследуемого периода. При этом интервал наблюдения должен быть не менее 5 лет и включать в себя значения, предшествующие году проявления шока и непосредственно в год наступления шокового события. Это позволит в том числе проанализировать отклонения показателей развития территории от сложившегося тренда.

Формирование перечня показателей для

³ В случае сравнения муниципальных образований.

оценки шокоустойчивости на региональном и муниципальном уровнях осложняется различиями в статистических базах данных, что не позволяет сформировать систему идентичных показателей. Поэтому задачу по ее формированию можно решить подбором похожих индикаторов, которые характеризуют одни и те же явления или процессы.

Кроме того, отбор показателей для оценки резiliентности осуществляется в условиях ограниченной доступности и/или низкого качества статистических данных муниципального уровня. Ограничения применения муниципальной статистики часто отмечаются в работах ис-

следователей [Леонов, 2016; Байко, 2016; Самохвалова, 2016; Веприкова, 2022]. Основным источником статистических данных муниципального уровня является База данных показателей муниципальных образований (БД ПМО).

Несмотря на достаточно большое количество показателей⁴ в БД ПМО, их перечень неоднократно изменялся, в связи с чем данные имеют разные временные интервалы представления, что ограничивает возможности корректного анализа динамики. Кроме того, показатели, характеризующие социальные процессы и состояние социальной среды, в данной информационной системе отсутствуют.

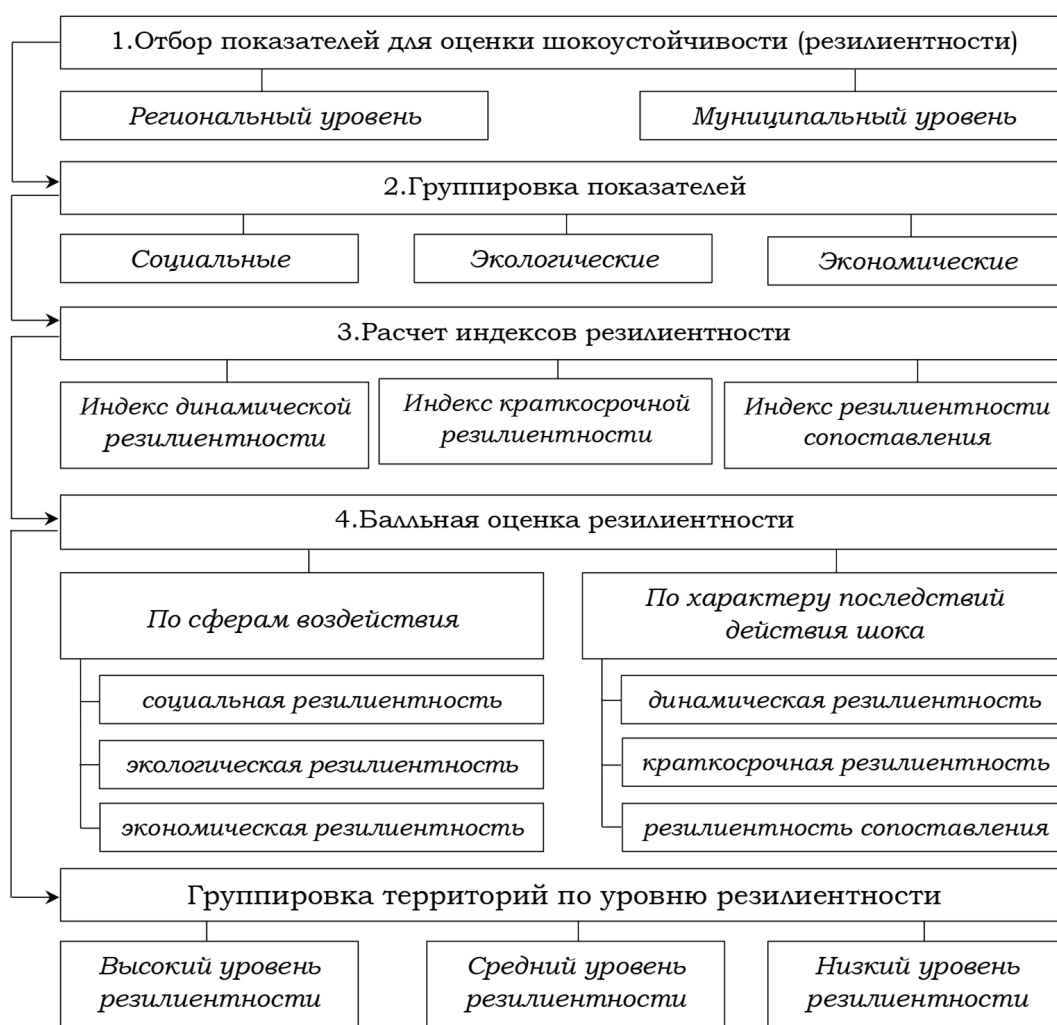

Рис. 1. Этапы оценки резiliентности территории

⁴ 215 в соответствии с Кратким методологическим комментарием по показателям БД ПМО. Росстат URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/met_bdpmo.htm (Дата обращения: 26.08.2024)

Мониторинг по некоторым из них осуществляется специализированными информационными центрами⁵ и большая часть имеющейся информации отсутствует в открытом доступе. Данные по ряду индикаторов экологической направленности имеются по разным временным интервалам. По отдельным показателям в некоторых регионах представлена противоречивая информация и/или имеются данные не по всем муниципальным образованиям или периодам⁶. Поэтому для анализа шокоустойчивости на муниципальном уровне использовалась информация из альтернативных баз данных.

В итоге было отобрано 116 индикаторов регионального уровня и 70 индикаторов муниципального уровня, которые характеризуют состояние и динамику социально-эколого-экономического развития территории. Однако необходимость синхронизации данных регионального и муниципального уровней по периодам и характеру показателей предопределило проведение их дополнительной фильтрации.

В результате проведенного отбора для оценки шокоустойчивости на региональном уровне сформирован перечень из 15 показателей, на муниципальном – из 13 показателей⁷.

На 2-ом этапе проведена группировка показателей оценки резилентности в соответствии с направлениями территориального развития. В результате индикаторы, используемые для оценки шокоустойчивости, объединены в три блока: экономический, социальный, экологический (табл. 1).

Источниками данных по показателям регионального уровня являются базы данных Единой межведомственной

информационно-статистической системы (ЕМИСС) и Росстата. На муниципальном уровне в качестве исходных данных помимо БД ПМО используются данные информационно-справочной системы СПАРК-Интерфакс и Федеральной налоговой службы России (в части расчета доходов хозяйствующих субъектов), региональных Медицинских информационно-аналитических центров (в части данных по уровню заболеваемости и обеспеченности врачами), Росприроднадзора (в части данных о выбросах загрязняющих веществ в атмосферный воздух), Росводресурса (в части сброшенных сточных вод).

Следует отметить, что данный перечень показателей в рамках сформированных блоков не является исчерпывающим и, при необходимости, может быть дополнен или скорректирован. Данная потребность может возникнуть при получении доступа к альтернативным информационным базам, изменении Плана статистических работ и др.

На 3-м этапе «Оценка индексов резилентности территории» осуществляется расчет индексов динамической, краткосрочной и сравнительной резилентности по каждому из показателей, используемых в оценке.

Для расчёта индекса динамической резилентности проводится сопоставление фактического значения показателя в год воздействия внешнего шока⁸ и трендового значения этого показателя:

$$RD_i^j = \frac{P_{if}^j}{P_{ip}^j}, \quad (1)$$

где RD_i^j – индекс динамической резилентности i -го показателя j -группы;

i – показатель;

j -группа показателей;

⁵ Медицинский информационно-аналитический центр (МИАЦ), Главный информационный аналитический центр (ГИВЦ) Министерства культуры, ГИВЦ Министерства образования и др.

⁶ Например, в Забайкальском крае (35 муниципальных образований) в БД ПМО по показателю «текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды (ООС), включая оплату услуг природоохранного назначения» отсутствуют 120 значений из 280 (за период 2015–2022 гг.); по показателю «удельный вес прибыльных организаций в общем числе организаций» отсутствуют 33 значения из 280 (за период 2015–2022 гг.). По Балейскому муниципальному району представлены противоречивые данные по индикатору «удельный вес прибыльных организаций в общем числе организаций», который не соотносится с данными показателями «Количество прибыльных организаций» и «количество убыточных организаций».

⁷ что обусловлено ограничениями муниципальной статистики

⁸ Рассчитывается с использованием метода линейной экстраполяции.

Таблица 1

Система индикаторов для оценки резилентности территории

Группа показателей	Региональные индикаторы резилентности	Муниципальные индикаторы резилентности
Экономические	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Индекс роста доходов хозяйствующих субъектов, приведенных в сопоставимый вид, в % к предыдущему году
	Уровень занятости населения, %	Доля трудоспособного населения, занятого в организациях, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования, %
	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, %	Темп роста инвестиций в основной капитал (без учета МСП), %
	Удельный вес убыточных организаций, %	Удельный вес прибыльных организаций, %
	Индекс производительности труда, %	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) в расчете на одного работника, занятого в организациях, руб./чел.
Социальные	Доля населения с денежными доходами ниже границы бедности, %	Отношение доходов населения к стоимости фиксированного набора товаров и услуг ⁹ , руб./руб.
	Реальные денежные доходы, в % к предыдущему году	Индекс денежных доходов населения ¹⁰ , %
	Обеспеченность населения врачами на 10 тыс. человек населения, чел.	
	Заболееваемость на 1 тыс. человек населения, чел.	
Экологические	Доля нормативно очищенной сточной воды, %	Удельный вес сброшенных очищенных сточных вод, %
	Совокупный объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, млн куб. м.	Совокупный объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, тонн
	Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников, %	-
	Текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды (ООС), включая оплату услуг природоохранного назначения, тыс. руб.	
	Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, в ценах 2015 г., тыс. руб.	-

Источник: составлено авторами.

⁹ Отношение значений показателя «объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального района (городского округа) в месяц к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе.

¹⁰ Рассчитан на основе динамики значений показателя «объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального района (городского округа)», скорректированных на индекс потребительских цен

P_{if}^j – фактическое значение i -го показателя j -группы в год наступления шокового события;

P_{ip}^j – прогнозное значение i -го показателя j -группы в год наступления шокового события.

Для расчёта *индекса краткосрочной резилиентности* проводится сопоставление значений показателя в год шокового воздействия и предыдущего года.

$$RK_i^j = \frac{P_{if}^j}{P_{i(f-1)}^j}, \quad (2)$$

где RK_i^j – индекс краткосрочной резилиентности i -го показателя j -группы;

$P_{i(f-1)}^j$ – значение i -го показателя j -группы в году, предшествующем году наступления шокового события.

Индекс резилиентности сопоставления рассчитывается следующим образом:

$$RS_i^j = \frac{P_{if}^j}{P_{i(f-1)}^j} / \frac{P_{icf}^j}{P_{i(cf-1)}^j}, \quad (3)$$

где RS_i^j – индекс резилиентности сопоставления i -го показателя j -группы;

P_{icf}^j – среднероссийское (региональное) фактическое значение i -го показателя j -группы в год наступления шокового события;

$P_{i(cf-1)}^j$ – среднероссийское (региональное) значение i -го показателя j -группы в году, предшествующем году наступления шокового события.

Для индексных показателей расчет индексов краткосрочной резилиентности и резилиентности сопоставления не проводится, т. к. в подобных индикаторах уже заложено сравнение наблюдаемого года с предыдущим, поэтому индекс резилиентности соответствует значению индексного показателя.

На 4-м этапе «Расчет баллов резилиентности территории» присвоение баллов по каждому показателю осуществляется на основе полученных индексов по видам резилиентности, а затем производится интегральная оценка резилиентности.

Присвоение баллов по каждому из видов резилиентности осуществляется следующим образом:

если значение индекса больше либо равно единице, то к резилиентности ре-

гиона добавляется 1 балл;

если показатель носит «обратный» характер, то 1 балл к общей резилиентности присваивается в случае, если значение индекса меньше либо равно единице.

Интегральная оценка резилиентности территории может осуществляться по группам исследуемых показателей. Это позволит определить более чувствительные сферы, реакция которых достаточно дифференцирована в зависимости от проявления внешних шоков разной природы. Экологическая, социальная и экономическая шокоустойчивость территории рассчитывается путём сложения набранных баллов по каждому из трёх видов резилиентности:

$$RES_j = \sum_{i=1}^n (RD_i^j + RK_i^j + RS_i^j), \quad (4)$$

где RES_j – резилиентность j -группы показателей, в баллах;

n – количество показателей в группе/

Кроме того, интегральная оценка шокоустойчивости территорий может осуществляться непосредственно по видам резилиентности, которые характеризуют устойчивость территориальных систем относительно значений прошлого года (краткосрочная резилиентность), сложившегося тренда развития (динамическая резилиентность) и общероссийской (региональной) динамики (резилиентность сопоставления). В этом случае интегральная оценка осуществляется по следующей формуле.

$$RES_k = \sum_{i=1}^n (R_i^k), \quad (5)$$

где RES_k – резилиентность k -вида (динамическая, краткосрочная, сопоставления), в баллах;

R_i^k – балл шокоустойчивости k -вида по i -му показателю.

Для анализа шокоустойчивости территории могут быть использованы оба подхода, взаимодополняя друг друга. Кроме того, интегральные оценки по видам резилиентности могут быть рассчитаны и по группам отдельных показателей, характеризующих сферу регионального развития (табл. 2).

Таблица 2

Интегральная оценка резилентности территорий

Регион / муниципальное образование		Группы показателей			Всего
		экологические	социальные	экономические	
Виды резилентности	динамическая	динамическая резилентность экологических индикаторов	динамическая резилентность социальных индикаторов	динамическая резилентность экономических индикаторов	динамическая резилентность территории
	краткосрочная	краткосрочная резилентность экологических индикаторов	краткосрочная резилентность социальных индикаторов	краткосрочная резилентность экономических индикаторов	краткосрочная резилентность территории
	сопоставления	резилентность сопоставления экологических индикаторов	резилентность сопоставления социальных индикаторов	резилентность сопоставления экономических индикаторов	резилентность сопоставления территории
Всего		экологическая резилентность территории	социальная резилентность территории	экономическая резилентность территории	

Источник: составлено авторами.

Заключительный этап оценки «Группировка территорий по уровню резилентности» предполагает использование соответствующей шкалы. С учетом приведенных выше возможностей получения интегральных значений шокоустойчивости территорий и используемого количества показателей интервальные значения шкалы могут варьироваться. Авторами предлагается использовать шкалу с одинаковыми интервалами, которая бы позволила выделить территории с высоким/средним/низким уровнем шокоустойчивости. При условии использования 15 показателей на региональном уровне и 13 показателей на муниципальном уровне для группировки территорий шкала резилентности выглядит следующим образом (табл. 3).

Следует отметить, что группировка территорий на основе данной шкалы уровня шокоустойчивости весьма условна. Однако она вполне может быть использована для выявления причинно-следственных связей и последующего определения факторов, определяющих характер реакции территорий и степень влияния внешних шоков на социальную, экологическую и экономическую сферу.

Практическая значимость полученных результатов

Сопоставление балльной оценки резилентности региона и входящих в его состав муниципальных образований позволяет выявить территории, которые оказали преобладающее влияние на шокоустойчивость региона. При этом мето-

Таблица 3

Оценочная шкала уровня резилентности территорий

Уровень резилентности	Количество баллов резилентности	
	региональный уровень	муниципальный уровень
<i>шокоустойчивость по сферам развития территории</i>		
Высокий	от 11 до 15	от 7 до 9*
Средний	от 6 до 10	от 4 до 6*
Низкий	от 0 до 5	от 0 до 3*
<i>по видам резилентности</i>		
Высокий	от 11 до 15	от 9 до 13*
Средний	от 6 до 10	от 5 до 9*
Низкий	от 0 до 5	от 0 до 4*

*При оценке на муниципальном уровне используется три экологических показателя (ввиду отсутствия данных), поэтому максимальные баллы резилентности отличаются от аналогичного параметра регионального уровня

Источник: составлено авторами.

дический подход предполагает оценку воздействия экзогенных шоков на социальную, экологическую и экономическую сферу развития как отдельных территорий, так и региона в целом. В зависимости от природы шока степень его влияния на социум, экологию и экономику территорий существенно дифференцирована. За последние пять лет два шоковых события в значительной степени повлияли не только на развитие отдельных территорий, регионов, стран, но и мирового сообщества в целом. Распространение пандемии коронавирусной инфекции в первую очередь отразилось на функционировании социальной сферы, а также негативно сказалось на экономической деятельности. Изменение геополитической ситуации, усиление санкционного давления и разрушение хозяйственных связей в большей степени отразились на экономической сфере.

Однако, несмотря на общие тенденции, реакция отдельных локальных территорий в год проявления шока существенно различается, и зачастую отличается не только величина, но и характер динамики показателей. Это обусловлено как «врожденными», так и «приобретенными» (адаптивными) факторами резилентности [Акбердина, 2021]. Врожденными факторами являются система расселения, удаленность территории и транспортная доступность, степень интеграции во внешнеэкономическую деятельность, структура экономики и др. Приобретенные или адаптивные факторы связаны со способностью территории сглаживать последствия шоков, благодаря дополнительным усилиям (меры государственной политики, доступное финансирование и др.). Балльная оценка резилентности и группировка территорий позволит выявить факторы их шокоустойчивости, а также оценить эффективность мер государственной поддержки населению и бизнесу.

Кроме того, расчет резилентности сопоставления позволит определить муниципальные образования (регионы), в которых динамика показателей в период действия шока хуже, чем в среднем по региону (стране) в целом. Это явля-

ется своего рода маркером для выявления территорий, в отношении которых необходимо принимать меры управленческого воздействия с целью смягчения последствий влияния шока. В противном случае влияние шока может стать причиной усиления внутрирегиональной и межрегиональной дивергенции, появления депрессивных территорий и нарастания социального неблагополучия.

В то же время воздействие шока зачастую приводит к появлению состояния «новой реальности», когда то, что раньше было необычным, становится нормальным [Медведев, 2015; Булатов, 2020]. В этом случае необходимо не просто оказание мер государственной поддержки населению или бизнесу для смягчения последствий наступления шокового события, но и помощь в адаптации к изменившимся условиям внешней среды и выходу на новые траектории развития.

Заключение

Предлагаемая методика может использоваться в качестве инструмента оценки шокоустойчивости территориальных образований разного уровня (регион и муниципальные образования). Комплексный подход к оценке резилентности дает возможность проведения разностороннего анализа влияния шоков не только на уровень текущего состояния территории, но и на сложившейся тренд развития, позволяет сопоставить реакцию территории со средней динамикой по стране или региону. Применение системы индикаторов, которая включает социальные, экологические и экономические показатели, дает возможность оценить чувствительность соответствующей сферы жизнедеятельности территории к внешним шокам разной природы. Получение интегральных оценок может осуществляться по нескольким срезам, что позволяет провести детальный анализ шокоустойчивости. На основе интегральных оценок возможно осуществить группировку территорий по уровню резилентности.

Результаты оценки и группировка территорий являются своего рода скринингом реакции региона и муниципальных образований в его составе на проявление внешних шоков. В дальнейшем это может

служить основанием для проведения детальной диагностики территорий и установления причинно-следственных связей между различными условиями и факторами, обуславливающими уровень их устойчивости. После проведения подробной диагностики может быть принято ре-

шение по корректировке планов развития территориальных образований (в случае, если они не смогли восстановиться после шокового воздействия или адаптироваться к его последствиям) и/или оказанию адресных мер поддержки хозяйствующим субъектам и/или населению.

Список источников:

1. Акбердина, В. В. Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17. Вып. 8. С. 1412–1432. DOI: 10.24891/ni.17.8.1412
2. Арзуманян, М. С. Методический инструментарий оценки уровня устойчивости регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2020. № 2. С. 75–85. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2020.2.7
3. Байко, А. Ю. Проблемы формирования муниципальной статистики в Курскстате // Проблемы и перспективы развития статистики на современном этапе: материалы Межрегиональной научно-практической конференции в 2-х томах. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2016. Т. 2. С. 155–158.
4. Булатов, А. С. Новая нормальность // Мировое и национальное хозяйство. 2020. №3 (52). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost>
5. Веприкова, Е. Б., Кисленок, А. А., Гулидов, Р. В. Методика оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона на основе выявления признаков локальной депрессивности // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 71–86. DOI:10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86
6. Высоцкий, С. Ю. Статистическая оценка экономической резильентности регионов Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Экономические и юридические науки. 2021. № 14. С. 30–35. DOI: 10.52928/2070-1632-2021-59-14-30-35
7. Климанов, В. В., Казакова, С. М., Михайлова, А. А. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187
8. Климанов, В. В., Казакова, С. М., Михайлова, А. А. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 46–64. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-46-64
9. Коробицын, Б. А. Устойчивость регионов УРФО к экономическим потрясениям и кризисам: медико-демографические и экологические аспекты // Экономика региона. 2016. № 3. С. 790–801. DOI: 10.17059/2016-3-15
10. Красильникова, Л. Е., Рущицкая, О. А., Баландин, Д. А., Федосеева, С. С. Оценка резильентности сельского территориального пространства // Аграрный вестник Урала. 2022. № 10 (225). С. 78–90. DOI: 10.32417/1997-4868-2022-225-10-78-90
11. Леонов, С. Н. Становление муниципальной статистики, ее современное состояние и соответствие потребностям исследования региональной экономики // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 223–230. DOI: 10.17223/15617793/400/36
12. Малкина, М. Ю. Устойчивость экономик российских регионов к пандемии 2020 // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 1. С. 101–124. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118
13. Медведев, Д. А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 5–29. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-10-5-29

14. Михеева, Н. Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 106–118. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118
15. Михеева, Н. Н. Устойчивость экономики российских регионов к внешним шокам: оценка на основе оперативной информации // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. № 1. С. 151–174. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-151-174
16. Самохвалова, К. А. Муниципальная статистика и перспективы ее развития // Проблемы и перспективы развития статистики на современном этапе: материалы Межрегиональной научно-практической конференции в 2-х томах. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2016. Т. 2. С. 164–167.
17. Смольянова, И. В. Анализ взаимообусловленности приоритетов региональной социально-экономической политики и устойчивости территориального развития // Экономика, предпринимательство и право. 2022. № 10. С. 2687–2700. DOI: 10.18334/err.12.10.116470
18. Чернова, О. А. Проблемы региональной резилентности в российских исследованиях // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 1(45). С. 277–284. EDN: PPOQKV
19. Carlson, J. L., Haffenden, R., Bassett, G., Buehring, W. A., Collins, M. J., Folga, S. M., Petit F., Phillips, J. K., Verner D., Whitfield, R. G. Resilience: theory and application. Argonne National Lab., Argonne, IL, 2012. DOI: 10.2172/1044521
20. Clark, J., Huang, H. I., Walsh, J. P. A Typology of 'Innovation Districts': What it Means for Regional Resilience. Cambridge Journal of Regions, Economy and Society, 2010, vol. 3, issue 1, pp. 121–137. URL: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsp0344>
21. Fingleton, B., Garretsen, H., Martin, R. Recessionary Shocks and Regional Employment: Evidence on the Resilience of U.K. Regions. Journal of Regional Science, 2012, vol. 52, issue 1, pp. 109–133. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2011.00755.x>.
22. Foster, K. A. (2007). A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience. Working Paper 2007-08. Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley.
23. Hill, E. W., Wial, H., Wolman, H. Exploring Regional Economic Resilience. Institute of Urban and Regional Development, Berkeley, Working Paper 2008-04, 2008, 15 p. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.5099.4000>.
24. Martin, R. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // Journal of Economic Geography, 2012, № 12(1), pp. 1–32. DOI: 10.1093/jeg/lbr019/.
25. Turgel, I. D., Chernova, O. A., Usoltceva, A. A. Resilience, robustness and adaptivity: Large urban Russian Federation regions during the COVID-19 crisis // Area Development and Policy. 2021. DOI: 10.1080/23792949.2021.1973522

References:

1. Akberdina, V. V. (2021) Resilience factors in the Russian economy: a comparative analysis for the period 2000–2020 *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], vol. 17, is. 8, pp. 1412–1432 DOI: 10.24891/ni.17.8.1412 (in Russ.).
2. Arzumanyan, M. S. (2020) Methodological tools for assessing the level of sustainability of the regions of the Southern and North Caucasian federal districts of Russia *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Ekonomika Bulletin of the Volgograd State University. Economics], no. 2, pp. 75–85 DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2020.2.7 (in Russ.).

3. Bayko, A. Yu. (2016) Problems of Formation of Municipal Statistics in Kurskstat. Problems and Prospects of Development of Statistics at the Present Stage: Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference in 2 volumes. Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Kursk Region. Kursk, vol. 2, pp. 155–158 (in Russ.).
4. Bulatov, A. S. (2020) New Normality *Mirovoye i natsional'noye khozyaystvo* [World and National Economy], no. 3 (52) URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost> (in Russ.).
5. Veprikova, E. B., Kislennok, A. A., Gulidov, R. V. (2022) Methodology for assessing the level of socio-economic development of municipalities of the region based on identifying signs of local depression *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*=Power and Administration in the East of Russia, no. 3 (100), pp. 71–86 DOI: 10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86 (in Russ.).
6. Vysotsky, S. Yu. (2021) Statistical assessment of economic resilience of the regions of the Republic of Belarus *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. D, Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series D, Economic and legal sciences], no. 14, pp. 30–35 DOI: 10.52928/2070-1632-2021-59-14-30-35 (in Russ.).
7. Klimanov, V. V., Kazakova, S. M., Mikhailova, A. A. (2018) Regional resilience: theoretical foundations for posing the question *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], vol. 13, no. 6, pp. 164–187 DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187 (in Russ.).
8. Klimanov, V. V., Kazakova, S. M., Mikhailova, A. A. (2019) Retrospective analysis of the sustainability of Russian regions as socio-economic systems *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], no. 5, pp. 46–64 DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-46-64 (in Russ.).
9. Korobitsyn, B. A. (2016) Resilience of the Urals Federal District regions to economic shocks and crises: medical, demographic and environmental aspects *Ekonomika regiona* [Economy of the region], no. 3, pp. 790–801 DOI: 10.17059/2016-3-15 (in Russ.).
10. Krasilnikova, L. E., Rushitskaya, O. A., Balandin, D. A., Fedoseeva, S. S. (2022) Assessing the resilience of the rural territorial space *Agrarnyy vestnik Urala* [Agrarian Bulletin of the Urals], no. 10 (225), pp. 78–90 DOI: 10.32417/1997-4868-2022-225-10-78-90. (in Russ.).
11. Leonov, S. N. (2015) Formation of municipal statistics, its current state and compliance with the needs of regional economic research *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], no. 400, pp. 223–230 DOI: 10.17223/15617793/400/36 (in Russ.).
12. Malkina, M. Yu. (2022) Resilience of the economies of Russian regions to the 2020 pandemic *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], vol. 18, no. 1, pp. 101–124 DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118 (in Russ.).
13. Medvedev, D. A. (2015) New Reality: Russia and Global Challenges *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], no. 10, pp. 5–29 DOI: 10.32609/0042-8736-2015-10-5-29 (in Russ.).
14. Mikheeva, N. N. (2021) Resilience of Russian Regions to Economic Shocks *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], no. 1, pp. 106–118 DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118 (in Russ.).
15. Mikheeva, N. N. (2023) Resilience of the Economy of Russian Regions to External Shocks: Assessment Based on Operational Information *Nauchnyye trudy. Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Works. Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences], no. 1, pp. 151–174 DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-151-174 (in Russ.).
16. Samokhvalova, K. A. (2016) Municipal statistics and prospects for its development. Problems and prospects for the development of statistics at the present stage: materials of the Interregional scientific and practical conference in 2 volumes. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kursk Region. Kursk, vol. 2, pp. 164–167 (in Russ.).

17. Smolyanova, I. V. (2022) Analysis of the interdependence of priorities of regional socio-economic policy and the sustainability of territorial development *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economy, entrepreneurship and law], no. 10, pp. 2687–2700 DOI: 10.18334/epp.12.10.116470 (in Russ.).

18. Chernova, O. A. (2023) Problems of regional resilience in Russian studies *Yestestvenno-gumanitarnyye issledovaniya* [Natural Sciences and Humanities Research], no. 1(45), pp. 277–284. EDN: PPOQKV (in Russ.).

19. Carlson, J. L., Haffenden, R., Bassett, G., Buehring, W. A., Collins, M. J., Folga, S. M., Petit F., Phillips, J. K., Verner D., Whitfield, R. G. (2012) Resilience: theory and application. Argonne National Lab., Argonne, IL,. DOI: 10.2172/1044521

20. Clark, J., Huang, H. I., Walsh, J. P. (2010) A Typology of 'Innovation Districts': What it Means for Regional Resilience *Kembridzhskiy zhurnal regionov, ekonomiki i obshchestva* [Cambridge Journal of Regions, Economy and Society], vol. 3, is. 1, pp. 121–137. URL: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsp0344>

21. Fingleton, B., Garretsen, H., Martin, R. (2012) Recessional Shocks and Regional Employment: Evidence on the Resilience of U.K. Regions *Zhurnal regional'noy nauki* [Journal of Regional Science], vol. 52, is. 1, pp. 109–133. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2011.00755.x>.

22. Foster, K. A. (2007). A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience. Working Paper 2007-08. Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley.

23. Hill, E. W., Wial, H., Wolman, H. (2008) Exploring Regional Economic Resilience. Institute of Urban and Regional Development, Berkeley, Working Paper 2008-04, 15 p. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.5099.4000>.

24. Martin, R. (2012) Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks *Zhurnal ekonomicheskoy geografii* [Journal of Economic Geography], no. 12(1), pp. 1–32. DOI: 10.1093/jeg/lbr019/.

25. Turgel, I. D., Chernova, O. A., Usoltceva, A. A. (2021) Resilience, robustness and adaptivity: Large urban Russian Federation regions during the COVID-19 crisis *Razvitiye territorii i politika* [Area Development and Policy]. DOI: 10.1080/23792949.2021.1973522

Статья поступила в редакцию 27.08.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 11.09.2024.

The article was submitted 27.08.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 11.09.2024.

Информация об авторах

А. А. Кисленок – кандидат экономических наук, руководитель отдела исследования социально-экономических процессов, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»;

М. В. Бурик – кандидат экономических наук, руководитель научных проектов, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования».

Information about the authors

A. A. Kislenok – Candidate of Economics, Head of the Research Department of Socio-Economic Processes, Federal Autonomous Research Institution «Eastern State Planning Center»;

M. V. Burik – Candidate of Economics, Project Team Leader, Federal Autonomous Research Institution «Eastern State Planning Center».

Научная статья

УДК 330.341.2

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-128-142

Смена поколений в предпринимательской среде: цифровой и технологический разрывы

Жан Жанович Чимитдоржиев¹, Татьяна Васильевна Мазанкова²,**Светлана Николаевна Басова³, Яна Владимировна Золотова⁴**

^{1, 2, 3} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия,

⁴ Тихоокеанский государственный университет, Высшая школа менеджмента, Хабаровск, Россия

¹ chimitdorzhiev-zz@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9148>

² mazankova-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-5781>

³ basova-sn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8346-890X>

⁴ rozohka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1965-8358>

Аннотация. Процесс смены поколений является жёстко детерминированным социобиологическим процессом. В рамках текущего исторического периода можно утверждать, что смена поколений в предпринимательстве протекает под воздействием революционных технологических процессов. Между поколениями растёт феномен «цифрового разрыва», каждое поколение имеет свои преимущества перед другими, и следующее молодое поколение обладает большими и глубокими компетенциями цифрового человека. Дополнительным катализатором акселерации процесса выступает государство, введение государственных стандартов в экономику и другие сферы социальной жизни человека побуждает предпринимателей адаптироваться к этим требованиям и переходить в формат цифрового человека. В рамках настоящего исследования проведён анализ нескольких кейсов с целью выявления особенностей смены поколений в предпринимательской среде. Полученные результаты показывают специфику смены поколений. Предприниматели поколения «X», которые начинали свой бизнес с 1990-х годов, замещаются на более обученных и грамотных предпринимателей, которые имеют чёткое понимание, как вести бизнес и куда двигаться, используя цифровые технологии. Мы наблюдаем следующую схему смены предпринимательских когорт: «X»→«Y»→«Z», связку «X»→«Y» можно описать как феномен «цифрового разрыва» и технологических переходов, а связку «Y»→«Z» мы расцениваем как более эволюционный переход от одной модели ведения бизнеса к другой более цифровизированной и технологичной модели. В данной связке мы не усматриваем глубокого «цифрового разрыва», поколение «Y» по отношению к поколению «Z» выглядит как «цифровой человек», вполне адаптированный к текущим цифровым технологиям.

Ключевые слова: поколения X, «Y», «Z», предпринимательская среда, информатизация, цифровой человек, неструктурированный опрос, наблюдение

Для цитирования: Чимитдоржиев Ж. Ж., Мазанкова Т. В., Басова С. Н., Золотова Я. В. Смена поколений в предпринимательской среде: цифровой и технологический разрывы // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 128–142. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-128-142>

Generational change in the business environment: digital and technological gap

Zhan Zh. Chimitdorzhiev¹, Tatiana V. Mazankova², Svetlana N. Basova³, Yana V. Zolotova⁴

^{1,2,3} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia,

⁴ The Pacific State University, Graduate School of Management, Khabarovsk, Russia

¹ chimitdorzhiev-zz@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9148>

² mazankova-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-5781>

³ basova-sn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8346-890X>

⁴ rozohka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1965-8358>

Abstract. *The process of generational change is a rigidly determined sociobiological process. It can be argued that the generational change in entrepreneurship is taking place within the framework of the current historical period under the influence of revolutionary technological processes. The phenomenon of the «digital divide» is growing between generations, each generation has its advantages over others and the next generation has greater and deeper digital human competencies. An additional catalyst for the acceleration of the process is the state, the introduction of state standards to the economy and other spheres of human social life encourages entrepreneurs to adapt to these requirements and switch to the digital human format. Several case studies have been analyzed within the framework of this study in order to identify the features of generational change in the business environment. The obtained results show the specifics of the generational change. Generation X, who started their business in the 1990s, is being replaced by more trained and competent entrepreneurs who have a clear understanding of how to run a business and where to move using digital technologies. We observe the following pattern of changing entrepreneurial cohorts: «X»→«Y»→«Z», the bundle «X»→«Y» can be described as a phenomenon of the «digital divide» and technological transitions and the bundle «Y»→«Z» is regarded as a more evolutionary transition from one model of moving business to another more digitalized and technologically advanced model. In this regard, we do not see a deep «digital divide», generation «Y» looks like a «digital person» in relation to generation «Z», fully adapted to current digital technologies.*

Keywords: cohorts, “X”, “Y”, “Z”, digital “natives” and “migrants”, business environment, information technology, digital human, unstructured survey, observation

For citation: Chimitdorzhiev Zh. Zh., Mazankova T. V., Basova S. N., Zolotova Ya. V. (2024) Generational change in the business environment: digital and technological gap *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 128–142. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-128-142>

Введение

Процесс смены поколений происходит со времён первобытного человека. Современный социум ничем не отличается от первобытного общества переходом доминирования от уходящего поколения к приходящему поколению. Первым в области изучения данного процесса стал немецкий учёный К. Маннгейм. В

1928 г. выходит его работа «Проблема поколений», где он представляет социологическую версию теории поколений, которая продолжает сохранять свою актуальность и свежесть методологических подходов. К. Маннгейм видит поколение как общность людей, объединённых общими признаками: с разницей в возрасте ± 10–12 лет, переживших одни и те же

исторические события: геополитические, социальные, культурные, экологические и т. д. в течение определённого промежутка времени; ставшие основополагающими в формировании габитуса поколения со своими ценностями, идеалами, культурой и т. д. Он пришёл к выводу, что процесс «смены поколений» является универсальным законом любого социума, базирующимся на биологическом ритме человеческой жизни и выдвинул тезисы:

- 1) «В культурном процессе появляются новые участники»;
- 2) «Старые участники этого процесса постепенно исчезают»;
- 3) «Члены любого данного поколения могут участвовать только в хронологически ограниченном отрезке исторического процесса»;
- 4) «Переход от поколения к поколению есть последовательный процесс» [Mannheim, 1958. С. 280].

Следуя его тезисам, можно сделать ряд заключений: старшее поколение формирует общий социологический контекст компетенций и опыта, с последующей передачей их поколениям, идущим за ним. В историко-временном континууме социума формируется совокупность различных поколений или когорт (рождённые в интервале $\pm 10-12$ лет, формировавшиеся в примерно одинаковых условиях). Передача компетенций происходит в рамках трёх поколений, поскольку знания имеют свойство устаревать и терять свою актуальность. К. Маннгейм [Mannheim, 1958. С. 289] вводит в научный дискурс три новых понятия:

1. Поколенное положение («Generationslagerung») – поколенный статус, который занимают люди определённого возраста в обществе. Каждое поколение занимает свое место в иерархии общества и имеет способность влиять на младшее поколение. Старшее поколение имеет высокий поколенный статус и формирует социальный контекст общественного пространства, в котором уже обитают как минимум два поколения, которые являются уже самостоятельными и активными акторами текущего исторического периода и которые активно взаимодействуют и пытаются занять более высокое

социальное положение вне зависимости от своего возрастного статуса.

2. Поколенная взаимосвязь («Generaltionszusammenhang») – в каждый социально-исторический момент, по мнению К. Маннгейма, старшее поколение обеспечивает преемственность, а младшее получает возможность для изменения. То есть во время трансфера компетенций и опыта формируется связь между поколениями и в зависимости от различных факторов определяется сила взаимосвязи: «... с одной стороны, плавный эволюционный процесс, так как социальная связь между поколениями никогда не прерывается, с другой стороны, каждое новое поколение может привнести в этот процесс что-то своё, в зависимости от своего уникального опыта, чем и обеспечивается поколенческое единство» [Mannheim, 1958. с. 400]. По мнению Л. Н. Гумилева [Гумилев, 2008], во время смены поколений может возникнуть ситуация, когда происходит выброс социальной энергии через реализацию своего пассионарного потенциала. Как правило, это какие-то революционные процессы, которые вызывают трансформационный слом в обществе, в результате чего происходит деформация социума, ведущая к мутациям через механизмы селекции или элиминации каких-либо компонентов из процесса трансформационного слома.

3. Поколенное единство («Generationseinheit») – это процесс формирования идентичности своей когорты, формирование единой аксиологической позиции по наиболее кардинальным ценностям когорт, выработка конгруэнтных позиций по важнейшим проблемам конкретного социально-исторического периода, тем самым формируя свою будущую среду обитания, где будут реализованы новые практики, отличные от старшего поколения. К. Маннгейм [Mannheim, 1958] выделяет пубертатный возраст как критический период для формирования аксиологического габитуса и юношеского мировоззрения, и если в этот момент происходит какое-либо важное событие, то влияние этого события будет критичным в формировании поколенного единства и данная когорта будет вырабатывать свой уникальный поведенческий паттерн под влиянием этого события.

Когорта, формируясь в контексте любого крупного события, которое повлекло за собой серьёзные перестройки в обществе и оказало мощное влияние на мысли и чувства, оставило сильный след в общественном сознании, выработает свой уникальный габитус, характерный только для этой когорты. В результате этого конкретная когорта формирует свою уникальную социальную идентичность и поведенческий паттерн на основе коллективного опыта и сознания, формирует мировоззрение индивидуума [Юнг, 1998].

К. Маннгейм выделяет эволюционный путь смены поколений как более плавный переход от одного поколения к другому и допускает, что смены в периоды ускоренных изменений, в частности научно-технический процесс, могут протекать более быстро в форме революционных изменений. При этом когорты подвергаются сильной дифференциации по разным признакам (технологической вооружённости, местоположению, классу и т. д.), поэтому они могут рассматривать разные события под разным углом и, следовательно, социум не является полностью однородным, а представляет собой своеобразную мозаику когорт. Ковин пытается решить эту проблему, привлекая теорию габитусов Бурдьё: «Это объясняется как неоднородностью социальных условий, например, в городе и деревне, в центре и на периферии, так и различием габитусов у представителей разных социальных сообществ. Иными словами, «поколенческие» черты всегда будут соединяться с габитусными установками, что порождает не типовые «Y» и «Z», а бесконечное многообразие практик и смыслов. ... неравномерность смены поколений может быть рассмотрена в территориальном, географическом, пространственном и в социальном измерении.

Недостатком существующих теорий является то, что они рассматривают общество слишком однородно, без учёта его территориальной и социальной дифференциации» [Ковин, Лысенко, 2019], в целом можно согласиться с этой позици-

ей. В то же время следует отметить, что К. Маннгейм разработал универсальную теорию смены поколений и её основные закономерности, но она была дополнена другими исследователями. Высказывание Ковина по части сегрегативности смены поколений, требует своего дополнительного исследования, также как и специфика конкретного региона, общества и т. д., и носит в большей мере частный характер.

Интересные теоретико-методологические разработки в области смены поколений были у известного антрополога Маргарет Мид [Мид, 2007]. Она выстроила оригинальную концепцию культурно-исторического процесса «Generaltonszusammenhang», в которой поколения взаимодействуют, исходя из доминирующих в обществе механизмов трансляции знаний. Согласно Мид, отношения между поколениями определяются принадлежностью общества к одному из трёх типов культур:

1) постфигуративная культура, где существенную роль играет старшее поколение в трансфере своих компетенций и опыта к младшему; в таких традиционных обществах дети знают столько же, сколько знают отцы, и унаследуют все знания, данные отцам. Для этого традиционного общества характерен SPOD-мир¹, в котором смена поколений протекает в эволюционном режиме без значимых потрясений, однообразно – «завтра то же, что и вчера»;

2) кофигуративная культура (индустриальное общество), где опыта старших поколений уже не хватает для принятия верного решения, и молодёжь больше ориентируется на сверстников и на их одобрение. В обществе, основанном на кофигуративной культуре, активно формируются юношеские и молодёжные группы, сильна молодёжная солидарность, возможны конфликты между поколениями. Здесь родители не могут научить своих детей всему, что им требуется в жизни;

3) префигуративная культура, где темп социальных, экономических и технологических изменений очень существенен,

¹ SPOD – Steady – устойчивый; Predictable – предсказуемый; Ordinary – простой; Definite – определённый. URL: <https://www.dekanblog.ru/2022/09/strategicheskii-menegement/abbreviatury-spod-vuca-bani-plyus-pdca-i-hadi>

а принимать правильные решения, чтобы выстроить успешную жизнь опираясь только на опыт старших поколений, уже невозможно. «Ещё совсем недавно старшие могли говорить: «Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым». Но сегодня молодые могут им ответить: «Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь» [Мид, 2007, с. 360], сегодня мы можем утверждать, что живём в эпоху SHIVA-мира², это период смены старого мира на новый, когда идёт разрушение привычного устройства общества, меняется кардинально мировоззрение, реальность приобретает совершенно иную архитектуру.

Современный мир цифровых технологий и необычайно высокая скорость изменений во внешнем мире ведёт к активным мутационным процессам и различным девиациям среди молодёжи. Поколение бунтарей 1960-х годов принадлежало именно к третьему типу культуры [Мид, 2007; Талкотт, 2018]. «Теория поколений – продукт индустриальной эпохи. Если в традиционном обществе дети наследовали социальное положение и даже тип занятости от родителей, то после промышленной революции на фоне стремительно меняющегося мира возникла мысль, что каждое новое поколение обладает особыми качествами, обусловленными переменами в технологиях, политике, культуре и т. д.» [Гурова, 2016. С. 80].

Современный мир становится суперсложной нелинейной системой с выраженной тенденцией дальнейшего усложнения; динамика изменений принимает характер шоковой гипертурбулентности, появляются непредвиденные события, имеющие непредсказуемые последствия («чёрные лебеди»); скорость развития научно-технического прогресса (НТП) резко ускорилась, светлые промежутки между технологическими революциями сокращаются, они уже исчисляются не несколькими поколениями, а приближаются уже к межпоколенным интервалам.

Соответственно, требуются своевременные и адекватные ответы со стороны социума, в частности от предпринимательского сообщества. Как ранее писали [Чимитдоржиев, 2022. С. 105], «После длительных изысканий в части стратегии развития России и понимания её места в мировом миропорядке стало понятно, что спасение – в развитии цифрового общества. В этой связи необходимо заметить, что государство не отстает от бизнеса и становится своеобразным принудительным катализатором развития цифровых технологий. Катализирующая роль государства обрела институциональное основание после послания Президента РФ федеральному собранию 1 декабря 2016 года: «Предлагаю запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики»³.

28 июля 2017 г. была утверждена программа экономики нового технологического уклада. Согласно данной программе, существует несколько уровней цифровой экономики: «Уровень, который служит как среда для развития платформ, обеспечивающих взаимодействие экономических отраслей и субъектов рынка. Также сюда относят нормативно-правовое регулирование и информационные отрасли, включая те, которые созданы для решения проблем безопасности. Рыночно-отраслевой уровень: здесь речь идёт о взаимодействии между поставщиками и потребителями товаров и услуг. Платформенно-технологический уровень, который объединяет в себе стратегии для развития отраслевой экономики и рынка» [Цифровая экономика в России. С. 15].

Государство стало активно трансформировать свои процессы, переводя их в цифровую модель «Электронное правительство», в качестве примера можно привести трансформацию Федеральной налоговой службы, что привело к смене

² SHIVA – Split – расщепленный; Horrible – ужасный; Inconceivable – невообразимый; Vicious – беспощадный; Arising – возрождающийся. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/62866fde9a794701a4c38ae4?from=sory>

³ Послание Президента РФ федеральному собранию 1 декабря 2016 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>

⁴ Цифровая экономика в России. URL: <https://fb.ru/article/334484/tsifrovaya-ekonomika-v-rossii>

поколения главных бухгалтеров, и где ярко проявился феномен «Цифрового разрыва» (неравенства в цифровом образовании) [Прохоров, 2019].

Таким образом, в текущем моменте смены поколений мы можем выделить как минимум две особенности: государство – катализатор и феномен «цифрового разрыва». М. Пренски⁴ выделяют Digital natives & Digital immigrants, которые сменяют друг друга по мере развития цифровых технологий, требующих новых компетенций. Вот как идентифицирует эти поколения Пошехонова: цифровые иммигранты (Digital immigrants) – это старшее поколение, те, кто чувствует себя в цифровом мире неуютно и неуверенно; цифровое поколение (Digital natives) – это младшее поколение, выросшее в мире цифровых технических приспособлений, и не представляющее свою жизнь без них [Пошехонова, 2018]. Пренски вводит в научный дискурс новые дефиниции: Homo sapiens digital, или Human digital – «цифровой человек» (для которого технологии являются неотъемлемой частью жизни в самых различных сферах). При этом «цифровой человек» может как принадлежать к цифровому поколению, так и быть хорошо адаптировавшимся цифровым иммигрантом⁵.

Методология исследования

При обзоре доступной литературы мы использовали монографический метод анализа источников и выделили основные теоретико-методологические подходы для верификации рабочих гипотез.

В работе мы использовали метод когортного анализа, с помощью которого были сформированы три исследуемые группы, которые стали исходными поколениями для исследования:

1) в группу «Х» попали люди, рождённые в период с 1949 по 1970 гг., столь длительный интервал взят с учётом дефиниции «цифровые иммигранты», и именно это поколение в настоящее время занимает руководящие посты в предпринимательской и государственной среде;

2) поколением «У» стали рождённые в

1980–1999 годы, так называемые «миллениалы», подпадающие под дефиницию «цифровой человек».

3) основной костяк поколения «Z» составили рождённые в 2000–2010 годах – это чистое «цифровое поколение», родившееся и выросшее в цифровой среде.

Из качественных методик мы использовали метод наблюдения, в частности метод лонгитюдного наблюдения с конца 1980-годов и по настоящее время. Это позволило наблюдать за поколениями «Х» и «У», соответственно «отцов» и «детей», эволюционное развитие их семейных бизнесов. Поколение «Z» нами идентифицировано, как «когорта младших братьев и сестёр, внуков».

В качестве дополнения мы использовали неструктурированный опрос во всех трёх группах. Опрашивали в группе «Х» собственников бизнеса, в группе «У» детей, уже получивших доступ к семейному бизнесу. Студенты автоматически попали в группу «Z», наблюдение и интервью с ними показали, что они имеют свой собственный особый взгляд на смену поколений и жизненные стратегии.

Результаты и обсуждение

Рабочей гипотезой к нашему исследованию послужило предположение, что одной из движущих сил развития предпринимательского дела в городе Хабаровске является смена поколений. Следующим предположением стало то, что именно «цифровой разрыв» становится драйвером процесса смены поколений. По нашему мнению, именно этот феномен лежит в природе смены поколений в различных сферах экономики в настоящий исторический период. В рамках процесса целеполагания ставится задача «формирование подходов к организации производственных отраслей, отрасли торговли, сферы услуг, учитывающих достижения цифровой экономики и эффективных в условиях формирования и развития глобального цифрового пространства», что подразумевает под собой активное внедрение цифровых технологий сверху. Это усиливает проявление «цифрового разры-

⁵ Prensky M. H. *Sapiens Digital: From Digital Immigrants and Digital Natives to Digital Wisdom* [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.wisdompage.com/Prensky01.html> (date of access: 21.03.2018)

ва» [Чимитдоржиев, 2022. С. 107].

Наши лонгютюдные наблюдения за бизнес-сообществом в городе Хабаровске выявили интересный феномен. Среди предпринимателей поколения «X», которые начали свой путь предпринимателя в «лихих 90-х», от кооператора до успешного предпринимателя (собственник бизнеса или топ-менеджер), наблюдается синдром накопленной усталости. Основная симптоматика проявляется в непонимании новых правил, предложенных государством; нежелание работать в новых условиях; мощный психологический барьер, при отказе от методов ведения бизнеса «по понятиям»; вялость и нежелание внедрения инноваций; отсутствие понимания новых цифровых технологий и инструментов, и самое важное – нежелание учиться. Мы это связываем с чисто медико-биологическими факторами – уже с 25 лет начинают снижаться когнитивные функции, память, скорость мышления и реакция и т. д.; существует серьёзный разрыв в понимании философии жизни новых поколений, особенно поколения «миллинеариумов» и «зумов»; желание передачи бизнеса своим детям, отхода от дел и занятия только тем, чем хочется. Наблюдается истощение пассивного заряда [Ожерельева, 2012].

Поколению «X» крайне сложно конкурировать со следующими за ним поколениями «Y» и «Z». Если разбирать исходные позиции поколений, то кроме высоких социально-экономических статусов поколению «X» практически нечего предъявить в конкурентной борьбе. Учитывая скорость НТП и изменений во внешней среде, можно предположить, что слишком много ресурсов придётся потратить, чтобы хотя бы не отстать от лидеров. В свою очередь, поколение «Y» может предложить молодость и нерастраченный пассивный запас; высокую скорость обучения современным IT-технологиям; высокий уровень мотивации, чтобы стать «цифровым человеком»; высокие адаптивные способности; возможность предпринимательского или карьерного роста.

Наиболее выгодные позиции у поколения «Z». Это аутентичное цифровое поколение, это люди, выросшие с цифровыми

технологиями, прямо с раннего возраста они с ними и не мыслят свою жизнь без них, именно они активно пользуются и продвигают в предпринимательскую среду эти технологии. Если их подвергнуть депривации, то стресс может носить деструктивный характер для неокрепшей высшей нервной деятельности.

Резюмируя краткий анализ позиций на конкурентном поле, необходимо признать, что поколение «Z» является наиболее перспективным актором в бизнес-среде; поколение «Y» обладает более устойчивой нервной системой, накопленным определённым опытом. Они более адаптивны к неопределённости внешней и внутренней среды, у них уже есть представление о бизнесе и о том, как его развивать.

Поколение «X» может только предъявить свой поколенный статус и богатый опыт, но в то же время, мы наблюдаем гигантский цифровой разрыв, это невозможно ликвидировать. Кроме того, поколение «Y» и «Z», идущие вслед поколению «X», это совершенно иная когорта предпринимателей – обученные и образованные люди. Начиная с поколения «Y» государство ввело в систему образования рыночные дисциплины: маркетинг, менеджмент, финансы, экономику и т. д.

Поколения «Y» и «Z» владеют современными цифровыми технологиями, начиная со школьной системы образования, осваивают базовые цифровые технологии с уровня среднего и высшего специального образования, они начинают осознавать значимость цифровых технологий в бизнесе, с этого момента они начинают практиковаться в бизнесе.

Киберпространство предлагает своим пользователям безграничные возможности. Сейчас они ещё по инерции начинают свой бизнес или продвижение в социальных сетях. Но в ответ на стремление стран коллективного Запада санкциями добиться изоляции Российской Федерации они задумались, и занялись поиском платформ, предлагающих новые технологии и возможности. В динамичной внешней среде у этого поколения возникает понимание как вести бизнес в новых условиях, компетенции и опыт, полученные в учебных заведениях, по-

звонят ему сформировать свой взгляд на заработки в новых условиях, создать свою философию будущей бизнес-модели, которую они успешно реализуют по выходу в жизнь. При этом более активно используются новые инструменты цифровой экономики, и на них опирается государство, формируя благоприятную среду для их развития и продвижения бренда «Цифровая Россия» [Цифровая экономика в России]⁴.

Один из наших информантов (1967 года рождения) – объект нашего наблюдения с 1991 г., имеет собственный бизнес (с 2006 г. ведёт единоличный бизнес), имеет двух взрослых дочерей (они уже создали собственные семьи). Этот информант имеет высшее инженерное радиоэлектронное образование, которое ему позволяет достаточно быстро осваивать новые информационные технологии. Он обладает системным аналитическим мышлением, пытливым и критичным умом. Рост и развитие данного информанта как профессионала состоялись в реформенный период, когда в стране начинались радикальные социально-экономические изменения и переход к совершенно новой рыночной формации. В этот момент в страну начало поступать зарубежное промышленное и бытовое оборудование ведущих мировых производителей. Поскольку он сразу попал в высокотехнологичную компанию, которая занималась поставками компьютерной техники и прикладных компьютерных программ, его сознание представляло собой своеобразную *Tabula Rasa*⁶, что позволило ему на базовые компетенции, полученные в институте, наложить богатый практический материал, полученный из зарубежного опыта ведущих компаний мира. В скором времени компания подписала дилерский контракт с одной из ведущих глобальных компаний по производству оргтехники. Информант вошёл в эту аффилированную компанию, долгие годы работы по продвижению компании на рынок оргтехники и оперативной полиграфии позволили ему в 2006 году создать собственную компанию.

В настоящее время трансформационные процессы, происходящие в бизнес-среде, создают дополнительные барьеры для ведения своего дела. Действия государства, как полноценного актора в этом поле, приводят к тому, что работать становится все сложнее и противоречивей. Информанта раздражает факт избыточного присутствия государства в бизнес-среде, пытающегося сформировать ее так, чтобы все играло по его правилам. Из последних бесед с информантом мы выявили у него накопленную усталость, так как даже будучи «цифровым человеком» он все сложнее адаптируется в условиях инновационных изменений и новых правил, которые приносит государство.

Старшая из дочерей уже начинает входить в семейный бизнес (это уже поколение «Y»), имеет высшее экономическое образование, с малых лет помогала с сестрой родителям вести бизнес; имеет «нуклеарную семью»: муж, два разнополых ребенка. В целом она декларирует, что готова принять отцовский бизнес.

Второй информант родился в 1959 г. и в панель наблюдения попал в 2000 г. Имеет собственный официальный бизнес с 1994 г., планируемой деятельностью была оптовая и розничная торговля, но в 1996 г. бизнес был перепрофилирован в досуговый центр с полноценной кухней. В 1998 г. он перепозиционирует свой досуговый центр и открывает свой первый ресторан на месте прежнего предприятия, которое находилось на самом пике своего жизненного цикла, важно, что ресторан был открыт им в августовский дефолт 1998 г., что характеризует его как человека, обладающего сильным пассионарным потенциалом.

В процессе наблюдения мы выделили следующие качества в характере информанта: целеустремленность, трудолюбие, смелость и мужество, способность решать вопросы в нелегитимном поле, высокую социальную ответственность перед семьей и персоналом. В 2015 г. получил диплом магистра в области коммерции. При этом он отмечает, что не считает себя человеком информационного века,

⁶ *Tabula Rasa* (лат.) – «чистая доска»

но имеет чёткое понимания важности цифровых технологий в конкурентной борьбе. На предприятии внедряет новое программное обеспечение и программно-аппаратный комплекс для автоматизации «R-keeper». Это был первый шаг в оцифровывании бизнес-процессов на предприятии, комплекс помог предприятию перейти на новый качественный уровень менеджмента, бизнес стал более эффективным и прозрачным, упростились процедуры контроля и учёта. Следующим объектом оцифровывания бизнес-процессов стала бухгалтерия, в которую внедрили CRM 1 С, работа оптимизировалась и стала эффективной, многие операции переведены в автоматизированный режим. Другой инновацией стала система видеонаблюдения, внедрённая по инициативе собственника. Система предназначена для разрешения конфликтных ситуаций, регулярно возникающих на предприятиях компании, усиления контроля за трудовой дисциплиной персонала, предотвращения воровства и пьянства на рабочем месте.

В этом случае мы наблюдаем тривиальный семейный кризис [«X» — «Y» + «Z»]. Со слов данного информанта, ни взрослая дочь, ни восемнадцатилетняя внучка не имеют ни малейшего желания принять семейный бизнес, что ставит его в сложную ситуацию, и у него остаётся только один путь – искать доверенного управляющего. «Я готов отдать под внешнее управление свои предприятия, получать определённую долю прибыли, и жить в своё удовольствие в Сочи, путешествовать по миру». В одной из бесед он признался, что «устал от бизнеса, не понимаю новых правил игры, не успеваю за изменениями внешней среды, не понимаю молодое поколение, раньше проблемы решались достаточно просто, но теперь сплошная бюрократизация и формализм, перевод спорных ситуаций в правовое поле». Габитус предпринимателя 90-х гг. устойчиво сохраняется, привычка решать вопросы в стиле 90-х порой мешает в современных реалиях. Это привело данного информанта в состояние демотивации и дезориентации, подтолкнула принять «новые ценности и новых богов» [Дюркгейм, 1996, Мертон, 1966] и нало-

жилось на его «anamnes vita»⁷. С периода 2010 года мы наблюдаем истощение его пассионарного заряда, начало синдрома «накопленной усталости», обусловленного тем, что в этот период произошёл рейдерский захват одного из его предприятий. Накопленный капитал, потери своих друзей, партнёров в различных жизненных ситуациях привели его к жизненной стратегии самосохранения.

Из поколения «Z», мы выбрали третьего информанта в возрасте 21 года, который в 2023 году окончил высшее учебное заведение. Его мать (1974 года рождения) является единоличным владельцем бизнеса. Данное информанта можно охарактеризовать как целеустремлённого, работоспособного, умеющего расставлять приоритеты и работать в условиях многозадачности. Как всякий молодой человек он уверенно работает со всеми гаджетами, девайсами и приложениями в своей повседневной деятельности. Мы идентифицировали информанта как «цифрового человека» (Digital Natives), это поколение по своей сути уже нативно, поскольку оно живёт и развивается в цифровую эру – в окружение всевозможных технических устройств и приложений, беспрепятственного доступа в Интернет, созданной электронной среды. Из слабых сторон представителя этого поколения следует отметить слабую подготовленность в юридическом плане, характерный молодёжный нигилизм. В этом плане поколение «X» более конкурентно, поскольку за годы своей предпринимательской деятельности оно усвоило урок – «Закон надо соблюдать», и поэтому перманентно мониторит законодательную базу, так как та имеет свойство динамически меняться.

Благодаря электронной среде «Электронное правительство», в частности справочно-правовым системам или информационно-правовым системам, упрощается система мониторинга законодательной базы, и мы считаем, что поколению «Z» не составляет труда отстроить свою систему мониторинга. Также слабой стороной поколения «Z» мы отмечаем низкую культуру работы с информацией. В отличие от старших поколений, поко-

⁷ *История жизни*

ление «Z» имеет базовый уровень информационной культуры. «Информационная культура, ... может быть охарактеризована следующим образом. Информационно грамотный человек умеет учиться, то есть понимает, как организовано знание, где и как найти информацию, может научить других пользоваться ею» [Уразова, 2010. С. 155].

Третий информант уже в студенческие годы (с 2020 г.) активно участвовал в бизнесе матери: «Мать взяла функции переговорщика, работу с поставщиками, ну, а я взяла на себя бухгалтерию и продвижение». В период пандемии с помощью SMM технологий ему удалось удерживать на прежнем уровне объём продаж, повысить узнаваемость бренда и даже нарастить продажи через социальные сети. По мнению информанта, «родители делегировали полномочия по развитию электронной коммерции в компании. Все проходило при полном доверии, я получила полный карт-бланш, все управленческие и коммерческие процедуры: стратегический и операционный маркетинг, ценообразование, продвижение были на моей совести». Обладая компетенциями в цифровой сфере, информанту удалось продвинуть свой магазин, используя SEO, баннерную и контекстную рекламу и т. д., добиться высокого уровня узнаваемости у целевой интернет-аудитории.

По нашему мнению, системообразующим элементом семейного бизнеса является доверие, так как этот социальный капитал, позволяет поколению «X» передавать свои капиталы следующему поколению «Y» или «Z». Семья является атомическим уровнем социальной организации где формируется социальный капитал и его составная – доверие [Фукуяма, 2004]. В то же время феномен отцов и детей и связанный с ним конфликт поколений имеют в своей основе противоречие в ценностях, низкий уровень сплочённости семьи, наличие «цифрового разрыва», различный уровень владения циф-

ровыми технологиями. Поколение «X» входит в конфронтацию с поколениями «Y» и «Z», из этого столкновения вытекает – старшее поколение не имеет желания передавать свои накопленные капиталы младшему, поскольку не формируется достаточный уровень доверия. В нашем случае третий информант родился и вырос в корейской семье, для которой характерна фамилистическая структура общества, где главенствуют кровные узы, родовые связи. Вследствие этого в семье формируется высокий уровень доверия своему ребёнку в семейном бизнесе.

Обращаясь к другим исследованиям, можно выделить национальный отчёт Высшей школы менеджмента СПбГУ «Глобальный мониторинг предпринимательства», проведённый в России 2021–2022 гг.⁸ Согласно его результатам, мы можем судить о смене поколений в предпринимательской среде по предпринимательской активности различных когорт (рис. 1).

«Самая возрастная группа (55–64 года) по-прежнему стабильно менее остальных вовлечена в предпринимательство, а после пика предпринимательской активности в 2020 году для неё отмечается заметное снижение (2020–6,3%, 2021–5,2%)»⁹.

Результаты в целом корреспондируются с нашим исследованием. Из отчёта видно, что старшее поколение уже не проявляет такой предпринимательской активности, которую демонстрируют молодые люди. Можно предполагать, что у старшего поколения проявляется синдром накопленной усталости, и столкнувшись с «чёрными лебедями», они демотивировались и резко снизили свою предпринимательскую активность. Глобальные «ковидовские» ограничения привели к кардинальному изменению бизнес-среды и бизнес-модели, поколению «X» пришлось в экстренном режиме переходить на новые бизнес-модели. У многих предпринимателей это вызвало шок, снижение адаптивного потенциала и пассивной активности. Закономерно когорты поколения

⁸ Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2021–2022. Национальный отчёт. СПб.: Высшая школа экономики Санкт-Петербургского государственного университета, 2023. 101 с.

⁹ Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2021–2022. Национальный отчёт. СПб.: Высшая школа экономики Санкт-Петербургского государственного университета, 2023. 101 с. (с. 49)

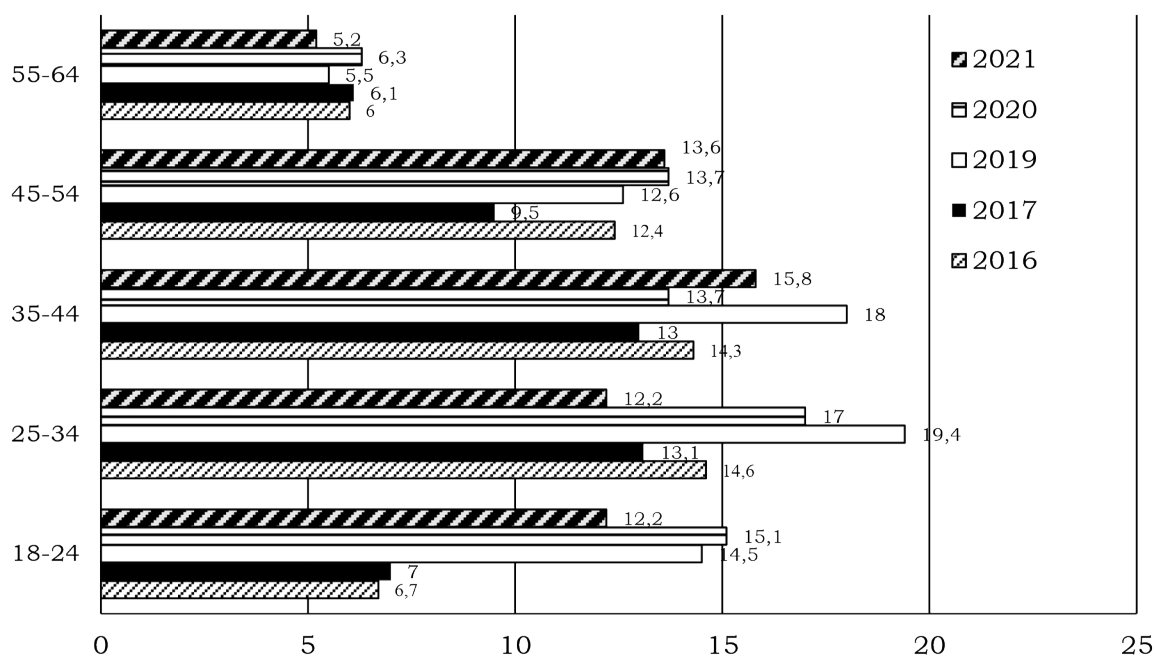

Рис. 1. Предпринимательская активность представителей различных возрастных групп, 2016–2021, %⁹

«Y» проявляют более высокую предпринимательскую активность и «чёрные лебеди» для них становятся определёнными вызовами их амбициям, компетенциям и т. д. Имея высокий пассионарный потенциал, необходимые компетенции они смогли справиться с вызовами и угрозами внешней среды. Достаточно быстро они стали использовать новые бизнес-модели, третий информант продемонстрировал свои возможности ведения бизнеса в онлайн-среде. Современные цифровые технологии позволяют предпринимателям «Y» и «Z» быстро переключаться на различные бизнес-модели, и на наш взгляд обширность цифровых технологий имеющиеся в репертуаре у предпринимателя, будут определяющими в конкурентной борьбе и изменениям происходящими во внешней среде (SHIVA-мир).

Низкую активность устоявшихся предпринимателей (3,4%), можно объяснить тем, что в эту группу попали предприниматели поколения «X», и наши результаты показывают, что первый и второй информанты довольно серьёзно свернули свой бизнес, мотивируя это тем, что бизнес-среда сильно изменилась в не-

благоприятную для них сторону. Активность устоявшихся предпринимателей (верхняя строчка рис. 2) можно попытаться объяснить тем, что в эту группу попали предприниматели возраста поколения «Y» и «Z». Учитывая их пассионарный заряд и вооружённость цифровыми технологиям, мы предполагаем, что они проявляют самый высокий уровень активности, поскольку предприниматели поколения «X» начинают снижать свою предпринимательскую активность и уходить с рынка, молодые предприниматели пытаются занять свою долю рынка, и SHIVA-мир весьма способствует этому.

В группе ранних предпринимателей 56% готовы инвестировать в цифровые технологии ведения бизнеса, видя в них перспективное направление¹⁰, что в целом понятно. Именно цифровые технологии позволяют быть конкурентоспособными и гибкими в SHIVA-мире. Наш третий информант относится к этой группе, именно он привнес цифровые технологии в семейный бизнес и активно их развивает, бесконечно улучшая бизнес-приложения и выстраивая оптимальную архитектуру бизнеса, гибридируя он-

¹⁰ Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2021–2022. Национальный отчёт. СПб.: Высшая школа экономики Санкт-Петербургского государственного университета, 2023. 101 с. (с. 76).

Рис. 2. Уровни предпринимательской активности в России, 2010–2021, % от взрослого трудоспособного населения⁹

лайн- и оффлайн технологии.

Другое исследование посвящено актуальной теме сопротивления сотрудников внедрению инноваций. В данном случае мы посчитали возможным экстраполировать данные этого исследования на свои результаты. Багратиони и Тернер выделили 6 кластеров сотрудников, которые в той или иной мере оказывали сопротивление инновациям, начиная от «оппозиционеров» заканчивая «пассивными» [Bagrationi K., Thurner T., 2023]. По мнению исследователей, большинство менеджеров среднего звена находятся в комфортной зоне, которую они наработали за долгие годы, которую они корреспондируют с нашими результатами. Поколение «X» находится в зоне комфорта и что-либо радикально менять у них нет желания. Однако поколение «X» не проявляет готовности к серьёзным информационным перегрузкам и усваиванию нового материала. У наших респондентов есть чёткое представление о том, что, несут им цифровые технологии, и как поменяется внутриорганизационная структура, корпоративная культура, ценности и бизнес-процессы [Srivastava,

Shainesh, 2015, Battilana et al., 2010]. Их пугает будущая неопределённость и нестабильность, которая будет внесена инновациями в экосистему бизнеса, но это тема отдельного исследования.

Заключение

Таким образом, мы можем наблюдать процесс замещения поколения «X», которое начинало свой бизнес с 1990-х годов, на более обученных и грамотных предпринимателей, имеющих более чёткое понимание, как вести бизнес и куда двигаться, используя цифровые технологии. Схему смены предпринимательских когорт: «X»→«Y»→«Z», связку «X»→«Y» можно описать, как феномен «цифрового разрыва» и технологических переходов, а связку «Y»→«Z» мы расцениваем, как более эволюционный переход от одной модели ведения бизнеса к другой, более цифровизированной и технологичной модели. В данной связке мы не усматриваем глубокого «цифрового разрыва», поколение «Y» по отношению к поколению «Z» выглядит как «цифровой человек», вполне адаптированный к текущим цифровым технологиям.

Список источников:

1. Гумилев, А. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2008. 736 с. EDN: QKUJAT
2. Гурова, И. М., Евдокимова, С. Ш. Теория поколений: современное развитие и прикладные аспекты // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2016. № 14. С. 78–86. EDN: ХНХРСТ
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана,

- примечания В. В. Сапова. – М.: Канон, 1996. 432 с. EDN: ZHQEIJ
4. Ковин, Е. А., Лысенко, О. В. Теория поколений в контексте социологии управления // Научный результат. Социология и управление Том 5. Выпуск № 4, 2019. С. 151–162. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-13. EDN: CEXVYA
 5. Левада, Ю. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7–14. EDN: НТМНІР
 6. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – Москва, Издательство «Прогресс», 1966. С. 299–313. EDN: НТМНІР
 7. Мид, М. Культура и мир детства / пер. Ю. А. Асеева. – Москва : Директ-Медиа, 2007. 878 с.
 8. Ожерельева, О. Трансформация предпринимательской пассионарности в современной России // Бренное и вечное. Человек в пространстве российской государственности: мифология, идеология, социокультурная практика: материалы Всерос. науч. конф. 13–14 декабря 2011 г. – Великий Новгород, 2012. С. 247–251.
 9. Парсонс Т. Социальная система. – М.: Академический проект, 2018. 530 с.
 10. Пошехонова, В. А. Образовательная гуманитарная технология цифрового поколения // Педагогическое образование в России. 2018. № 5. С. 13–20. DOI: 10.26170/ro18-05-02. EDN: ХРСХЕD
 11. Прохоров, А., Коник, Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: ООО «КомНьюс Групп», 2019. 368 с.
 12. Уразова, А. В. Информационная культура личности и информационная культура общества в России // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 6. С. 154–158. EDN: NXAMYN
 13. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. – М.: изд. АСТ, 2004. 730 с.
 14. Чимитдоржиев, Ж. Ж. Влияние цифровых технологий на смену поколений предпринимателей // Новые бизнес-модели цифровой экономики в субъектах РФ: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 21 марта 2022 года : в 2 ч. Ч. I / отв. за выпуск Т. С. Бойко, Я. В. Золотова, Э. А. Гасанов. – Хабаровск : ХГУЭП, 2022. 104–108 с. DOI: 10.38161/978-5-7823-0753-0-2022. EDN: YXIIYTX
 15. Абдрахманова Г. И., Вишневский К. О., Гохберг Л. М. и др. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / науч. ред. Л. М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с. EDN: DOBQRF
 16. Юнг К. Психологические типы / Пер. с нем. С. А. Лорие. – М.: Университетская книга; АСТ, 1998. 720 с.
 17. Bagrati, K., Thurner, T. (2023) Middle Management’s Resistance to Digital Change. *Foresight and STI Governance*, 17(2), 49–60. DOI: 10.17323/2500-2597.2023.2.49.60
 18. Battilana J., Gilmartin M., Sengul M., Pache A.C., Alexander J.A. (2010) Leadership competencies for implementing planned organizational change. *The Leadership Quarterly*, 21(3), 422–438. <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2010.03.007>
 19. Mannheim K. *The Problem of Generations* // *Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge & K. Paul, 1958.
 20. Srivastava S.C., Shainesh G. (2015) Bridging the service divide through digitally enabled service innovations. *MIS Quarterly*, 39(1), 245–268. <https://doi.org/10.25300/MISQ/2015/39.1.11>

References:

1. Gumilev, L. N. (2008) *Ethnogenesis and the Earth’s Biosphere*. М.: Eksmo. 736 p. EDN: QKIJAT (in Russ.).

2. Gurova, I. M., Evdokimova, S. Sh. (2016) Theory of Generations: Modern Development and Applied Aspects Aktual'nyye voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Actual Issues of Innovative Economics], no. 14, pp. 78–86 EDN: XHXPCT (in Russ.).
3. Durkheim, E. (1996) On the Division of Social Labor / Translated from French by A. B. Hoffman, notes by V. V. Sapov. M.: Canon, 432 p. EDN: ZHQEIJ (in Russ.).
4. Kovin, E. A., Lysenko, O. V. Theory of Generations in the Context of Management Sociology Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye [Scientific Result. Sociology and Management], vol. 5, no. 4, 2019, pp. 151–162 DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-13. EDN: CEXVYA (in Russ.).
5. Levada, Yu. (2001) Generations of the 20th Century: Research Possibilities Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 5, pp. 7–14 EDN: HTMNIP. (in Russ.).
6. Merton, R. K. (1966) Social Structure and Anomie Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennyye burzhuaznyye teorii) [Sociology of Crime (Modern Bourgeois Theories)]. Moscow, Progress Publishing House, pp. 299–313. EDN: HTMNIP. (in Russ.).
7. Mead, M. (2007) Culture and the World of Childhood / trans. Yu. A. Aseev. Moscow: Direct-Media, 878 p. (in Russ.).
8. Ozherelyeva, O. (2012) Transformation of entrepreneurial passionarity in modern Russia. Mortal and eternal. Man in the space of Russian statehood: mythology, ideology, socio-cultural practice: materials of the All-Russian scientific conf. December 13–14, 2011. Veliky Novgorod, pp. 247–251 (in Russ.).
9. Parsons, T. (2018) Social system. Moscow: Academic project, 530 p. (in Russ.).
10. Poshekhonova, V. A. (2018) Educational humanitarian technology of the digital generation Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii [Pedagogical education in Russia], no. 5, pp. 13–20 DOI: 10.26170/po18-05-02. EDN: XPCXED (in Russ.).
11. Prokhorov, A., Konik, L. (2019) Digital transformation. Analysis, trends, world experience. Second edition, revised and supplemented. M.: OOO «KomNews Group», 368 p. (in Russ.)
12. Urazova, A. V. (2010) Information culture of the individual and information culture of society in Russia Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta Bulletin of the Stavropol State University, no. 6, pp. 154–158 EDN: NXAMYH.(in Russ.).
13. Fukuyama, F. (2004) Trust: social virtues and the path to prosperity / Translated from English. M.: ACT publishing house, 730 p. (in Russ.).
14. Chimitdorzhiev, J. J. (2022) The Impact of Digital Technologies on the Change of Generations of Entrepreneurs. New Business Models of the Digital Economy in the Subjects of the Russian Federation: A Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation on March 21, 2022: in 2 parts. Part I / responsible for the issue T. S. Boyko, Ya. V. Zolotova, E. A. Gasanov. - Khabarovsk: KSUEL, 104–108 p. DOI: 10.38161/978-5-7823-0753-0-2022. EDN: YXIYTX (in Russ.).
15. Abdrakhmanova, G. I., Vishnevsky, K. O., Gokhberg, L. M., et al. (2019) What is the Digital Economy? Trends, Competencies, Measurement : report to the XX Apr. int. scientific conf. on the problems of economic and social development, Moscow, April 9–12, 2019 / ed. L. M. Gokhberg; National Research University Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 82 p. EDN: DOBQRF. (in Russ.).
16. Jung, K. (1998) Psychological types / Transl. from Germ. S. A. Lorie. – Moscow: University book; AST, 720 p. (in Russ.).
17. Bagrationi, K., Thurner, T. (2023) Middle Management's Resistance to Digital Change. Foresight and STI Governance, no. 17(2), pp. 49–60. DOI: 10.17323/2500-2597.2023.2.49.60
18. Battilana J., Gilmartin M., Sengul M., Pache A.C., Alexander J.A. (2010) Lead-

ership competencies for implementing planned organizational change. *The Leadership Quarterly*, no. 21(3), pp. 422–438. <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2010.03.007>

19. Mannheim, K. (1958) *The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge & K. Paul.

20. Srivastava S. C., Shainesh G. (2015) Bridging the service divide through digitally enabled service innovations. *MIS Quarterly*, no. 39(1), pp. 245–268. <https://doi.org/10.25300/MISQ/2015/39.1.11>

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 18.07.2024.

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 18.07.2024.

Информация об авторах

Ж. Ж. Чимитдоржиев – кандидат медицинских наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Т. В. Мазанкова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

С. Н. Басова – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Я. В. Золотова – кандидат экономических наук, доцент Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the authors

Zh.Zh. Chimitdorzhiev – Candidate of Medicine, associate professor, the chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPА;

T. V. Mazankova – Candidate of Economics, associate professor, the chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPА;

S. N. Basova – Candidate of Economics, associate professor, the chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPА;

Ya. V. Zolotova – Candidate of Economics, associate professor, Graduate School of Management, the Pacific State University.

Научная статья

УДК 796.011.3

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-143-152

Оперативное управление фитнес-клубом

Татьяна Николаевна Блинова¹, Тимур Сагирович Хакимов²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

²Consulting group «Fitness Vostok», Хабаровск, Россия

¹ blinova-tn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5048-809X>

² khakimovts@gmail.com

Аннотация. Руководители фитнес-центров России и Дальнего Востока в частности, как и менеджеры организаций других сфер, сталкиваются с проблемой неэффективной деятельности. Региональные особенности, такие как удаленность, разнообразие культур и климатические условия, могут влиять на конкурентоспособность фитнес-услуг. Пути решения проблемы могут лежать во внутренней среде организации, включая совершенствование системы управления, в том числе системы планирования деятельности. В большинстве российских организаций, и фитнес-центры не являются исключением, тактическое планирование и завязанные на него контроль и мотивация деятельности осуществляются на относительно длительных временных отрезках: месяц, квартал, полугодие, год. Однако в условиях Дальнего Востока, где быстро меняющаяся экономическая и социальная обстановка требуют гибкости, актуальность более краткосрочного планирования возрастает. В статье авторы приводят результаты апробации системы недельного оперативного управления в деятельность фитнес-центров России. В частности показано, что она позволяет организациям фитнес-индустрии наращивать клиентскую базу, увеличивать выручку от реализации, обеспечивать рост заработной платы сотрудников, ответственных за осуществление продаж. Полученные выводы могут представлять интерес для руководителей фитнес-центров России и Дальнего Востока в частности, заинтересованных в повышении эффективности управленческой деятельности.

Ключевые слова: оперативное управление, неделя, фитнес-клуб, эффективность

Для цитирования: Блинова Т. Н., Хакимов Т. С. Оперативное управление фитнес-клубом // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 143–152. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-143-152>

Original article

Operational management of a fitness club

Tatyana N. Blinova¹, Timur S. Khakimov²

^{1,2} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia

² Consulting group «Fitness Vostok», Khabarovsk, Russia,

¹ blinova-tn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5048-809X>

² khakimovts@gmail.com

Abstract. *Fitness center managers in Russia and the Far East, as well as the managers of organizations in other areas, face the problem of ineffective operations. Regional features such as remoteness, cultural diversity, and climatic conditions can affect the competitiveness of fitness services. Solutions to the problem can lie in the internal environment of the organization, including improving the management system and the activity planning system. In most Russian organizations, and fitness centers are no exception, tactical planning and the control and motivation of activities tied to it are carried out over relatively long time periods: a month, a quarter, a half-year, a year. However, in the conditions of the Far East, where a rapidly changing economic and social situation requires flexibility, the relevance of shorter-term planning increases. In the article, the authors present the results of testing the weekly operational management system in the activities of fitness centers in Russia. In particular, it is shown that it allows fitness industry organizations to expand their client base, increase sales revenue, and ensure an increase in salaries for employees responsible for sales. The findings may be of interest to managers of fitness centers in Russia and the Far East, in particular, those interested in improving the efficiency of management activities.*

Keywords: *operational management, week, fitness club, efficiency*

For citation: Blinova T. N., Khakimov T. S. (2024) Operational management of a fitness club *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 143–152. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-143-152>

Введение

Оперативное управление деятельностью компании заключается в реализации ключевых управленческих функций на период до одного года. В качестве такого временного отрезка может выступать год, квартал, месяц, декада либо неделя. Это означает, что именно на этот срок составляются планы, в течение него осуществляется контроль за их исполнением, по его истечении сотрудникам начисляется предусмотренное системой мотивации вознаграждение [Голубева, 2024; Енченко, 2023; Мардас, 2023; Набоков, 2023; Эриашвили, 2023].

В большинстве организаций установлена практика планирования и контроля тактической деятельности, а также формирования системы мотивации на более длительные временные отрезки – от месяца до года. Однако исследования показывают, что такая модель приводит к снижению эффективности сотрудников. Это связано с тем, что в условиях отложенного выполнения задач работники часто функционируют не на полную мощность, и к окончанию отчетного периода вынуждены работать в режиме срочности, что негативно сказывается на качестве их труда и общем результате [Hackman,

Oldham, 1976]. По мнению психологов¹, такая привычка у людей вырабатывается еще в юности, когда они, например, до последнего дня оттягивают подготовку к экзаменам, а потом, находясь в состоянии стресса, их мозг запоминает большие объемы информации, в организме вырабатывается адреналин. Повысить результативность деятельности сотрудников можно за счет перехода на систему недельного оперативного управления. Такая система уже доказала свою эффективность при внедрении в организациях отдельных отраслей экономики (рис. 1).

Однако точные данные, отражающие прирост отдельных показателей деятельности организации в связи с внедрением рассматриваемой системы управления, довольно скудны, т. к. либо являются коммерческой тайной компаний, либо получены лишь организациями некоторых отраслей.

В сфере фитнес-услуг данная система начала внедряться относительно недавно. В этой связи весьма актуальным представляется систематизация данных о внедрении системы оперативного управления, основанной на более коротких временных отрезках, в деятельность фитнес-центров различных масштабов.

¹ Прикладная клиническая психология: учебное пособие / В. А. Кулганов, В. Г. Белов, Ю. А. Парфенов. – СПб.: СПбГИПСУ, 2012. – 444 с.

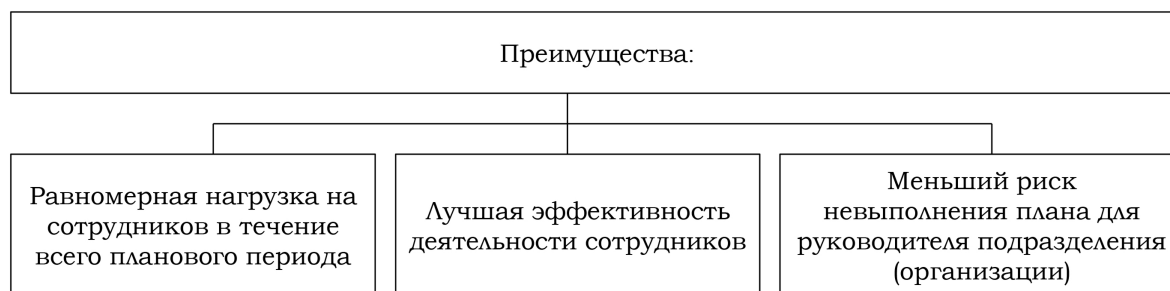

Рис. 1. Преимущества системы недельного оперативного управления организацией

Методы и инструменты

При проведении исследования использовались следующие методы:

1. Эксперимент: оперативное управление на недельном временном интервале было внедрено в практику управления фитнес-клубами России различных масштабов, что позволило сделать вывод о его эффективности.

2. Полуструктурированные интервью с руководителями фитнес-центров помогли обобщить их опыт внедрения системы недельного оперативного управления (в рамках исследования было опрошено 7 руководителей крупных фитнес-клубов, 4 – клубов среднего размера и 5 – малых фитнес-центров).

Выбранные методы исследования потребовали использования таких инструментов, как руководство по проведению интервью, программное обеспечение для анализа данных, внутренняя отчетность фитнес-центров.

Результаты и их обсуждение

Классификация фитнес-клубов по площади зданий

Финансовые результаты деятельности фитнес-клуба во многом зависят от площади его здания [Сиднева, 2020]. Именно располагаемая площадь определяет ассортимент оказываемых услуг, предельную численность клиентов, что в конечном итоге влияет на экономические показатели деятельности фитнес-центра. Соответственно, можно допустить, что эффективность внедрения недельного оперативного управления в такие организации будет различаться для фитнес-центров различной площади.

На наш взгляд, все фитнес-клубы по площади можно разделить на три группы:

- малые (площадью до 1 тыс. кв. м);
- средние (площадью от 1 тыс. кв. м до 2,5 тыс. кв. м);

– крупные (площадью свыше 2,5 тыс. кв. м).

Остановимся на характеристиках каждой из групп более подробно (табл. 1).

Фитнес-клубы, занимающие площадь до 1 тыс. кв. м, относятся к категории малых клубов. Такие центры обычно предлагают базовые тренажерные зоны, небольшие залы для групповых занятий и минимальные удобства для клиентов, такие как раздевалки и душевые. В силу ограниченного пространства, малые клубы чаще всего сосредоточены на узком ассортименте услуг, включая стандартные кардио- и силовые тренировки. Некоторые центры могут специализироваться на определенных направлениях, таких как йога, пилатес или функциональный тренинг, что позволяет им выделяться на рынке среди конкурентов. Малые клубы часто ориентируются на местную клиентскую базу, включающую людей, живущих или работающих поблизости. Экономическая эффективность таких центров зависит от заполняемости и рационального использования каждого квадратного метра. В условиях ограниченной площади, чтобы обеспечить рентабельность, малые клубы вынуждены искать баланс между численностью клиентов и уровнем предоставляемого сервиса.

Фитнес-клубы, располагающие площадью от 1 тыс. кв. м до 2,5 тыс. кв. м, являются клубами среднего размера. Такая площадь позволяет фитнес-клубам предложить своим клиентам разнообразие зон, включая кардио- и силовые тренажеры, групповые занятия, а также сауны или небольшие СПА-зоны. Это способствует созданию более комфортных условий для клиентов и улучшению общего впечатления от посещения клуба. Клубы среднего размера предлагают ши-

Таблица 1

Характеристика фитнес-клубов по площади зданий

Критерий	Малые	Средние	Крупные
Организация пространства	Тренажерные зоны, небольшие залы для групповых занятий, раздевалки и душевые.	Разнообразные зоны: кардио- и силовые тренажеры, пространства для групповых занятий, сауны или небольшие СПА-зоны.	Общие зоны (кардиозоны, залы для силовых тренировок, групповые классы, бассейны, площадки для игровых видов спорта) и специализированные зоны (СПА- и оздоровительные центры).
Ассортимент оказываемых услуг	Узкий: стандартные кардио- и силовые тренировки; возможна специализация на отдельных направлениях (йога, пилатес и пр.).	Широкий: кардио- и силовые тренировки, персональные тренировки, специализированные классы и дополнительные услуги (массаж, фитнес-консультации и пр.).	Максимально широкий: наряду со стандартными услугами включает эксклюзивные программы (спортивные секции для детей, занятия для профессиональных спортсменов, различные оздоровительные и реабилитационные услуги).
Целевая аудитория	Люди, живущие либо работающие поблизости.	Массовый и высокодоходный сегменты.	Массовый, высокодоходный и премиальный сегменты.
Финансовая модель	Финансовый результат зависит от заполняемости и рационального использования площади.	Финансовый результат достигается за счет более высокой доходности каждого клиента.	Финансовая модель строится на многокомпонентной структуре доходов от реализации услуг и сопутствующих товаров.

Источник: составлено авторами

рокий спектр услуг, включая персональные тренировки, специализированные классы и ряд дополнительных услуг, например, массаж, фитнес-консультации. Это позволяет им удовлетворять потребности разных сегментов рынка и, соответственно, расширять клиентскую базу за счет включения в нее, в том числе, и клиентов с более высоким уровнем доходов. Финансовая устойчивость клубов среднего размера достигается за счет более высокой доходности на одного клиента. Это связано с возможностью предлагать дополнительные услуги и формировать программы лояльности. Такие клубы также имеют возможность проводить регулярные маркетинговые кампании для привлечения новых клиентов и удержания существующих.

Фитнес-клубы, занимающие площадь более 2,5 тыс. кв. м, относятся к категории крупных клубов. Они характеризуются наличием зон для различных видов физической активности, включая кардиозоны, залы для силовых тренировок, групповые

классы, бассейны, площадки для игровых видов спорта и специализированные зоны, такие как СПА и оздоровительные центры. Они также могут включать рестораны, лаунж-зоны и другие удобства, что делает их полноценными оздоровительными комплексами. Крупные фитнес-клубы предлагают максимально широкий ассортимент услуг, включая эксклюзивные программы, такие как спортивные секции для детей, занятия для профессиональных спортсменов, а также различные оздоровительные и реабилитационные услуги. Как и средние, крупные фитнес-клубы ориентированы на более широкий круг клиентов, включая низкодоходные и высокодоходные сегменты. Кроме того, они могут работать и с премиальными сегментами рынка, имея возможности предлагать им высококачественный сервис и эксклюзивные условия. Финансовая модель крупных фитнес-клубов строится на многокомпонентной структуре доходов, включая наряду с доходами с продажи абонементов доходы от дополнитель-

ных услуг и мероприятий, а также от продажи сопутствующих товаров. Высокий уровень капиталовложений и эксплуатационных расходов требуют тщательного управления финансовыми потоками крупных центров.

Таким образом, располагаемая площадь влияет на многие характеристики фитнес-клуба и, соответственно, на финансовые результаты, в том числе.

Цикличность управления и ее временная характеристика

Управление любым объектом, включая организацию, складывается из определенной последовательности действий. Их повторение формирует управленческий цикл. На сегодняшний день теорией менеджмента накоплен целый ряд моделей управленческих циклов. Среди них, например, цикл функций Анри Файоля, цикл Шухарта-Деминга (PDCA), цикл DMAIC, цикл «б сигма», цикл «Норд» и др. Данные модели отличаются между собой как по итерациям (функциям), так и по их числу. Функциями, присутствующими в большинстве моделей, являются планирование, осуществление, контроль, улучшение [Атрашенко, 2006; Афанасьев, Райченко, 2013; Кондратьев, Макарова, 2024].

Управленческий цикл характеризуется пространственными и временными параметрами [Афанасьев, Райченко, 2013]. Пространственная характеристика означает, что такой цикл осуществляется на различных уровнях управления, временная – что управленческий цикл характеризуется определенной длительностью. Наличие временного параметра, в частности, порождает необходимость включения в систему управленческих принципов принципа оптимальности, диктующего целесообразность достижения целей организации с минимальными затратами времени и средств.

Воздействие менеджера на временные параметры управленческого цикла реализуется через «рациональное распределение рабочего дня по отдельным видам работ, исключение непроизводительных затрат и потерь рабочего времени» [Гамидуллаев, 2007] и прочие меры.

Поиски путей оптимизации управленческого процесса привел к тому, что стали появляться идеи сокращения управленческого цикла по длительности. Если раньше

управление организациями строилось по принципу месячных, полугодовых и годовых циклов, то в последние годы компании во многих странах мира стали переходить на управление, базирующееся на недельных, а в некоторых случаях – и дневных циклах управленческого процесса.

Анализ результатов внедрения системы недельного оперативного управления в деятельность фитнес-клубов России

В 2023–2024 гг. система недельного оперативного управления была апробирована в деятельности пяти различных по площади фитнес-центрах, дислоцированных в разных городах России. Характеристика данных объектов исследования кратко представлена в таблице 2.

Чтобы избежать влияния прочих факторов, в том числе и фактора сезонности, замеры показателей для оценки эффективности внедрения системы управления, основанной на недельном временном интервале, осуществлялись за период, равный одному календарному году. Иными словами, сопоставлялись значения показателей за год до внедрения данной системы и аналогичные показатели, достигнутые в течение года после. Очевидно, что более точные результаты можно было бы получить при сравнении показателей в однотипных фитнес-центрах, находящихся примерно в равных рыночных условиях, в части из которых вводилась система управления, ограниченная недельным временным интервалом, а в части – оставалась без изменений. Однако такой анализ авторам не удалось осуществить по организационным причинам, не зависящим от них.

В качестве показателей, подлежащих замерам, использовались следующие:

- число действующих абонементов, ед.;
- заработная плата менеджеров отдела продаж, руб.;
- выручка от реализации, руб.

Это те параметры, на которые, по мнению авторов, система недельного оперативного управления влияет, в первую очередь, и в повышении значений которых заинтересованы представители менеджмента фитнес-клубов.

Анализ показал, что абсолютно у всех отобранных для исследования фитнес-центров вышеназванные показатели уве-

Таблица 2

Краткая характеристика фитнес-клубов, выступающих объектами исследования

Название	Место дислокации	Площадь, кв. м	Ассортимент
«MAXIMUS» ²	г. Казань	6 500	Тренажерный зал, групповые программы, функциональный тренинг, кардио зона, детский клуб, бассейн, хаммам, финская сауна, летняя терраса, зона единоборств, EMS студия, игровое поле, кафе
«Green City» ³	г. Зеленоград	5 500	Бассейн, тренажерный зал, групповые программы, функциональный тренинг, кардио зона, открытый круглогодичный бассейн с пляжной зоной, детский клуб, зона единоборств, хаммам, финская сауна, кафе
«Майфитнес» ⁴	г. Коломна	1 000	Тренажерный зал, групповые программы, функциональный тренинг, кардио зона, финская сауна, фитнес-бар
«Фитетика» ⁵	г. Нижнекамск	1 000	Тренажерный зал, групповые программы, функциональный тренинг, кардио зона, финская сауна, фитнес-бар
«Палестра» ⁶	г. Архангельск	700	Тренажерный зал, групповые программы, финская сауна, фитнес-бар

Источник: составлено по данным официальных сайтов фитнес-клубов.

личились. При этом, как и предполагалось, размер прироста за одним исключением зависел от размера клуба: чем крупнее по площади фитнес-центр, тем больший прирост выручки у него был зафиксирован по выбранным показателям, и наоборот. Так, число действующих абонементов у крупных клубов в среднем увеличилось на 19%, у клубов среднего размера – на 13%, у малого клуба – всего на 9%. Средний прирост данного показателя по пяти клубам равнялся +14,6%. Заработная плата менеджеров отделов продаж возросла в среднем на 8%: от 5% в малом центре до 13% в крупном. Показатель выручки от реализации оказался единственным исключением. В среднем он увеличился на 11,2%, при том, что средний рост цен на ключевые позиции ассортимента услуг за период составил 5,2%. Иными словами, без учета роста цен прирост выручки от реализации фитнес-центров, обусловленный введением системы недельного оперативного управления, составил 6%. Исключение заключалось в том, что выручка от реализации малого фитнес-клуба увеличилась немного больше, чем в

среднем у клубов среднего размера: +10% против 9,5%. Однако, с учетом роста цен выручка у средних центров выросла на 4,5%, у малых – на 4,1%. Прирост данного показателя у крупных клубов равнялся в среднем 13,5%, с учетом роста цен – 8,7% (табл. 3).

Эффективность системы недельного оперативного управления доказывают также результаты интервью с руководителями фитнес-центров. Для крупных фитнес-клубов, по словам их руководителей, недельные планы помогают управлять сложными процессами, улучшать координацию между подразделениями и увеличивать доходы. В средних клубах это приводит к гибкости в управлении ресурсами и увеличению выручки от реализации. Малые фитнес-клубы, по мнению их руководства, выигрывают за счет снижения затрат и быстрого реагирования на изменения спроса. В целом система недельных планов повышает финансовую устойчивость и операционную эффективность всех типов клубов.

Таким образом, эксперимент по внедрению системы оперативного управления,

² Официальный сайт фитнес-клуба «МАКСИМУС». URL: <https://fcmaximus.ru/>.

³ Официальный сайт фитнес-клуба «Green City». URL: <https://greenfitness.ru/>.

⁴ Официальный сайт фитнес-клуба «Майфитнес». URL: <https://mayfitness.ru/>.

⁵ Официальный сайт фитнес-клуба «Фитетика». URL: <https://fitetika.fitness/>.

⁶ Официальный сайт фитнес-клуба «Палестра». URL: <https://palestrafitness.ru/>.

Таблица 3

Прирост отдельных показателей деятельности выбранных в качестве объектов исследования фитнес-клубов России после внедрения недельной оперативной системы управления, %

Фитнес-клуб	Число действующих абонементов, ед.	Зарботная плата менеджеров отдела продаж, руб.	Выручка от реализации, руб.	Средний рост цен, руб.	Выручка от реализации с учетом роста цен, руб.
«MAXIMUS»	+20,0	+13,0	+15,0	+4,6	+11,4
«Green City»,	+18,0	+13,0	+12,0	+5,0	+7,0
«Майфитнес»	+15,0	+8,0	+10,0	+4,8	+4,2
«Фитетика»	+11,0	+10,0	+9,0	+5,2	+4,8
«Палестра»	+9,0	+5,0	+10,0	+5,9	+4,1
Среднее по крупным фитнес-клубам	+19,0	+13,0	+13,5	+4,8	+8,7
Среднее по средним фитнес-клубам	+13,0	+9,0	+9,5	+5,0	+4,5
Среднее по всем фитнес-клубам	+14,6	+8,0	+11,2	+5,2	+6,0

Источник: составлено авторами.

ограниченной недельным временным интервалом, в деятельность фитнес-центров России показал, что она приводит к росту одних из ключевых показателей деятельности последних, что свидетельствует о целесообразности ее применения в практике управления организациями фитнес-индустрии.

Сопоставление результатов внедрения системы недельного оперативного управления в деятельность фитнес-клубов и организаций прочих сфер деятельности

Сопоставим полученные нами данные на примере фитнес-центров с имеющимися в открытом доступе и приведем примеры результатов внедрения анализируемой системы управления в другие функциональные области деятельности организации, не только в продажи.

По обобщенным данным консалтинговых компаний «Kaizen Consulting» и «Mario Peshev» система недельного оперативного управления, внедренная в организациях различных сфер деятельности (конкретные сферы не раскрываются), приводит к следующим результатам:

- увеличение объема продаж на 8–15%;
- повышение среднего чека на 5–10%;
- снижение уровня товарных остатков

на 12–20%;

- повышение уровня удовлетворенности клиентов на 10–18%;

- снижение операционных затрат на 7–12%;

- сокращение времени на обучение новых сотрудников на 10–15%;

- рост коэффициента конверсии на 6–10%.

Конкретные результаты эффективности на примере отдельных розничных сетей, представленные вышеназванными консалтинговыми агентствами, приведены в табл. 4^{7,8}.

По приведенным данным видно, что внедрение анализируемой системы в практику управления организаций позитивно отражается на большинстве их функциональных областей деятельности: производстве, продажах, маркетинге, логистике, финансах.

Сопоставление данных об изменении выручки от реализации, обусловленной введением системы недельного оперативного управления, в фитнес-центрах с организациями различных отраслей показало, что прирост данного показателя находится примерно в одном диапазоне: на уровне 8–15%. Кроме того, полученные нами данные об изменении заработной платы

⁷ Официальный сайт компании «Kaizen Consulting». URL: <https://kaizen.com/>

⁸ Официальный сайт компании «Mario Peshev». URL: <https://mariopeshev.com/>

Таблица 4

Примеры эффективности внедрения системы недельного оперативного управления в деятельность организаций розничной торговли

Компания (ассортимент)	Функциональные области деятельности организации				
	Финансы	Продажи	Запасы, складирование	Маркетинг	Производство
«Target» (товары широкого ассортимента)	Рост валовой прибыли на 5-7% в течение года	-	-	Снижение числа невостребованных позиций ассортимента на 20%	-
«Best Buy» (электронная техника)	-	Рост числа сделок на 8%, конверсия онлайн-продаж на 12% в течение полугода	-	-	-
«Zara» (одежда)	-	Увеличение продаж на 1 кв. м. на 20%	Снижение затрат на складирование на 15%	Снижение уровня распродаж на 50% по сравнению с отраслью	Сокращение времени от разработки до продаж с 6 месяцев до 2 недель
«Walmart» (товары широкого ассортимента)	Снижение операционных расходов на 8%	-	Сокращение избыточных запасов на 15%	Повышение уровня удовлетворенности клиентов на 5%	-

Источник: составлено авторами на основе данных компаний «Kaizen Consulting»⁷ и «Mario Peshev»⁸.

сотрудников отдела продаж, приросте среднего чека и числа абонементов позволяют расширить сведения об эффективности системы управления, ограниченной недельным временным отрезком.

Заключение

Результаты исследования доказали, что внедрение в практику менеджмента фитнес-клубов России системы недельного оперативного управления позволяет таким организациям нарастить клиентскую базу, увеличить размер выручки от реализации, обеспечить рост заработной платы сотрудников, ответственных за осуществление продаж. Чем крупнее фитнес-центр, чем разнообразнее его организация пространства, ассортимент оказываемых услуг, тем больший прирост данных показателей может быть обеспечен. По нашему мнению, в отношении показателей числа абонементов и выручки от реализации это обусловлено лучшими рыночными позициями крупных фитнес-центров, в частности, имиджем, большей известностью, более широ-

кими возможностями варьирования ценами для различных групп клиентов. В свою очередь, более успешные продажи крупных клубов отражаются и на более высоком росте заработной платы сотрудников их отделов продаж по сравнению с приростом заработной платы сотрудников малых и средних фитнес-клубов.

На наш взгляд, эффективность от внедрения такой системы управления, в первую очередь, обеспечивается за счет повышения уровня мотивации сотрудников, особенно, занятых продажами. Система управления, основанная на недельных циклах, не дает возможности сотрудникам работать не в полную силу в течение хоть какого-нибудь промежутка времени. Соответственно, организация не упускает возможности улучшения собственных показателей деятельности. Данная система в силу ограниченности времени для выполнения плановых показателей побуждает работников стремиться достичь их с самого первого дня отведенного периода.

Список источников:

1. Атрашенко, А. Н. Анализ структуры управленческого цикла // Вестник ТГПУ. 2006. № 10 (61). С. 108–111. EDN: KKPQKD
2. Афанасьев, В. Я., Райченко, А. В. Закономерность цикличности в принципах управления // Вестник университета. 2013. № 16. 188–193. EDN: RTHPBZ
3. Гамидуллаев, Р. Б. Организационные принципы экономии времени в управленческих циклах промышленных предприятий // Организатор производства. 2007. № 2 (33). С. 8. EDN: JUUNQV
4. Гамидуллаев, Р. Б. Организационные рычаги воздействия по совершенствованию управленческих циклов на предприятии // Организатор производства. 2007. № 3 (34). С. 34–36. EDN: IOUDNB
5. Голубева, Г. Н., Султанова В. Р. Менеджмент физической культуры и спорта. Санкт-Петербург : Издательство «Лань», 2024.
6. Енченко, И. В. Экономика и менеджмент физической культуры и спорта: менеджмент физкультурно-оздоровительных услуг: учебное пособие для СПО. Санкт-Петербург : Издательство «Лань», 2023.
7. Кондратьев, Е. В., Макарова, А. Г. Управленческие циклы и полная функция управления // Друкерровский вестник. 2024. № 2. С. 12–18. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2024-2-12-28>
8. Мардас, А. Н., Гуляева, О. А. Теория менеджмента: учебник для вузов. – 2-е изд. испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023.
9. Менеджмент: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям, по направлению «Менеджмент» / под науч. ред. Н. Д. Эриашвили, Ю. А. Цынкина; под общ. ред. М. А. Комарова, М. М. Максимцова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
10. Набоков, В. И. Менеджмент: учебник. – Москва : Издательская корпорация «Дашков и К°», 2023.
11. Сиднева, Л. В. Совершенствование технологий менеджмента департамента отдела продаж в фитнес-клубе «Фитнес Холл» // Спортивно-педагогическое образование: сетевое издание. 2020. № 2. С. 61–66. EDN: YLUISP
12. Hackman, J. R. & Oldham, G. R. (1976). Motivation through the Design of Work: Test of a Theory. *Organizational Behavior and Human Performance*, no. 2, pp. 250–279. [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(76\)90016-7](https://doi.org/10.1016/0030-5073(76)90016-7)

References:

1. Atrashchenko, A. N. (2006) Analysis of the structure of the management cycle, *Vestnik TGPU* [Bulletin of TSPU], no. 10 (61), pp. 108–111. EDN: KKPQKD (in Russ.).
2. Afanasyev, V. Ya., Raichenko, A. V. (2013) Regularity of cyclicity in management principles *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], no. 16, pp. 188–193. EDN: RTHPBZ (in Russ.).
3. Gamidullaev, R. B. (2007) Organizational principles of time saving in management cycles of industrial enterprises *Organizator proizvodstva* [Organizer of production], no. 2 (33), p. 8. EDN: JUUNQV (in Russ.).
4. Gamidullaev, R. B. (2007) Organizational levers of influence to improve management cycles at the enterprise *Organizator proizvodstva* [Organizer of production], no. 3 (34), pp. 34–36. EDN: IOUDNB (in Russ.).
5. Golubeva, G. N., Sultanova, V. R. (2024) Management of physical education and sports. Saint Petersburg: Lan Publishing House, 2024 (In Russ.).
6. Enchenko, I. V. (2023) Economics and management of physical education and sports: management of physical education and health services: a textbook for secondary vocational education. Saint Petersburg: Lan Publishing House, 2023 (In Russ.).
7. Kondratyev, E. V., Makarova, A. G. (2024) Management cycles and the full man-

agement function *Drukerovskij vestnik* [Drucker Bulletin], no. 2, pp. 12–18 <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2024-2-12-28> (in Russ.).

8. Mardas, A. N. (2023) *Teoriya menedzhmenta: uchebnik dlya vuzov* [Management Theory: a textbook for universities]. Moscow: Yurait Publishing House, 2023 (In Russ.).

9. Management: a textbook for university students studying in economic specialties, in the direction of «Management» / ed. N.D. Eriashvili, YU.A. Cynkina. Moscow, UNITY-DANA, 2023 (In Russ.).

10. Nabokov, V. I. *Menedzhment: uchebnik* [Management: textbook]. Moscow, Publishing corporation «Dashkov i K», 2023 (In Russ.).

11. Sidneva, L. V. (2020) Improving the management technologies of the sales department in the fitness club «Fitness Hall», *Sportivno-pedagogicheskoe obrazovanie: setevoe izdanie* [Sports and pedagogical education: online publication] no. 2, pp. 61–66. EDN: YLUIISP (in Russ.)

12. Hackman, J. R. & Oldham, G. R. (1976). Motivation through the Design of Work: Test of a Theory. *Organizational Behavior and Human Performance*, no. 2, pp. 250–279 [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(76\)90016-7](https://doi.org/10.1016/0030-5073(76)90016-7)

Статья поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 05.09.2024.

Информация об авторах

Т. Н. Блинова – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Т. С. Хахимов – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

T. N. Blinova – Candidate of Economics, associate professor, the chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPА;

T. S. Khakimov – Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPА.

РАЗВИТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Научная статья

УДК 94(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-153-174

Дальневосточный вектор подготовки управленческих кадров в системе партийного образования (1920-е – начало 1940-х гг.)

Николай Михайлович Байков¹, Юрий Владимирович Березутский²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ baykov-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2114-0201>

² berezutskiy-yv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2930-8765>

Аннотация. В статье авторами представлен анализ исторического периода подготовки управленческих кадров в созданной советской властью системе партийных образовательных учреждений. Становление и развитие этой новой системы на Дальнем Востоке в значительной степени осложнялось и сдерживалось условиями затянувшейся гражданской войны и иностранной военной интервенции, низким уровнем грамотности местного населения; отсутствием подготовленных преподавательских кадров, учебных пособий; немногочисленностью управленческих кадров, преданных новой власти; удаленностью от центральных партийно-советских органов. На основе анализа архивных материалов, руководящих партийных документов и доступных научных изданий отражена системная работа органов власти по созданию структур советско-партийного образования разных форм и типов, ориентированных на подготовку управленческих кадров с политическим потенциалом для решения ключевых и актуальных задач комплексного развития территорий Дальнего Востока. Исследование данной проблематики помогает расширить имеющиеся знания о государственной советской политике в отношении подготовки управленческих кадров, использовании форм, методов и приемов для их обучения и подготовки, а также влияния различных факторов и условий на эффективность этой системы. Это жизненно важно для выявления исторических уроков на современном этапе совершенствования подготовки управленческих кадров для органов государственной власти и муниципального управления.

Ключевые слова: Советско-партийные школы, Дальневосточный коммунистический университет, Дальневосточная коммунистическая сельскохозяйственная школа, партийные курсы, управленческие кадры, курсанты, преподаватели

Для цитирования: Байков Н. М., Березутский Ю. В. Дальневосточный вектор подготовки управленческих кадров в системе партийного образования (1920-е – начало 1940-х гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 153–174. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-153-174>

Original article

Far Eastern vector of training management personnel in the system of political party education (1920s – early 1940s)

Nikolay M. Baykov¹, Yuriy V. Berezutskiy²^{1,2} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia¹ baykov-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2114-0201>² berezutskiy-yv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2930-8765>

Abstract. *The authors present an analysis of the historical period of training management personnel in the system of political party educational institutions created by the Soviet government. The formation and development of this new system in the Russian Far East was significantly complicated and restrained by the conditions of the protracted civil war and foreign military intervention, the high level of illiteracy of the local population, the lack of properly trained teaching staff, teaching aids, a small number of management personnel loyal to the new government, and remoteness from the central part and Soviet governmental bodies. The analysis of archival materials, governing party documents and available scientific publications revealed that the systematic work of governmental bodies to create various forms of Soviet-party education focused on training management personnel with political potential to solve key and urgent problems of the integrated development of the Far Eastern territories. The study of the problem helps to expand the existing knowledge about the state Soviet policy in training management personnel, the forms, methods and techniques used, the influence of various factors on the system effectiveness. This is vitally important for identifying historical experience for the current phase of improving management personnel training for state authorities and municipal administrations.*

Keywords: *Soviet-party schools, Far Eastern Communist University, Far Eastern Communist Agricultural School, party courses, management personnel, cadets, teachers*

For citation: Baykov N. M., Berezutskiy Yu. V. (2024) Far Eastern vector of training management personnel in the system of political party education (1920s – early 1940s) *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 153–174. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-153-174>

Введение

После октябрьской революции 1917 г. перед новой советской властью остро встал вопрос создания новой системы государственного управления, отвечающей политике и идеологии коммунистической партии. Первые десятилетия советской власти были самым сложным периодом в истории России по масштабу радикальной трансформации не только экономической системы страны, но и всего многовекового уклада политической, общественной и культурной жизни. В эти годы коренным образом менялось сознание, формы и модели жизнедеятельности и поведения людей.

Новая власть столкнулась с необходимостью решения задачи подбора, расста-

новки и обучения преданных ей управленческих кадров в условиях массовой неграмотности основной части населения бывшей Российской империи, гражданской войны и империалистической интервенции.

Создаваемая властью система подготовки руководящих кадров постоянно подвергалась трансформации, обусловленной крупными изменениями в общественно-политической жизни страны и модернизацией народного хозяйства (индустриализация, коллективизация, культурная революция т. д.).

Осмысление этого исторического процесса, на наш взгляд, возможно как через систематизацию того, что уже было описано предшествующими поколения-

ми исследователей, так и на основе открытых архивных материалов.

Цель данной статьи – аналитическая экспликация исторического процесса подготовки управленческих кадров в системе учреждений партийного образования в единстве и последовательности основных периодов, определяемых как его собственной внутренней логикой, так и задачами общественного развития России и ее Дальнего Востока. Речь идет об истории создания и развития системы подготовки управленческих кадров применительно к значительному по территории дальневосточному макрорегиону нашей страны с 20-х по 40-е гг. XX века.

Обсуждение темы

В советский период подготовка управленческих кадров концептуально базировалась на марксистской трактовке политического руководства массами и коммунистической идеологии. Большинство отечественных исследователей рассматривали подготовку руководящих кадров для партийных организаций, Советов народных депутатов, комсомола, профсоюза как политически организованный (государственный) процесс их подбора, обучения и расстановки через призму реализации марксистско-ленинской теории строительства социализма.

Способ решения этой задачи был найден в создании механизмов ликвидации неграмотности широких народных масс и ускоренного обучения граждан прежде всего из числа коммунистов и комсомольцев, а также преданных Советской власти беспартийных членов общества в создаваемых советско-партийных школах (далее – СПШ), коммунистических вузах (далее – комвузы), высших коммунистических сельскохозяйственных школах, университетах марксизма-ленинизма, на курсовой подготовке и т. д.

Их организация была возложена на созданный Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФСР (Главполитпросвет). В 1920-е

годы под его руководством были предприняты попытки теоретически обосновать и разработать систему партийно-политической подготовки кадров в СПШ и комвузах. Содержание учебных программ, подбор преподавателей и слушателей, связь обучения с реальной жизнью и другие задачи основывались строго на решениях партийных съездов и конференций, съездов СПШ, местных партийных и советских органов власти [Крупская, 1924]. Вопросы теоретического и методического обоснования деятельности совпартшкол и комвузов активно обсуждались на страницах журнала «Коммунистическое просвещение»¹. Они были в поле внимания заведующего отделом совпартшколы и комвузов Главполитпросвета А. Ф. Рындича, который был одним из участников педагогических дискуссий о методиках преподавания в совпартшколах [Рындич, 1925]. Акцент делался на возможностях использования исследовательского метода и лабораторного плана в совпартшколах, рабфаках и отчасти в вузах [Рындич, 1926]. Некоторые основные идеи, которые руководящие работники Наркомпроса вкладывали в свое отношение к совпартшколам, демонстрировал и народный комиссар просвещения А. В. Луначарский. Он считал техническое и общее образование народных масс задачей, решение которой является абсолютно необходимым: «Невозможно подготовить всякого рода специалистов, администраторов, руководителей и технический персонал никакими другими способами, кроме развития просвещения. Совпартшкола делает ключ к ларчику, где таится большой ключ ко всему народному образованию»².

Б. А. Плюснин-Кронин, анализируя новую систему народного образования в 1925 г., отмечал, что отношение к совпартшколам такое же, как и всем остальным ее элементам (общеобразовательным школам, рабфакам, вузам). Несмотря на то, что они находятся в ведении Главпо-

¹ *Совпартшколы и комвузы. По материалам журнала «Коммунистическое просвещение» / с до-
бавлениями и примечаниями при руководящем участии А.Ф. Рындича. Государственное издатель-
ство. Москва – Ленинград. – 1926.*

² *Значение совпартшкол и их место в системе народного образования. – В кн.: Луначарский А. В.
Проблемы народного образования. – М., 1923. – с. 74–87.*

литпросвета, «они имеют главной целью подготовку работников для наших партийных и советских аппаратов. Заменить работников с бюрократическим подходом, бессознательных чиновников людьми с хорошей общественно-политической подготовкой, с твердо усвоенным мировоззрением, – задача слишком практически важная, чтоб объяснить те небольшие преимущества, которые имеет этот тип школы. В смысле же общеобразовательной совпартшколы руководствуются теми же принципами, как и в общеобразовательной школе, только, имея дело с более взрослыми людьми, курс в ее ступенях несколько короче, чем в нормальной школе» [Плюснин-Кронин, 1925].

Основное направление исследований в области истории партийного образования в советский период достаточно полно представлено в работах известного историка, доктора исторических наук, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова А. С. Леоновой. В них представлены результаты исследований процесса подготовки управленческих кадров через систему советско-партийных школ и коммунистических университетов в 1921–1925 гг. [Леонова, 1972]. Крупным исследованием является ее докторская диссертация, посвященная историческому опыту КПСС по подготовке кадров в партийных учебных заведениях в 1917–1975 гг. [Леонова, 1979].

Дальневосточная тематика подготовки управленческих кадров нашла свое отражение в публикациях и диссертационных исследованиях, раскрывающих опыт местных партийных организаций краев и областей с начала XX в. и до его последнего десятилетия. При этом следует подчеркнуть, что их тщательное исследование началось в основном после

Великой Отечественной войны. Это относится и к истории партийных организаций Дальнего Востока. На основе анализа архивных документов обосновано, что многие проблемы развития системы партийно-политического образования на Дальнем Востоке были обусловлены ее оторванностью от базовых политических учебных центров и диктовали специфические особенности ее функционирования [Исаев, 2021. С. 225–236].

Некоторые важные стороны подготовки управленческих кадров в системе партийного образования кратко отражены в научном сборнике, посвященном истории организаций КПСС на Дальнем Востоке (1900–1937 гг.). На основе материалов государственных и партийных архивов дальневосточными учеными показана разносторонняя деятельность руководящих партийных и советских кадров. Они представлены как сборниками статей,³ так и в жанре очерков деятельности партийных организаций Приморского⁴ и Хабаровского⁵ краев, Сахалинской [Леонов, 1975] и Читинской⁶ областей, Бурятии⁷ и Якутии [Иванова, 1968].

Подчеркнем, что очерки – это коллективный труд большой группы историков, экономистов и партийных работников, журналистов, краеведов. Как результат их кропотливого исследования деятельности партийных организаций Дальнего Востока, очерки отражают особенности положения региона, формы и методы работы по решению специфических задач его социально-экономического развития, в том числе и по подготовке управленческих кадров для партийных организаций и отраслей народного хозяйства.

Наиболее полное представление о процессе становления и развития системы

³ Из истории организаций КПСС на Дальнем Востоке. (1905 – июнь 1941 г.): Сборник статей, материалов и документов в помощь изучающим историю КПСС / Хабаров. высш. парт. школа; ред. коллегия: ... доц. М. Г. Штейн (отв. ред.) и др. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1962. – 287 с.

⁴ Очерки истории Приморской организации КПСС / Авт. коллектив: А. И. Беликова, А. А. Вострикова, И. И. Глуценко. Ред. коллегия: П. А. Антохин (отв. ред.) и др. – Владивосток, Дальневосточное книжное издательство, 1971. – 424 с.

⁵ Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС (1900–1978 гг.) // Коллектив авторов. – Хабаровск: Кн. изд., 1979.

⁶ Очерки истории Читинской областной организации КПСС (1898–1970 гг.). – Иркутск-Чита: Вост.-Сиб. Книжное издательство, 1975. – 560 с.

⁷ Очерки истории Бурятской организации КПСС / Ред. коллегия: А. У. Хахалов (отв. ред.) и др. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. – 612 с.

подготовки управленческих кадров в партийных образовательных учреждениях Дальнего Востока в период с 1920-х до 1970-х гг. отражают научные труды ученых Хабаровской высшей партийной школы. Среди них заслуживают интереса научные статьи, подготовленные доктором исторических наук Н. А. Гоголевым, доцентами Н. И. Дубининой, Н. И. Самсоновым, В. И. Степановым, кандидатами исторических наук О. С. Денисовой, П. В. Кондрашовым и старшим преподавателем М. И. Самошкиным⁸

Вопросы истории подготовки партийных кадров на Дальнем Востоке в довоенный период освещаются в монографии дальневосточного историка, доктора исторических наук, профессора В. Э. Войшниса [Войшнис, 1984].

Завершающим аккордом в исторической партийной историографии можно считать докторскую диссертацию дальневосточного исследователя В. Ф. Печерицы, посвященную кадровой политике КПСС между XXII и XXVII съездами КПСС, подготовке и воспитанию партийно-советских кадров на Дальнем Востоке. Она отражает переосмысление методологических подходов и исследовательской конъюнктуры в период горбачевской перестройки. Исследуя работу Хабаровской высшей партийной школы, ученый отмечает ее весомый вклад в повышение идейно-теоретического уровня партийных кадров региона. Учебный план школы предусматривал подготовку кадров различных категорий, постоянно совершенствовался учебный процесс, в котором использовались различные формы обучения. При этом автор отмечает, что в работе Хабаровской ВПШ, как и во всей системе партийно-политического образования, было немало серьезных недостатков, что свидетельствовало об отставании идейно-теоретической подготовки кадров от практических задач общества. По данным анализа архивных материалов и

практической деятельности, это особенно заметно проявлялось в наличии кризиса экономического образования партийно-советских кадров [Печерица, 1990].

Достаточно объективное и целостное представление о политических, социально-экономических и этнокультурных процессах на Востоке СССР в эпоху глубоких трансформаций 1920–1930-х гг. дает фундаментальное исследование, подготовленное на основе архивных документов, отечественных и зарубежных информационных материалов и научной литературы. Особое внимание авторов уделяется анализу деятельности партийно-советских органов, становлению новой модели социально-экономического развития общества и связанным с этим преобразованиям в системе управления дальневосточным регионом⁹.

Современные исследования функционирования и развития системы партийно-политического просвещения на Дальнем Востоке СССР в исследуемый период не отличаются большим разнообразием публикаций. Анализ историографии проблемы подготовки партийных и советских кадров в СССР, проведенный Е. Ю. Щербиной, свидетельствует, что «большинство отечественных исследований базируется на принципиально разных методологических подходах: советская историко-партийная историография рассматривала проблему подготовки партийно-советских кадров с позиций марксистско-ленинской методологии, а современная российская – базируется на теориях элит, бюрократии, нового класса и модернизации» [Щербина, 2023. С. 155–162].

Результаты исследования

Создание системы подготовки управленческих кадров на Дальнем Востоке после завершения гражданской войны и иностранной военной интервенции имеет свою специфику, что отразилось на ее организационных структурах и содержании их подготовки для органов новой власти.

⁸ Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров на Дальнем Востоке : сборник статей / под ред. В. И. Степанова и др.; Хабар. высш. парт. школа. – Хабаровск: [б. и.], 1971. – 100 с.

⁹ Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. чл.- корр. РАН В.А. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2). – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 656 с.

Прежде всего советская власть столкнулась с необходимостью решения сложной задачи ликвидации массовой неграмотности российского населения. «Борьба с неграмотностью» превратилась из одной из очередных задач советской власти в огромное общенародное дело.

Согласно Всероссийской переписи населения в Дальневосточной области в конце 1923 г. общее количество неграмотных (не умеющих читать) превышало половину всего населения и составляло по отношению ко всему населению 62,5%; из всего населения в 1 568 786 чел. было грамотных 588 428 чел., а неграмотных – 980 358 чел.¹⁰

В партийной организации Дальневосточной области каждый седьмой (14%) был неграмотным и каждый третий (32%) был малограмотным. По оценке Дальревкома и Дальбюро, в 1923 г. это был «рекордный процент по оценке с данными по 38 губерниям РСФСР»¹¹. О чрезвычайной сложности по ликвидации неграмотности населения свидетельствуют многочисленные решения органов советской власти в центре и на местах, закрепленные в законодательных и распорядительных документах. Так, для достижения поставленных целей 26 декабря 1919 г. были приняты Декреты Совнаркома РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР»¹² и «Об учреждении Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности и ее органов на местах»¹³.

Низкий образовательный и общекультурный уровень служащих партийно-

государственного аппарата отрицательно влиял на качество его работы и во всей остроте обнажал проблему профессиональной компетентности советско-партийных управленцев. В 1925 г. из всего состава делегатов VII Дальневосточной краевой партийной конференции 67% имели низшее образование, 16% – среднее, 6% – высшее, а уровень образования 11% депутатов обозначался термином «домашнее»¹⁴. Многие делегаты, особенно из сельской местности, не знали, кто руководит дальневосточной партийной организацией¹⁵. Низкий уровень общей культуры и политическая малограмотность аппарата отмечались на III Дальневосточном краевом съезде Советов в 1929 г.¹⁶

На Дальнем Востоке российского государства возникновение и дальнейшее развитие управленческой системы относится к началу 1920-х гг. XX в. В суровые годы гражданской войны и империалистической оккупации дальневосточных земель здесь решались задачи не только организации и укрепления Народно-революционной армии, расширения партизанского движения, но и организации систематической подготовки политически грамотных кадров, преданных советской власти.

Важным средством решения проблемы руководящих партийных и советских кадров являлась подготовка их на местах. Дальбюро ЦК РКП(б) и губкомы партии создавали для этой цели специальные школы и курсы.

1 апреля 1920 г. во Владивостоке со-

¹⁰ *Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917–1927. М. : Центральное статистическое управление СССР, 1927. – С. 25.*

¹¹ *Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.): документы и материалы. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. – С. 79.*

¹² *Декрет Совета Народных Комиссаров о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР. 26 декабря 1919 г. // Собрание узаконений 1919 г. – №67. – ст. 592. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/158330-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-likvidatsii-bezgramotnosti-sredi-naseleniya-rsfsr-26-dekabrya-1919-g>*

¹³ *Декрет СНК об учреждении Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности // Подлинник, 1 л.; пометка: нр. 516, п. 11. ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14736. «Известия». – № 162; «Собрание Узаконений». – № 69, ст. 312. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/11118>*

¹⁴ *Подсчет. по: VII Дальневосточная конференция ВКП(б) (16–20 ноября 1925 г.): стеногр. отчет. Хабаровск, 1925. – С. 90.*

¹⁵ *VII Дальневосточная краевая конференция РКП(б) (16–20 ноября 1925 г.). – Стенографический отчет. – Хабаровск: издание Далькрайкома РКП(б), 1925. – С. 92*

¹⁶ *Стенографический отчет III Дальневосточного краевого съезда Советов. – Хабаровск, 1929. – С. 270.*

стоялась партийная конференция, на которой был решен вопрос о создании во Владивостоке двухмесячной партийной школы и трехнедельных курсов пропагандистов. Весной 1920 г. по направлению ЦК РКП(б) во Владивосток прибыл член Сибирского бюро РКП(б) В. И. Хотимский¹⁷. Вокруг него и образовался состав преподавателей, которые стали идейными наставниками первой партийной школы на Дальнем Востоке.

Первые занятия во Владивостокской партийной школе начались в апреле 1920 г. Школу и курсы разместили во флотской казарме, рядом с расположением японского командования. Один из организаторов школы Я. К. Кокушкин писал по этому поводу: «Курьезная жизнь – наша школа помещается в казарме Сибирского флотского экипажа. В казармах рядом помещены японский штаб и войска, они часто устраивают учения под самыми окнами, вооруженные до зубов. Мы изучаем страшный для них «большевизм» ... и пока что все сходит ...»¹⁸.

Учебная программа постепенно усложнялась и строилась в основном по проблемно-тематическому принципу¹⁹. В программу обучения курсантов партийной школы включалось и изучение военного дела. «Учились мы, – рассказы-

вает бывший курсант партийной школы М. Стишов. – в обстановке ежеминутной боевой готовности. Вместо книги у нас были в руках наганы»²⁰.

В преодолении трудностей освоения марксистской науки малограмотным рабочим и крестьянам помогала страстная тяга к знаниям, непреодолимое желание постичь окружающий мир, разобраться во всех сложностях происходящих событий. Да и преподаватели со временем подобрались более подготовленные, не только знающие марксистско-ленинскую теорию, но и умеющие связать ее с практикой. Многие курсанты школы были направлены в подразделения Народно-революционной армии и в партизанские отряды.

Первая партийная школа на Дальнем Востоке давала своим слушателям довольно глубокие по тем временам теоретические знания и основательную практику революционной борьбы. К маю 1923 г. Приморскую совпартшколу окончило 120 человек.

Одним из первых партийных учебных заведений на Дальнем Востоке была и Забайкальская губернская партийная школа, открывшаяся 27 июня 1921 г. в г. Чите, со сроком обучения 4 месяца²¹. В школе имелось 4 секции, в которых обу-

¹⁷ Хотимский Валентин Иванович (1892–1939 гг.) – советский партийный и государственный деятель, революционер, математик, известный специалист по математической статистике, кандидат экономических наук, полиглот. С июня 1920 г. по январь 1921 г. председатель Дальневосточного бюро РКП(б), затем – уполномоченный Сибревкома и член Дальбюро ЦК РКП(б). В дальнейшем в Москве – заведующий подотделом пропаганды ЦК РКП(б), заместитель ректора Коммунистического университета трудящихся Востока, работал в Институте народного хозяйства им. Плеханова, Коммунистической академии при ВЦИК, Разведывательном управлении РККА, Госплане РСФСР и СССР, ЦСУ СССР, центральном управлении народно-хозяйственного учета при СНК СССР. Под его руководством и при его участии в 30-ые годы XX века вышли фундаментальные научные труды: «Теория математической статистики» и «Общая теория статистики», а также учебник для вузов «Статистика». Репрессирован в 1939 г. по приговору Московского военного трибунала. Реабилитирован в 1956 г. из-за отсутствия состава преступления. ¹⁶ Хабаровский край перешел на расчеты за газ в рублях и ищет новых поставщиков // Российская газета - Спецвыпуск: ТЭК. №204 (8852). 13.09.2022 г. URL: <https://rg.ru/2022/09/13/minus-dollar-plus-truba.html> (дата обращения: июнь 2024)

¹⁸ Кокушкин Яков Карпович (1892–1984 гг.). Родился в Сормове, в 1914 г. призван в армию и служил во Владивостоке, в артиллерийском полку. С первых дней февральской революции принимал активное участие в революционной борьбе в Приморье. Член РКП (б) с 1917 г. В 1920 г. стал членом Военного Совета партизанских отрядов Приморья. Читал лекции и вел практические занятия в партшколе.

¹⁹ Известия Дальбюро ЦК РКП(б). – 1921. – №1

²⁰ Это воспоминание найдено в архиве Приморского крайкома партии слушателем Хабаровской ВПШ В. К. Самариной. Ф. 40/9. Оп. 3, Ед. хр. 9, л. 5.

²¹ Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров на Дальнем Востоке : сборник статей / под ред. В. И. Степанова и др.; Хабар. высш. парт. школа. – Хабаровск: [б. и.], 1971.

чалось 164 курсанта, в том числе в партийной секции занималось 28 курсантов (среди них было 10 женщин), в профсоюзной – 27, молодежной – 80, кооперативной – 14 курсантов. Наиболее подготовленные курсанты были включены в так называемую «лекторскую коллегию» с целью подготовки их для работы на различных краевых курсах и в партшколах.

Забайкальская губернская партшкола со своей учебной программой не могла готовить кадры, соответствующие требованиям социалистического строительства. Необходимо было учебное заведение, которое давало бы более прочные знания как в области марксистско-ленинской теории, так и в партийно-организационной работе. Через полгода существования, эта партийная школа была упразднена. 21 сентября 1921 г. состоялся выпуск молодежной секции. По решению Дальбюро ЦК РКСМ выпускники были распределены следующим образом: трое остались при губпартшколе, пятеро были направлены секретарями губкомов комсомола, остальные – на работу в уездные комсомольские организации.

В губсовпартшколе постоянных преподавателей не было, и для проведения учебных занятий, например, в молодежной секции, их выделяло Дальбюро ЦК РКСМ, а в кооперативной – кооперативный отдел министерства продовольствия и торговли Дальневосточной республики. В «лекторской коллегии» занятия проводили работники Забайкальского губкома партии как непосредственно в здании губкома, так и в своих квартирах.

В связи с войной против японских интервентов и внутренней контрреволюции курсанты губпартшколы составляли особую роту первого Читинского территориального полка и находились на казарменном положении. Вместе с изучением теории марксизма в школе курсанты ежедневно несли наряды, и в случае не-

обходимости могли быть в любое время направлены в распоряжение военного командования.

Первые партийные школы на Дальнем Востоке, несмотря на кратковременность их функционирования в условиях военного времени и издержки в содержании и формах обучения представителей новой власти, положили начало последующему развитию системы подготовки партийных и советских кадров в Дальневосточном крае Советской России.

Верхнюю ступень в системе политического образования занимали советско-партийные школы и коммунистические университеты. Программу подготовки кадров для создаваемых советских и партийных органов власти в условиях мирного строительства определил X съезд РКП(б) (1921 г.) Система СПШ создавалась на трех территориальных уровнях: уездном (с сокращёнными программами), губернском (с двумя-тремя выпусками в год), областном (повышенного типа и комвузы – высшие партийные школы). К концу восстановительного периода (1925 г.) в стране насчитывалось 179 уездных и 67 губернских СПШ, в которых обучалось свыше 26 тыс. чел. Содержание работы и профиль подготовки кадров в СПШ менялись в зависимости от задач, решаемых партией [Зарецкий, 1969–1986].

Цель и сущность этих учебных структур раскрыл на Всероссийском съезде совпартшкол (1923 г.) Н. М. Покровский²²: «К нам приходят люди еле грамотные, т.е. такого рода материал, который для высшей школы во все времена и во всех местах признавался негодным. И, однако, в силу того, что этот материал, который приходит в таком сыром виде, призван управлять такой большой страной в чрезвычайно тяжелых условиях, нам приходится – хотим мы или не хотим – делать из этих людей идеологов нового учения, но не тем путем, каким шел старый строй

²² Покровский Михаил Николаевич (1868–1932 гг.) – советский историк-марксист, общественный и политический деятель. Член РСДРП(б) с апреля 1905 г. Академик АН СССР (1929 г.). В различные годы был председателем президиума Коммунистической академии, ректором Института красной профессуры (с 1921 г.), председателем Общества историков-марксистов (с 1925 г.) и возглавлял ряд других организаций в сфере науки и идеологии. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=author_red&id=1140¹⁸ Электробаланс и потребление электроэнергии в РФ в 2005–2023 гг. / Росстат. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

– сначала низшая, потом средняя и затем уже высшая школа. У нас появляется совершенно новый тип вузов, который ни под какие рамки не подходит, который не соответствует понятиям высшей школы, но который есть по своим заданиям высшая школа. Советско-партийные школы делаются образцами, по которым мы будем строить наши вузы вообще».²³

Во второй половине 1920-х гг. на Дальнем Востоке функционировало 13 совпартшкол I-й и II-й ступеней, многочисленные школы ликвидации политической неграмотности среди членов коммунистической партии и комсомольцев, специализированные школы-передвижки для сельской местности, политические и марксистские кружки, школы пропагандистов и разного уровня политические курсы (районные, уездные и др.). Общее количество учреждений, составлявших сеть партийно-политического просвещения, достигло к 1928 г. 1044 единиц.²⁴

В июле 1924 г. из г. Читы, как временной столицы Дальневосточной республики, в г. Хабаровск переехали Дальбюро ЦК РКП(б), Дальревком и другие учреждения.²⁵ В этом же году по решению Дальбюро ЦК из Читы в Хабаровск была переведена и областная советско-партийная школа 2-й ступени им. П. Ф. Анохина²⁶.

В государственном архиве Хабаровского края имеются немногочисленные сведения о Дальневосточной областной совпартшколе 2-й ступени имени П. Ф. Анохина, которая располагалась в г. Хабаровске на ул. Лисуновского, 34/

угол ул. Плюснина (ныне – ул. Комсомольская, 68/Уссурийский бульвар, 11). В период ее пребывания в г. Чита заведующей школой была Симашко А. П.²⁷ В протоколе заседания партийной ячейки от 23 октября 1923 г. ее секретарь А. Сидоров отмечает открытие областной совпартшколы. На последующих заседаниях партячейки рассматривались вопросы о помещении для школьной газеты «Анохинец» и о составе ее редколлегии; обсуждались проекты правил внутреннего распорядка; состав старостата и распределение обязанностей между его членами по руководству общей, культурной и административно-хозяйственной комиссиями; утверждался состав парткружков; проведение общего собрания с повесткой «Культшефство над деревней»; рассматривалась организация клубной работы и создание клубного совета и др.

В состав парткружка школы входил 21 курсант в возрасте 20–27 лет, с низшим образованием. В состав преподавателей совпартшколы входило 10 чел., в основном 1892–1905 гг. рождения, т. е. молодые люди, члены ВКП (б) (6 чел.) и беспартийные (4 чел.). Преподаватели по своему социальному происхождению в большинстве своем были из рабочих и крестьян, реже – из служащих, имели опыт работы секретарями укомов партии и комсомола, пропагандистами, советскими работниками. Образовательный уровень преподавателей был у всех разный: академия коммунистического воспитания, совпартшкола, учительский институт, краткосрочные курсы универ-

²³ *Протоколы I Всероссийского съезда совпартшкол. Стенографический отчет.* – М., 1924. – С. 9.

²⁴ *Статистический ежегодник. 1923–1925 / РСФСР, ЦСУ, Дальневост. краевое стат. упр.* – Хабаровск. С. 87–88.

²⁵ *Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС (1900–1978 гг.): научное издание / Хабаров. краев. ком. КПСС; [отв. ред. Г.С. Чечулина].* – Хабаровск: Кн. изд-во, 1979. – С. 106.

²⁶ Анохин Пётр Фёдорович (1891–1922 гг.). *Профессиональный революционер. С мая 1921 г. – секретарь, член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), особо уполномоченный Министерства иностранных дел Дальневосточной республики, член Совета частей особого назначения (ЧОН). Член ВЦИК. 10 мая 1922 г. стал жертвой контрреволюционного заговора белогвардейцев, решивших устранить опасного для них члена Дальбюро ЦК РКП(б).*

²⁷ Симашко Александра Петровна (1894–1939) родилась в Новочеркасске. Социальное положение – из дворян. Член ВКП(б). Получила высшее медицинское в Петроградском женском медицинском институте. В 1936 г. работала экономистом-плановиком в крайздравотделе, г. Иркутск. Арестована и осуждена по обвинению в участии в контрреволюционной организации. Репрессирована в 1939 г., реабилитирована 04.11.1991 Прокуратурой СССР. URL: <https://rosgenea.ru/familya/simashko>

ситета, реальное училище, среднее и др. Например, заведующая школой А. П. Симашко, имела высшее медицинское образование, а педагог П. И. Шлык – среднее образование.²⁸

Учебный план 1 курса на 2-й семестр (с 7.01 по 15.06.1927 г.) включал изучение предметов как общеобразовательной подготовки (русский язык, математика, естествознание, экономическая география), так и общественно-политической и организационно-партийной (политэкономика, история классово-борьбы, история ВКП(б), партстроительство, политико-просветительская работа, партбеседы). Общий объем семестровой нагрузки составлял 721 час. При этом в большей мере учебное время выделялось на изучение дисциплин: «Политэкономика» – 114 час, «История ВКП(б)» – 102 час и «История классово-борьбы» – 80 час. На втором курсе общий объем учебной нагрузки на семестр составлял 542 часа и углубленно изучалась дисциплина «История ВКП(б)» – 150 часов. Вводились новые предметы: «Государственное строительство» – 126 часов, «История материализма» – 90 часов, «Хозяйственное строительство» – 64 часа, «Агрограмота» – 44 часа.

Итоги учебной работы СПШ свидетельствуют, что учеба проходила без каких-либо перебоев, согласно учебного плана. Оправдало себя внедрение исследовательских моментов в работу курсантов. Отмечались позитивные изменения в проведении вводных занятий, консультаций, конференций. Выдвижение курсантов в качестве председателей конференций способствовало выработке навыков ведения беседы и служило лабораторией подготовки опытных пропагандистов.

Однако эта работа проводилась как недостаточно плановая, скачками, без постоянного развертывания вширь и вглубь. По экономической географии, русскому языку, истории ВКП(б) исследовательский метод не применялся в силу

недостатка соответствующих учебных пособий, неподготовленности преподавателей к такой работе. Участие курсантов в разработке контрольных вопросов, целевая установка, исследовательские моменты и др. – свидетельство работы над совершенствованием заданий и методики. В силу слабости предметных комиссий не всегда удачными были занятия.

С марта 1927 г. по февраль 1928 г. заведующим краевой советско-партийной школой в Хабаровске был В. В. Насоновский²⁹, который в своих обращениях в партийные и советские органы Дальневосточного края акцентировал их внимание на сложном материальном положении СПШ.³⁰ Так, сравнивая материальное положение СПШ в 1927 г. по сравнению с прошлым учебным годом, он отмечает сокращение сметного финансирования на 12 671 руб. (итого 67 164 руб.). При этом численность курсантов осталась прежняя, а преподавателей – увеличилась. Сокращение бюджета школы на хозяйственные расходы произошло с 14 810 руб. до 7 700 руб.; путевые расходы были уменьшены в 4 раза. Если в 1925 г. на учебу выделялось 4 040 руб., то в 1927 г. – 2250 руб. Суммы расходов на материальное обеспечение курсантов уменьшились незначительно на 330 руб., но цены в Хабаровске подорожали (мясо – 70 коп. за 1 кг, а было – 60 коп., картофель – 50 коп., а был – 40 коп. за 1 кг.). Произошло уменьшение заработной платы работников по сравнению с 1926 г. на 3000 руб. Неоднократные обращения в Дальневосточный отдел народного образования (ДальОНО) в связи с ухудшением материального положения школы и просьбы увеличить ассигнования и число штатных единиц получали отказ.

Руководства школы было обеспокоено состоянием здоровья курсантов. Так, результаты медицинского осмотра в начале 1927 учебного года показали, что из 101 обследованного курсанта, только полно-

²⁸ ГАХК. Ф. П-538. Оп. 1. Д. 23.

²⁹ Насоновский Василий Васильевич. Родился в 1887 г. в Вологодской губернии. Крестьянин, агроном, член ВКП(б) с 1919 г. 1922–1923 гг. – преподаватель губернской совпартшколы г. Верхний-Устюг. 1923–1926 гг. – заведующий агитпропотдел (АПО) губкома ВКП(б), г. Верхний-Устюг // ГАХК. Ф. П. 2 Оп. 2-10. Д. 2510.

³⁰ ГАХК Ф. П. – 538. Оп. 1. Д. 32.

стью здоровых оказалось всего 17 чел., остальные имели легочные заболевания (15 чел.), болезни сердца (7 чел.), малокровие (34 чел.), нервные заболевания (16 чел.). Руководство школы обращалось к Дальздраву и Дальсоцстрахкассе о выделении максимально возможного количества мест для санаторного лечения курсантов в Дальневосточном отделении курортов и санаториев.

О существующих проблемах в образовательной деятельности школы свидетельствует рассмотрение на заседании учебной комиссии вопроса о ходе занятий по экономической географии. Отмечается, что за три месяца отработано 44 часа, из них третья часть на лекциях. Однако результаты работы курсанты показывают слабые, т. к. большая их часть задания не выполняет по причинам отсутствия учебных пособий и свободного расписания, позволяющего перебрасывать время на другие предметы. Принято было решение перевести преподавателей экономической географии на твердое расписание, провести персональный учет успеваемости курсантов по предметам курса, организовать звеньевую проработку материала, принять меры к снабжению кабинета необходимыми пособиями³¹.

В школе работали ячейки общественных организаций (ДОДД, МОПР, ДОБРОХИМ, ОДВФ и др.), проводились беседы на темы «О работе в деревне среди крестьянок по поручению XIII съезда РКП(б)», «О Конституциях РСФСР и СССР», была организована комиссия по учету и распределению курсантов на практическую работу и др. В 1924 г. 61 курсант работал на практической работе по партийной линии, шефской комиссии клуба, женской деятельности, комсомолу. Эта работа учитывалась и контролировалась учебной частью. Учет этой работы проводился посредством кратких письменных индивидуальных докладов. Кроме того, старшие по группам делились в своих докладах на заседаниях партячейки и общих собраниях.

Вся внешкольная работа протекала под знаком применения полученных

знаний в школе на практике. Основной формой количественного учета учебно-воспитательной работы являлась книжка «Самоучет совпартшкольца», отражающая усвояемость курсантами знаний посредством участия в конференциях, в индивидуальных беседах и звеньевых консультациях. На основании данных книжки выявлялись: нагрузка курсанта учебной работой; работа в различных общественных организациях школы; внешкольная практическая работа; распределение времени между отдельными дисциплинами.

В качестве очередных задач коллектив СПШ определял плановое системное внедрение исследовательского метода в работу, установление твердого типа заданий, изменение системы свободного расписания, регламентацию работы предметных комиссий, работу с отстающими курсантами.

24 сентября 1923 г. на заседании Амурского губернского комитета РКП(б) было принято решение об открытии Амурской губернской советско-партийной школы 7 ноября 1923 г. С 1926 г. по 1930 г. школа именовалась Амурской окружной советско-партийной школой, а с 1932 г. – Амурской областной советско-партийной школой. 2 ноября 1933 г. на заседании бюро Амурского обкома ВКП(б) согласно решению ЦК ВКП(б) от 21 августа 1933 г. было принято постановление «О реорганизации совпартшколы». Школа была призвана готовить кадры низового партийного и советского актива для деревни. Количество слушателей было определено в 125 человек. При школе работало три отделения: организационно-партийное, советское и политико-просветительской работы. Был разрешен прием беспартийных рабочих и крестьян на отделения: советской и политико-просветительской работы. 9 декабря 1936 г. бюро Амурского обкома ВКП(б) приняло постановление «О реорганизации областной совпартшколы в школу повышения квалификации руководящих колхозных кадров», согласно которому Амурская областная советско-партийная школа была ликвидирована³².

³¹ ГАХК. Ф. 538. Оп. 1. Д. 33.

³² Амурская окружная советско-партийная школа, г. Благовещенск Амурского округа Дальневосточного края (1923–1927). Ф. п-2465, 292 ед. хр., 1923–1936 гг.; оп. 1–2.

23 апреля 1923 г. в г. Якутске открылись шестимесячные курсы по подготовке и переподготовке партийных работников при обкоме ВКП(б). В подготовке советских и партийных кадров республики большую роль сыграла Совпартшкола, основанная 14 мая 1923 г. в г. Якутске. В ее стенах в разное время учились такие известные партийные и советские работники, как П. В. Аммосов, И. Н. Семенов, П. Х. Гуляев, Г. П. Иванов, писатели Н. И. Спиридонов – Текки Одулок, В. М. Новиков – Кюннюк Урастыров, Е. С. Сивцев – Таллан Бюрэ, журналисты Д. П. Алексеев, С. И. Окоемов и многие др.³³

Постановлением бюро обкома ВКП(б) от 15 ноября 1944 г. курсы были реорганизованы в постоянно действующую годичную партийную школу. Школа готовила кадры для партийных комитетов, Советов сельских районов и подчинялась Якутскому обкому КПСС. Наряду с политической подготовкой слушатели получали среднее специальное образование (агрономическое, зоотехническое, экономическое и др.). Школа была упразднена во исполнение постановления ЦК КПСС от 17 августа 1965 г. после завершения учебы второго и третьего курсов³⁴.

Большой вклад в подготовку кадров советских работников внесли совпартшколы Дальнего Востока. В 1924/1925 учебном году на Дальнем Востоке работало 4 совпартшколы – одна областная, три губернских. В них обучалось 323 слушателя³⁵. Практическое обучение имело особый смысл, поскольку у немалой части курсантов отсутствовал опыт советской работы. В 1930 г. на Дальнем Востоке действовали уже 5 СПШ, в 1931 г. – 7, в 1932 г. – 9, в 1933 г. – 11. В 1932/33 учебном году в г. Петропавловске-Камчатском и в г. Охотске были открыты отделения совпартшколы для народ-

ностей Севера. В г. Магадане советско-партийная школа была организована 1 октября 1932 г. Спустя 13 дней начались занятия с пятью первыми учениками – представителями коренных народов Севера. Только Камчатская областная СПШ за 1932–1936 гг. подготовила для области 190 партийных и советских работников, а к 1 февраля 1937 г. – ещё 46 [Мухачев, 1987. С. 139].

На Дальнем Востоке в 1929/30 учебном году работало 36 одногодичных и 7 двухгодичных вечерних совпартшкол. В следующем году их стало уже 93 (в них обучалось 3155 чел.).

В канун 1929/30 учебного года Далькрайком ВКП(б) преобразовал Хабаровскую краевую совпартшколу в трехгодичную школу. На нее возлагалась обязанность готовить руководящих партийных, советских и комсомольских работников для сельских районов. Читинская и Владивостокская совпартшколы стали готовить пропагандистов и культпросветработников для работы в деревне.

Кадры для партийной, общественно-политической, идеологической работы готовились в Дальневосточном коммунистическом университете (г. Хабаровск), в 11 советско-партийных школах (в том числе Биробиджанской и Охотско-Эвенской). В 1933 г. в СПШ обучалось 1257 слушателей.³⁶

Коммунистические университеты, как высшие партийные учебные заведения, создавались в советском государстве в 1920-х – начале 1930-х гг. для подготовки партийных и советских работников номенклатурного уровня. К 1931 г. действовали 45 центральных республиканских и краевых (областных) коммунистических университетов.³⁷ В них принимались члены ВКП(б) с партийным стажем не менее 3-х лет, что отражало

³³ Пресса Якутии. Фрагменты истории (1922–1972 гг.). URL: <https://clck.ru/3CхUPY>

³⁴ Якутская советская партийная школа. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/13090>. Государственное казенное учреждение Республики Саха (Якутия) «Национальный архив Республики Саха (Якутия)» Ф. 2661, 1130 ед.

³⁵ Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1971. С. 21.

³⁶ Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС (1900–1978 гг.): научное издание / Хабаров. краев. ком. КПСС [отв. ред. Г.С. Чечулина]. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1979. – С. 176.

³⁷ Коммунистические университеты. URL: <https://bigenc.ru/c/kommunisticheskie-universitety-c98738>.

возрастающие потребности в управленческих кадрах. В программу входили циклы общественно-политических (история, философия, политическая экономика), естественно-научных (математика, физика, химия, география, биология) дисциплин, а также изучение русского и иностранных языков.

На базе краевой трехгодичной совпартшколы в сентябре 1930 г. в г. Хабаровске начал действовать Дальневосточный коммунистический университет (Далькомвуз).³⁸ Он располагался в здании бывшего реального училища, расположенного в восточной части Николаевской площади (ныне – площадь им. Ленина), с 1932 г. – Дальневосточная высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, а в 1937 г. там работала годичная школа пропагандистов.

В Далькомвузе были организованы секторы: основной (имелись отделения пропагандистское, восточное, партийного и советского строительства), курсовой, вечерний и заочный. Далькомвуз стал базой подготовки и переподготовки партийных и советских работников края. В 1930/1931 учебном году в основном его секторе обучалось 260 чел., в следующем году – уже 500 чел. 180 чел. занималось в вечернем секторе. Кроме того, по решению Далькрайкома были созданы вечерние отделения Далькомвуза в других городах края, на которых занималось 675 чел.³⁹

На этапе образования в 1931 г. состав преподавателей и служащих Далькомвуза состоял из 29 чел., в т. ч. членов и кандидатов в члены ВКП(б) – 18 чел., беспартийных – 11 чел.; 22 человека имели высшее образование, 5 – среднее и 2 – низшее. Опыт педагогической работы преподавателей отражал их работу в совпартшколах, на рабфаке и курсах. По возрасту это были рожденные в 1879–1906 гг.⁴⁰

Первым ректором Далькомвуза в 1930 г. был назначен М. И. Щукарь⁴¹ По случаю открытия Далькомвуза в г. Хабаровске в краевой газете был опубликован ряд материалов, в том числе «Большевистский привет Дальневосточному комвузу» от Далькрайкова ВКП(б) и статья ректора Щукаря М. «Далькомвуз – передовой отряд краевой парторганизации» и ряд других публикаций.⁴² Ректор информировал читателей о том, что на журналистское и комсомольское отделения набор еще не закончен, и выражал озабоченность, что «если райкомы и редакции в ближайшие дни не займутся всерьез отбором товарищей на журналистское отделение, – оно окажется под угрозой срыва, так как набрано пока только 8 слушателей. В то время как по остальным отделениям 1-го курса Комвуза набор перевыполнен».

Первый набор Далькомвуза на партийном и советском отделениях представляли 21% – женщины, но слабее они на восточном отделении (всего 5 женщин из 41 корейцев и ни одной из китайцев). По партийному стажу 1-й курс представлен членами партии с 1919 г. по 1921 г. – 11%, с 1922 г. по 1926 г. – 58%, с 1927 г. – 17%, остальные 14% с меньшим партстажем составляют исключения, сделанные для восточников и нескольких женщин. По социальному положению: рабочих – 59%, батраков – 6%, крестьян – 25%, служащих – 10%. По образованию – 77% имеет только низшее образование. По национальности: русских – 53%, корейцев – 22%, китайцев – 12%, украинцев – 7%, белорусов и евреев – по 3 чел., 2 бурята, 1 тунгус, 1 якут, 1 монгол и 1 латыш. До поступления в Далькомвуз на партийной работе в городе и деревне находилось 40%, на советской – 16%, на хозяйственной – 15%, на профсоюзной – 10%, остальные работали в Красной армии и в кооперации.

³⁸ Далькомвуз. ГАХК. Ф. П 539 Оп. 1. Д. 10.

³⁹ Коммунистические университеты. URL: <https://bigenc.ru/c/kommunisticheskie-universitety-c98738>.

⁴⁰ ГАХК. Ф. П. 551. Оп. 1. Д. 1.

⁴¹ Щукарь М.И. Родился в 1897 г. Член РКП(б) с 1918 г. 1923–1925 гг. обучался в Институте красной профессуры. В 1923–1929 гг. находился на преподавательской и работе в Коммунистическом университете трудящихся Китая, и в партийных органах Ленинградского и Смоленского обкомов ВКП(б).

⁴² Мы ждем от Комвуза новых кадров строителей социализма, непримиримых борцов за ленинскую генеральную линию // Тихоокеанская звезда. 1930, 24 сентября.

В 1931–1932 гг. руководящий состав Далькомвуза включал ректора А. А. Догмарова⁴³, проректора Г. П. Булатова,⁴⁴ проректора по АХЧ В. Н. Колечкина⁴⁵

Несмотря на ряд трудностей, связанных с учебно-производственным планом (частые командировки студентов и преподавателей на хозяйственные и политические кампании), коллектив добился высоких качественных показателей, доходящих у отдельных товарищей на «хорошо» до 75%. Учебный план за 1931/1932 учебный год был выполнен полностью всеми отделениями: пропагандистским, курсовым сектором, корейским, советским, китайским, партийным отделениями.

Студенты и преподаватели Далькомвуза принимали активное участие в выполнении хозяйственно-политических компаний края по хлебозаготовке, лесозаготовке, посевной, сплаву, углю, рыбе и т. д. Они активно оказывали помощь своим трудовым участием в стройках, пригородном хозяйстве и подшефном колхозе. Всего коллективом Далькомвуза отработано на хозяйственно-политических

кампаниях 45,5 тыс. чел./дней. По инициативе аспирантов Далькомвуза они выступали с популяризацией материалов XVII партийной конференции и провели 220 докладов. Лучшие работы по подготовке студентов показали кафедры: экономическая (доклады и теоретические вопросы марксизма-ленинизма); диалектического материализма (борьба за качество учебы, пропаганда научных работ студентов) и химии (исследовательская работа по безугарному сжиганию угля и качество работы студентов).

Вместе с тем, руководством вуза и Далькрайкома ВКП(б) осуждались демобилизационные настроения, недооценка партийно-политической учебы, пассивность перед трудностями со стороны части студентов. В резолюция Далькрайкома ВКП(б) по докладу проректора Г. П. Булатова о ликвидации прорывов в учебно-производственном плане в I-м полугодии 1931/1932 учебного года в качестве причин этого отмечается нечеткая работа учебной части, особенно корейского и китайского отделений. Кроме того, было

⁴³ Догмаров Александр Анатольевич. Родился в феврале 1901 года в Днепропетровске, член РСДРП с 1917 г. В 1919–1920 г. участвовал в гражданской войне в качестве парторботника. Партийно-политическое образование получил в комвузе университета им. Свердлова (2 года) и в аспирантуре (1 год), был направлен ЦК партии со второго курса на партийную работу. В 1931 г. ректор Далькомвуза (8 мес.), член парткома, горкома, бюро Далькрайкома ВКП(б). В 1932 г. решением бюро Далькрайкома ВКП(б) назначен зав. отделом культуры и пропаганды по Приморской области и членом облоргбюро крайкома ВКП(б) во временно созданных органах по вновь созданной области. 5 апреля 1933 г. Далькрайкомом ВКП(б) была удовлетворена просьба А. А. Домгарова об откомандировании его из края в распоряжение ЦК ВКП(б). В последующие годы работал в Главсевморпути, парторг высокоширотной экспедиции на Северный полюс. Награжден орденом Ленина. Репрессирован в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г. ГАХК Ф. П2. Оп. 10. Д. 1253. <https://www.memo.ru/ru-ru/>

⁴⁴ Булатов Григорий Петрович. Родился 17 декабря 1902 г. в Кировской области Моларовского района в д. Большой Полом в семье крестьянина. Член ВКП(б) с 1926 г. Образование получил в школе II-й ступени г. Коминска, в Академии Коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, в Институте Красной профессуры в Москве. Трудился в сельском хозяйстве, преподавателем Губсовпартишколы в г. Кирове. В 1930–1933 гг. работал на Дальнем Востоке, в гг. Хабаровске и Владивостоке в системе партийного образования, где прошел путь от преподавателя до проректора Далькомвуза. В последующие годы работал в образовательных учреждениях высшего образования на должностях зав. кафедрой, директора института Ставропольского государственного педагогического института, профессор, кандидат экономических наук. ГАХК П. 2. Оп. 10. Д. 631; История университета Книга памяти. URL: <https://ncfu.ru/university/istoriya-universiteta/kniga-pamyati/bulatov-grigoriy-petrovich/>

⁴⁵ Колечкин Василий Никифорович. Родился в 1891 г., образование низшее. Трудовую деятельность начал в 1905 г. учеником в токарном цехе, рабочим кузнецы. В 1912–1923 гг. служил в армии, где занимал должности от рядового до командира полка. После демобилизации направлен на работу в Спасский Уком РКП(б), зав. общим отделом. В 1924–1930 гг. – заместитель директора СПШ по АХЧ, проректор Далькомвуза по административно-хозяйственной части (АХЧ). В последующие годы – на руководящей административно-хозяйственной работе в Дальневосточном крае. ГАХК Ф. П 30. Оп. 3. Д. 1376.

рекомендовано запретить проведение каких бы то ни было заседаний, совещаний, собраний всех общественных организаций в учебное время.

Несмотря на развернувшуюся активную образовательную политику партии по подготовке руководящих кадров, Дальний Восток по-прежнему испытывал острую нужду в опытных партийных, советских и хозяйственных кадрах. В своих обращениях в ЦК ВКП(б) Далькрайком отмечал, что в условиях хозяйственно-политического развития края и усложнения руководства в районах проявляется теоретическая слабость имеющихся партработников и их огромный дефицит. На руководящую и ответственную партийную работу в северных национальных округах и райкомах не хватает 80 чел. Дело подготовки и переподготовки партработников как количественно, так и качественно поставлено слабо. Наличие Далькомвуза, который даст некоторое подкрепление только в 1933 г., совпартшколы и 6-ти месячных курсов партактива в основном дают низового партработника, т. е. секретаря ячейки, партколлектива. Все это вынуждает Далькрайком ВКП(б) просить ЦК ВКП(б) подкрепить партработниками районы края.⁴⁶ В течение 1930–1933 гг. Центральный Комитет ВКП(б) отправил на Дальний Восток около 2 тыс. коммунистов. Более 70% из них вступили в партию до 1920 г., свыше половины – в прошлом были рабочими, свыше 60% – имели высшее или среднее специальное образование.⁴⁷

Необходимость подготовки руководящих кадров в созданных Высших коммунистических сельскохозяйственных школах советское руководство обосновывало задачами реализации коллективизации сельского хозяйства страны: «Совпартшколы должны дать в течение ближайших лет несколько тысяч работников деревне с тем, чтобы каждый выпуск давал часть своих курсантов деревне. Надо от- дать губернскую и уездную школу в крестьянских губерниях по меньшей мере

на половину – три четверти на службу деревне. Пересмотреть программу этих совпартшкол, сжать ее теоретическую часть, связать теоретическую часть с практической, выделить в программе вопросы, связанные с хозяйственно-политической и культурной жизнью деревни, – такова задача»⁴⁸.

В письме членам Политбюро ВКП(б) от 5 августа 1932 г. И. В. Сталин отмечал, что «главный недостаток в работе руководящих органов по сельскому хозяйству (высших и низших) состоит в прорехах организационного характера. Необходимо добиться того, чтобы начальники МТС были не только техниками (знающими трактор, сельхозмашины), но и агрономами и политиками – общественниками, умеющими вести дело с «мужиком», как настоящие большевики. Для чего: преобразовать «Свердловку» (Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова) и областные комвузы, дающие теперь не нужных нам всезнаек, в сельскохозяйственную школу нового типа, могущую дать нам вполне современных и хозяйственно подкованных начальников МТС, секретарей райкомов, предриков (председателей райисполкомов), заведующих отделениями зерносовхозов и фермами колхозов и животноводческих совхозов» [Сталин И. В. и Каганович Л. М., 1931–1936].

Эти предложения И. В. Сталина в значительной мере были реализованы в постановлении ЦК от 21 сентября 1932 г. «Об организации высших коммунистических сельскохозяйственных школ».

В Высших коммунистических сельскохозяйственных школах создавались два отделения: первое – подготавливало руководящих работников для машинно-тракторных станций (МТС), совхозов и колхозов (с двухгодичным курсом обучения); второе – подготавливало руководящих работников для партийных и советских организаций (с трехгодичным курсом обучения) с тем, чтобы программа специального образования для второго отделения была та же, что и для первого

⁴⁶ ГАХК. Ф. 2. Оп. 10. Д. 35.

⁴⁷ XVII съезд ВКП(б). Стенограф, отчет. – М., 1934. С. 530.

⁴⁸ Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1935). – 5-е изд., испр. и доп. – М., 1936. С. 520

го отделения, но с более развернутым курсом ленинизма. Общий контингент приема в 1932–1933 гг. для всей сети Высших коммунистических сельскохозяйственных школ устанавливался в количестве 12 000 человек. Стипендии для слушателей устанавливались в размере 250 руб. в месяц.⁴⁹

В соответствии с решением Далькрайкома ВКП(б) от 5 октября 1932 г. № 1 «О реорганизации Далькомвуза в высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу» Дальневосточный коммунистический университет (Далькомвуз) с 1933 г. был реорганизован в Дальневосточную высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу (ДВКСХШ).⁵⁰

Основная задача ДВКСХШ состояла в подготовке квалифицированных руководящих работников-организаторов социалистического земледелия для колхозов, МТС, совхозов, политотделов МТС и для районных партийных и советских организаций.

Руководство ДВКСШ осуществлялось сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б).⁵¹ Процесс реорганизации Далькомвуза в ДВКСШ закончился к 1 февраля 1933 г. и ее деятельность находилась под пристальным контролем Далькрайкома ВКП(б) в течение всего периода, о чем свидетельствуют принятые партийные постановления и докладные записки.⁵²

В конце ноября 1932 г. произошла смена руководства, и ректором был назначен С. М. Александров⁵³, который фактически провел реорганизацию образовательного учреждения.

В школе было создано 2 отделения. Двухгодичное отделение возглавил С. М. Горельшев, преподаватель машиноведения, который имел высшее сельскохозяй-

ственное образование и полтора года педагогического стажа. Во главе трехгодичного отделения стоял М. П. Ларионов, преподаватель политэкономии. Оба руководителя являлись членами партии с 1925 г.

Корейское отделение возглавил Пак Чун, преподаватель сельскохозяйственных дисциплин, имеющий высшее сельскохозяйственное образование, член партии с 1923 г. Китайские группы решением Далькрайкома партии были переведены во Владивостокскую китайскую Ленинскую школу повышенного типа.

В ДВКСХШ работало 8 кафедр: всеобщей истории, экономическая кафедра, животноводства, организации труда и производства, механизации, сельского хозяйства, агрономии, истории партии и ленинизма⁵⁴.

Также были организованы новые кабинеты, подобраны преподаватели сельскохозяйственных дисциплин. Перестроены учебные планы и программы, методы преподавания. Райком установил сроки выпусков, обязал краевые структуры Крайтрактор и Зернотрест обеспечить прохождение сельскохозяйственной практики студентами.

Здание школы в тот период времени было одним из лучших в г. Хабаровске, находилось на главной площади города – пл. им. Ленина (ранее площадь Свободы) в бывшем здании Хабаровского реального училища (здесь же располагался ранее и Далькомвуз). Часть здания была занята общежитием и квартирами преподавателей.

В 1932 г. было принято решение о надстройке четвертого этажа к трем имеющимся. Строители сняли крышу, выложили стены одного этажа и прекратили стройку и отказались от дальнейшей ра-

⁴⁹ КПСС в резолюциях. Т. 5. С. 418–420.⁴⁷ XVII съезд ВКП(б). Стенограф, отчет. –М., 1934. С. 530.

⁵⁰ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 339. Л. 1, 11, 12.

⁵¹ ГАХК Ф. П-541. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.

⁵² ГАХК Ф. П-541. Оп. 1. Д. 3.

⁵³ Александров Степан Митрофанович. Родился 2 сентября 1898 г. в с. Вернее-Арызг Елецкого уезда Орловской губернии. Член ВКП(б) с 1917 г., рабочий. Образование получил в Ленинградском комвузе и в аспирантуре Коммунистического университета трудящихся Востока им. И. В. Сталина (1931–1932 гг.). До учебы в течении 10 лет был на ответственной партработе. С 26 ноября 1932 г. по 1 января 1934 г. решением партийных органов утвержден директором Дальневосточной высшей коммунистической сельскохозяйственной школы в Хабаровске // ГАХК Ф. П-2. Оп. 10. Д. 184.

⁵⁴ ГАХК Ф. П-541. Оп. 1, 31 ед. хр., крайние даты: 1931–1937 гг.

боты, т. к. кредиты на стройку были израсходованы. Заканчивали стройку силами студентов.

Дирекция принимала меры к созданию собственной базы для столовой, которую приходилось дотировать для самозаготовок. Стоимость стола в день для студентов не превышала 2 руб., но качество было далеко не идеальным и требовало улучшения.

Преподавательский состав в количестве 35 чел., из которых 12 чел. беспартийные, 2 – члены ВЛКСМ, 21 – члены ВКП(б), 14 чел. – преподавали общественно-политические, 8 чел. – сельскохозяйственные и 13 чел. – общеобразовательные дисциплины. Школа испытывала трудности с преподавателями сельскохозяйственных дисциплин – не было преподавателей по предметам животноводства и организации производства в колхозах и совхозах. Неблагополучным было положение и с наличием преподавателей, имеющих высшее образование: преподаватели работали на должностях доцентов и профессоров, но не имели этих ученых степеней и званий.

Студентов обучалось в тот период 430 чел., в т. ч. 225 – на двухгодичном отделении и 205 – на трехгодичном отделении. Большинство из них были в возрасте 18–22 лет. Указание ЦК ВКП(б) о приеме беспартийных из числа председателей колхозов, членов правления, директоров и помощников директоров МТС заведующими отделениями не было выполнено. Реорганизация Далькомвуза в высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу сопровождалась недооценкой некоторой частью студентов партийных решений и их стремлением уйти под разными предложениями из школы. Отсев составил 16% к общему числу студентов, а в корейских группах – до 30%. Практика в сельском хозяйстве еще не была организована, хотя должна была занимать в учебном процессе до 20%.

Учебный процесс в школе слагался из лекций преподавателей, проработки студентами учебного материала, лабораторных работ по химии и физике, классных

проработок тем с преподавателями и практики по специальным дисциплинам.

Школа располагалась в учебном здании, полностью удовлетворяющем нормальному учебному процессу контингента в 500 студентов. Под спецкабинеты и лаборатории было занято 18, а под аудиторские занятия – 20 помещений. Здание было капитально отремонтировано за летний период, значительно пополнилось оборудованием в спецкабинеты и лаборатории.

В 1933/1934 учебном году количество преподавателей увеличилось до 49: 15 чел. – беспартийных, 5 чел. – членов комсомола, 29 чел. – членов ВКП(б). Из общего числа преподавателей 17 чел. – преподавали сельскохозяйственные и экономические дисциплины.⁵⁵

Школа имела 97 га земли в 8 км от города. В 1933 г. часть площади была засеяна, остальная часть – требовала раскорчевки. В планах до 1935 г. было достроить свиноферму на 100 свиней, коровник на 20 племенных коров, конюшню на 10 лошадей.

Для нового приема слушателей групп ВКСХШ устанавливались следующие специализации: животноводческая колхозная и полеводческо-совхозная.⁵⁶

В Постановлении Далькрайкома ВКП(б) об итогах реорганизации Далькомвуза в Коммунистическую сельскохозяйственную школу от 17.02.1933 г. отмечалось, что реорганизацию Далькомвуза в ВКСХШ в основном следует считать проведенной. Вместе с тем ВКСХШ не закончила оборудование спецкабинетов с необходимыми сельскохозяйственными орудиями и принадлежностями, была не полностью укомплектована преподавателями-специалистами и не обеспечила январский набор.

Тем не менее, было принято решение установить следующие сроки выпусков в целях скорейшего обеспечения сельского хозяйства подготовленными коммунистическими кадрами: III курс – 1 июля 1933 г.; II курс – с 1 декабря 1934 г. (трехгодичное отделение); I курс – с 15 апреля 1934 г. (двухгодичное отделение).

⁵⁵ Докладные записки о состоянии и работе ВКСХШ в 1933–34 гг. ГАХК. П-541. Он. 1. Д. 3.

⁵⁶ Выписка из протокола заседания бюро ДВ КК ВКП(б) от 26.12.34. ГАХК. П-541 Он. 1. Д. 12.

Прохождение производственной практики студентов обеспечивалось непосредственно в совхозах и МТС, два раза – в период посевной и уборочный период. Для школы было выделено опытное поле.

Признано было целесообразным оказать помощь школе со стороны учебных заведений (Крайвуз, Тракторцентр, Зернострой, ДВ филиал сельскохозяйственной академии) своими научными силами в разработке программ и поднятии учебного процесса на высший уровень, обеспечить школу всем необходимым оборудованием для учебной работы, особенно сельскохозяйственными машинами последних конструкций. Провести набор на 4-х месячные подготовительные курсы 159 чел. из числа активистов и ударников колхозов и совхозов с тем чтобы начать занятия с 1 апреля и 1 августа текущего года, проведя набор на I курс, обеспечив набор не менее 30 процентов женщин.

Несмотря на некоторое улучшение работы в ДВКСХШ в первый год ее образования, она еще не выполняла всех задач ЦК ВКП(б) по подготовке кадров организаторов социалистического сельского хозяйства. В отчетных документах отмечалось: «Школа плохо учит и воспитывает студентов, не добилась образцовой учебной дисциплины, высокого качества учебы, воспитания культурного и грамотного студента. Работа кафедр развернута слабо, а кафедры социально-экономического цикла не работают. Работа преподавателей над повышением квалификации поставлена слабо. Нет достаточной заботы о бытовых нуждах студентов. Строгий порядок учебного дня нередко нарушается. Недостаточное внимание руководства школы к корейскому отделению, не оказывают помощи преподавателям – корейцам, а изучение русского языка не поставлено как одна из важных задач обучения».⁵⁷

В целом обследование партийными органами состояния Высших коммунистических сельскохозяйственных школ показало отсутствие в них элементарного порядка в учебных помещениях, аудиториях, лекционных залах, учебное обо-

рудование находилось в неприглядном виде, наглядные пособия изготовлены неряшливо, хранятся небрежно. Контроль за посетителями школ отсутствует. В общежитиях грязно, уборка проводится плохо. От руководства этих учебных заведений требовалось навести порядок.⁵⁸

В 1934 г. школа сменила руководителя. Ректором был утвержден М. Г. Штейн. Руководящий состав школы: заместитель ректора по учебной части Э. И. Декант, проректор по учебной части С. П. Сальников, зам. ректора по административно-хозяйственной части (АХЧ) Н. В. Купревич, заведующий двухгодичным отделением М. П. Ларионов, заведующий трехгодичным отделением М. И. Головатюк, заведующий корейским отделением Ли Сен Гу. Преподавательский состав насчитывал 42 чел. В соответствии с решением бюро ДВ КК ВКП(б) от 26.12.1934 г. образовательная деятельность среди нового приема осуществлялась по следующим специализациям подготовки: корейская группа – животноводческая колхозная и полеводческо-совхозная; русская группа – животноводческая колхозная и полеводческо-колхозная.

В школе имелось три отделения – двухгодичное, где готовились руководящие кадры для МТС, совхозов, колхозов и советов; трехгодичное, где готовились руководящие работники для районных партийных и советских органов, и одногодичное комсомольское отделение, где готовились районные комсомольские работники. В школе имелись также группы, где обучение шло на корейском языке. Теоретическая подготовка студентов закрепляется производственной практикой в совхозах и колхозах. Школа имеет ряд специальных кабинетов: полеводства, механизации сельского хозяйства, организации производства, биологии, химии, физики, животноводства и др. Кабинет механизации сельского хозяйства был оборудован всеми сельскохозяйственными машинами, включая комбайн. Автомшины взяты с «кладбища», восстановлены и, хотя с большими трудностями и перебоями, но организована

⁵⁷ ГАХК. Ф. П-541. Оп. 1. Д. 3.

⁵⁸ Там же.

практическая езда. Кабинет животноводства оборудован наглядными пособиями и имеет свиноферму со стадом в 95 голов, позволяющую проводить практические, научно-исследовательские работы. Кабинет полеводства оборудован лучше других и почти полностью обеспечивает прохождение программы курса. Но все же дальнейшее дооборудование кабинетов является важнейшим условием улучшения учебного процесса⁵⁹.

Общественно-партийная работа школы протекала в двух направлениях: внутри школы и вне ее. Внутри школы она имела целью обеспечить высокое качество учебы и воспитать стойких большевиков-профессиональных революционеров для деревни. Вне школы – на предприятиях, в воинских частях, подшефных колхозах, на хлебопоставках, в лесу и других участках работы студенты и преподаватели принимали активное участие. Одни преподаватели в воинских частях и на предприятиях сделали 88 политических и научно-популярных докладов. На кампаниях в крае участвовало 254 студента.

Школа имела библиотеку с наличием 83 тыс. томов, в т.ч 29 тыс. экз. по сельскохозяйственным, 35 тыс. по социально-экономическим и 6 тыс. по художественным темам.

В 1935 г. структура ДВКСХШ была представлена руководящим составом, двух и трех годичными отделениями, корейским отделением, кафедрами всеобщей истории, экономической, животноводства, организации труда и производства, механизации, сельского хозяйства, агрономии, истории партии и ленинизма⁶⁰.

Приемная кампания в ДВКСХШ осуществлялась под контролем Далькрайкома ВКП(б), который обязывал обкомы под личную ответственность партийных

руководителей вести отбор, строго придерживаться правил приема и командировать на учебу в установленные сроки согласно установленной разверстки. Так, по итогам приема 1936 г., в связи с невыполнением обкомами партии и ДВКСХШ разверстки сроки приема были продлены до 1 марта. При этом были установлены следующие контрольные цифры приема партийным органам края: Обкому ЕАО – 4 чел. на трехгодичное обучение в русскую группу и 2 чел. в корейскую группу на двухгодичное обучение; Зейскому обкому – 10 чел. на трехгодичное обучение; Амурскому обкому – 15 чел.; Уссурийскому обкому – 15 чел.; Приморскому обкому – 12 чел.; Крайкому ВЛКСМ – 20 чел.

С начала 1937 г. 70 человек, окончивших двухгодичное животноводческое, полеводческое, рисовое отделения ДВКСХШ были распределены на работу⁶¹, а 39 выпускников китайской ленинской школы были распределены на работу в китайские колхозы.⁶²

В 1933 г. в Дальневосточную ВКСХШ было принято 430 слушателей. К 1937 г. она выпустила около 1000 специалистов⁶³, и в октябре 1937 г. школа была ликвидирована⁶⁴. Высшие коммунистические сельскохозяйственные школы сыграли большую роль в подготовке грамотных, знающих свое дело организаторов социалистического сельского хозяйства.

В 1935–1938 гг. подготовку партийных кадров осуществляло Дальневосточное отделение Института массового заочного обучения партактива при ЦК ВКП(б) (ИМЗО). Распоряжением №79 по ИМЗО от 8.10.1937 г. директор ДВО ИМЗО С. П. Сальников был освобожден от занимаемой должности, как не справившийся с работой. Исполняющим обязанности директора отделения был назначен В. И. Кочергин, инструктор-пропагандист.⁶⁵

⁵⁹ Штейн М.Г. Кузница коммунистических кадров для сельского хозяйства ДВК // Тихоокеанская звезда. № 154. 5 июля 1934 г.

⁶⁰ ГАХК. Ф. П-541. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

⁶¹ ГАХК. Ф. П-541. Оп. 1. Д. 8.

⁶² ГАХК. Ф. П-541. Оп. 1. Д. 17.

⁶³ Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров на Дальнем Востоке: сборник статей / под ред. В. И. Степанова и др.; Хабаров. высш. парт. школа. – Хабаровск, 1971. – С. 45, 51.

⁶⁴ ГАХК. Ф. П-541. Оп. 1. Д. 22.

⁶⁵ ГАХК. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1.

Однако в соответствии с решением оргбюро ЦК ВКП(б) от 2 июня 1938 г. о ликвидации институтов заочного обучения постановлением бюро Далькрайкома ВКП(б) от 13 августа 1938 г. ДВО ИМЗО при ЦК ВКП(б) было ликвидировано.⁶⁶

С октября 1938 г. краевые партийные курсы и краевая школа пропагандистов при Далькрайкоме ВКП(б), организованная постановлением бюро Далькрайкома ВКП(б) от 29 декабря 1937 г., стали работать как единая организация. В январе 1939 г. краевая школа пропагандистов была ликвидирована, и краевые парткурсы стали осуществлять подготовку руководящих партийных и комсомольских работников самостоятельно.⁶⁷

Курсовая система подготовки и переподготовки партийных и советских работников позволила Хабаровскому крайкому партии создать резерв кадров для выдвижения их на руководящую партийную и советскую работу. Однако, исходя из необходимости улучшения системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров, в августе 1944 г. на базе краевых партийных курсов при Хабаровском крайкоме ВКП(б) была открыта одногодичная краевая партийная школа по подготовке и переподготовке партийного и советского актива.

С этого момента начинается развитие нового этапа подготовки управленческих кадров на Дальнем Востоке посредством развития высших партийных школ, просуществовавших практически полвека, вплоть до распада СССР. Бренд «ВПШ» стал, пожалуй, одним из самых стабильных, динамичных и эффективных в системе подготовки управленческих кадров в нашей стране. Он отличался системностью, фундаментальностью, связкой теории с практикой, серьезным государственным влиянием на его развитие.

Заключение

Процесс становления и развития системы подготовки управленческих кадров в образовательных учреждениях коммунистической партии в довоенный период, при всех его издержках и посто-

янных реорганизациях, осуществлялся партийным и советским руководством для удовлетворения насущных потребностей, решения крупных социально-экономических и политических задач. При этом набор, отбор и последующее использование подготовленных кадров учитывали не только их высокую политическую и идеологическую преданность советской власти, но и возраст (от 20 до 40 лет), опыт трудовой и профессиональной деятельности и другие важные личностные и профессиональные качества.

Образовательные партийные учреждения в течение всего периода их деятельности находились не только под жестким контролем партийных и советских органов, но и были их неотъемлемой и органичной частью. Это позволяло рационально использовать партийные средства на их содержание, распределять выпускников на те участки работы, которые отвечали, как их уровню подготовки, так и потребностям органов власти, предприятий и организаций.

В содержании и формах обучения выдерживалось сочетание теоретической подготовки и практической работы курсантов СПШ, студентов Далькомвуза и ДВ КСХШ в трудовых коллективах, использование исследовательского метода и лабораторных работ. Кроме этого, слушатели партийных школ имели и общественную нагрузку – они становились пропагандистами политики партии в трудовых коллективах различных учреждений и организаций.

Системный подход в подготовке управленческих партийных, советских, комсомольских, национальных кадров в школах для взрослых, заимствованный из французской модели государственной службы, доказал свою эффективность и в мирное время, и в годы суровых испытаний. Исторические уроки могут быть полезны для трансформации и развития современной системы подготовки государственных и муниципальных служащих для целей развития Дальнего Востока России.

⁶⁶ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1470. Л. 2.

⁶⁷ ГАХК. Ф. П-542. 62 ед. хр. 1934-1941 гг.; оп. 1.

Список источников:

1. Войшнис, В. Э. Партийное строительство на Дальнем Востоке: (1922–1937) : монография. – Хабаровск: Хабаровский гос. пед. ин-т, 1984. – 237 с.
2. Зарецкий, Ю. И. Советские партийные школы. Большая советская энциклопедия в 30-ти т. – 3-е изд. – М.: Совет. энцикл., 1969–1986. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/103/992.htm>
3. Иванова, А. А. Якутская партийная организация в период восстановления народного хозяйства (1923–1925). Якутск: Якуткнигоиздат, 1968. – 128 с.
4. Исаев, А. А. Проблемы развития системы партийного просвещения на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26. № 192. С. 225–236.
5. Крупская, Н. К. Соединение марксистской теории с практикой коммунизма // Вопросы коммунистического просвещения, вып. 1-й. Екатеринбург : «Уралкнига», 1924. URL: <https://runivers.ru/philosophy/chronograph/180752> URL: <https://runivers.ru/philosophy/chronograph/180752>
6. Леонов, П. А. Очерк истории Сахалинской организации КПСС. – Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во. Сахалин. отделение, 1975. – 311 с.
7. Леонова, Л. С. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях, 1917–1975 гг.: дис. д-ра истор. наук. М., 1979. – 457 с.
8. Леонова, Л. С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах (1921–1925 гг.). – М: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 181 с.
9. Мухачев, Б. И. Советы Северо-Востока СССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства 1926–1936 гг. – Магадан, 1987. – С. 139.
10. Печерица, В. Ф. Деятельность КПСС по подбору, подготовке и воспитанию партийных кадров на Дальнем Востоке: автореф. дис. д-ра истор. наук. – М., 1990. – 36 с.
11. Плюснин-Кронин, Б. А. «Новый этап». Новая система народного образования в РСФСР и новые программы Государственного Ученого Совета. Изд-во «Работник просвещения». – М., 1925 г.
12. Рындич, А. Ф. Партийно-советские школы: к вопросу о методике занятий со взрослыми. Главполитпросвет. – Москва – Ленинград: Гос. изд-во, 1925. – 156 с.
13. Рындич, А. Ф. Лабораторный план и его значение в методике коммунистического воспитания. – Москва: Изд-во Ком. ун-та им. Я.М. Свердлова, 1926. – 64 с.
14. Сталин И. В. и Каганович Л. М. Переписка. 1931–1936 гг.: составители: О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. URL: https://archive.org/details/B-001-024-878-ALL/Stalin_i_Kaganovich/
15. Щербина, Е. Ю. Подготовка партийных кадров в СССР: обзор советской и современной российской историографии // Общество: философия, история, культура. 2023. №10. С. 155–162. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.10.21>.

References:

1. Voishnis, V. E. (1984) Party building in the Far East: (1922–1937): monograph. – Khabarovsk: Khabarovsk State. ped. Institute. – 237 p. (in Russ.).
2. Zaretsky, Yu. I. (1969–1986) Soviet party schools. Great Soviet Encyclopedia in 30 vol. - 3rd ed. M.: Council. Encycl. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/103/992.htm> (in Russ.).
3. Ivanova, A. A. (1968) Yakut party organization during the period of restoration of the national economy (1923–1925). Yakutsk: Yakutknigoizdat. – 128 p. (in Russ.).
4. Isaev, A. A. (2021) Problems of development of the party education system in the USSR Far East in the 1930s // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. Tambov, vol. 26, no. 192, pp. 225–236. (in Russ.).
5. Krupskaya, N. K. (1924) Combining Marxist Theory with the Practice of Commu-

nism // Questions of Communist Education, issue 1. Yekaterinburg: "Uralkniga". URL: <https://runivers.ru/philosophy/chronograph/180752> (in Russ.).

6. Leonov, P. A. (1975) Essay on the history of the Sakhalin organization of the CPSU. Yuzhno-Sakhalinsk: Far Eastern. book publishing house. Sakhalin. branch. 311 p. (in Russ.).

7. Leonova, L. S. (1979) Historical experience of the CPSU in training party cadres in party educational institutions, 1917–1975: dis. of Doctor of History. Moscow, 457 p. (in Russ.).

8. Leonova, L. S. (1972) From the history of training party cadres in Soviet-party schools and communist universities (1921–1925). - M: Publishing house of Moscow University, 181 p. (in Russ.).

9. Mukhachev, B. I. (1987) Soviets North-East of the USSR during the period of socialist reconstruction of the national economy 1926–1936. Magadan, 139 p. (in Russ.).

10. Pecheritsa, V. F. (1990) Activities of the CPSU on the selection, training and education of party cadres in the Far East: author's abstract. Doctor of History. Moscow, 36 p.

11. Plyusnin-Kronin, B. A. (1925) "New Stage". The New System of Public Education in the RSFSR and the New Programs of the State Academic Council. Publishing House "Rabotnik" education". M. (in Russ.).

12. Ryndich, A. F. (1925) Party-Soviet schools: on the issue of methods of classes with adults. Glavpolitprosvet. – Moscow – Leningrad: State publishing house, 156 p. (in Russ.).

13. Ryndich, A. F. (1926) Laboratory plan and its importance in the methods of communist education. Moscow: Publishing house of the Communist University named after Ya. M. Sverdlov, 64 p. (in Russ.).

14. Stalin, I. V. and Kaganovich L. M. Correspondence. 1931–1936: compilers: O. V. Khlevnyuk, R. U. Davis, L. Kosheleva, E. A. Rees, L. A. Rogovaya. URL: https://archive.org/details/B-001-024-878-ALL/Stalin_i_Kaganovich/ (in Russ.).

15. Shcherbina, E. Yu. (2023) Training of party cadres in the USSR: a review of Soviet and modern Russian historiography // Society: philosophy, history, culture, no. 10, pp. 155–162. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.10.21> (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 11.03.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 11.03.2024.

Информация об авторах

Н. М. Байков – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Ю. В. Березутский – кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной и воспитательной работе, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. M. Baykov – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Research Department, the Russian Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

Yu. V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, Associate Professor, deputy director for scientific and educational work, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 316:378.1(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-175-189

Становление и развитие социологии в системе партийных и государственных образовательных учреждений Дальнего Востока России (1958–2010 гг.)

Людмила Александровна Кривоносова¹, Валентина Ивановна Бондаренко²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ krivonosova-la@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлены основные вехи развития социологии на Дальнем Востоке. В хронологической последовательности прослеживается институционализация региональной социологии в советский, перестроечный, и современный периоды. На основе материалов Государственного архива Хабаровского края и архива Дальневосточного института управления – филиала Президентской академии в Хабаровске, вторичного анализа научных источников, представлений дальневосточных социологов-участников описываемых событий, рассматриваются исторические факты и события, отражающие процесс становления и развития социологической науки и практики на дальневосточных территориях. Представлено становление социологии с начала 90-х гг. XX в. как учебной дисциплины, формирующей как социологическое мышление у будущих и действующих управленцев по специальностям и направлениям подготовки, так и опыт выпуска профессиональных социологов. Актуализирован вклад социологов из числа научно-педагогических работников учебных заведений как представителей дальневосточной социологической школы, внесших существенный вклад в организацию и проведение эмпирических социологических исследований в разные временные периоды ее и развития. Оценки и выводы авторов о отечественной социологической науке на Дальнем Востоке позволяют правильно усвоить ее исторические уроки для научного обеспечения деятельности органов власти и управления по дальнейшему социально-экономическому развитию Дальнего Востока России и повышению качества жизни его населения.

Ключевые слова: институционализация социологии, социологические исследования, подготовка социологов, органы власти и управления, Дальний Восток, Хабаровская высшая партийная школа, Дальневосточная академия государственной службы

Для цитирования: Кривоносова Л. А., Бондаренко В. И. Становление и развитие социологии в системе партийных и государственных образовательных учреждений Дальнего Востока России (1958–2010 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 175–189. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-175-189>

Original article

Formation and Development of Sociology in the System of Party and State Educational Institutions of the Russian Far East (1958–2010)

Ludmila A. Krivonosova¹, Valentina I. Bondarenko²¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia¹ krivonosova-la@ranepa.ru

Abstract. *The article presents the main milestones in the development of sociology in the Russian Far East. The institutionalization of regional sociology in the Soviet, perestroika, and modern periods is traced in chronological order, the features of formation are noted. Based on the materials of the State Archive of the Khabarovsk Territory and the Archive of the Far Eastern Institute of Management historical facts and events reflecting the process of formation and development of sociological science and practice in the Far Eastern territories of Russia are considered. The article presents the institutionalization of sociology since the beginning of the 90s of the twentieth century as an academic discipline that forms sociological thinking of future and current managers and sociologists. The contribution of the Far Eastern party and modern sociologists is described. The authors' assessments and conclusions about stages of Russian Far Eastern sociological science development give understanding of its historical lessons how to scientific support activities of authorities and how to manage further socio-economic development of the Russian Far East better for improving the quality of life of its population.*

Keywords: *institutionalization of sociology, sociological research, training of sociologists, government and administration, the Far East, the Khabarovsk Higher Party School, the Far Eastern Academy of Public Administration*

For citation: Krivonosova L. A., Bondarenko V. I. (2024) Formation and Development of Sociology in the System of Party and State Educational Institutions of the Russian Far East (1958–2010) *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 175–189. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-175-189>

Введение

Развитие социологии в СССР шло достаточно сложно, социологическая наука противоречила государственной марксистско-ленинской идеологии, в частности теории исторического материализма. Однако спустя время сформировался запрос на исследование конкретных общественных явлений и процессов, происходящих в обществе. После долгих лет запрета в нашей стране стала возрождаться социологическая наука. В 1958 г. в СССР создается Советская социологическая ассоциация, которая объединила социологов, рабо-

тавших в НИИ Академии наук СССР и отраслевых институтах, их социологические лаборатории и преподавателей вузов. Несмотря на дискуссии по поводу содержания науки, ее идеологической составляющей, целесообразности проведения социологических исследований, достоверности получаемых результатов и возможности их использования в практике, социология стала быстро развиваться, в том числе на региональном уровне. Этот процесс также ускорило Постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и по-

вышению их роли в коммунистическом строительстве»¹.

Важным моментом институционализации региональной социологии является учреждение Хабаровского филиала Сибирского отделения ССА, а затем и Дальневосточного отделения Советской Социологической Ассоциации (ССА), которая включала первичные организации по всей территории Дальнего Востока. Ассоциация сплотила социологические силы Дальнего Востока, инициировала дальнейшее развитие региональной социологии, представляла дальневосточных социологов на российском уровне.

Результаты исследования

С момента зарождения социологии на Дальнем Востоке прошло более полувека. Когда в конце 70-х гг. прошлого столетия при образовании в 1968 г. Хабаровской высшей партийной школы (далее – ХВПШ) была создана группа конкретных социологических исследований, которая долго функционировала на общественных началах и в 1979 г. была преобразована в лабораторию социологических исследований [Байков, 2008]. Руководителем лаборатории вплоть до 1989 г. была доцент П. Т. Алексеенко, в состав лаборатории, кроме П. Т. Алексеенко, В. И. Бондаренко, Г. Г. Кляновой (штатные сотрудники), входили на общественных началах преподаватели и сотрудники Высшей партийной школы (далее – ВПШ) и коллективные члены Дальневосточного отделения Советской социологической ассоциации.

С 1989 г. по 1992 г. лабораторией руководил кандидат исторических наук, доцент В. М. Курлович. Возникновение и развитие социологического структурного подразделения во многом стало возможно благодаря инициативе и большому вкладу руководства ХВПШ, которое не только уделяло много внимания организационным вопросам, но и принимало активное участие в исследовательской работе, популяризации социологии и социологических знаний, подготовке социологических кадров в регионе.

Формирование социологического структурного подразделения при учебном заведении, готовящем партийные кадры, определило направления его исследовательской деятельности: социологические исследования по наиболее актуальным проблемам партийного и советского строительства; социологические исследования, связанные с разработкой планов социального развития коллективов предприятий, совхозов, колхозов, районов, городов (направление получило развитие в связи с возросшим в 70-е годы интересом к проблемам социального планирования в стране и крае). Сотрудниками лаборатории решались задачи методического и организационного обеспечения проводимых исследований, обработки и анализа получаемой социологической информации, написания аналитических отчетов, информирования о результатах проводимых исследований, выработки заключений и рекомендаций, популяризации социологических знаний, развития социологического образования в крае.

Первой пробой сил дальневосточных социологов стали исследования «Организация труда и воспитания в студенческих отрядах Хабаровского края» (1968 г.), «Исследование бюджета времени партийного работника Комсомольского-на-Амуре горкома КПСС» (1968 г.), в ходе которых было опрошено около тысячи респондентов².

Последующие социологические исследования проводились по поручению краевых, городских, районных и первичных партийных организаций. К числу наиболее значимых исследований периода 70-х годов можно отнести «Практику подготовки и проведения партийных собраний», «Выполнение коммунистами партийных поручений», «Участие коммунистов в общественной и производственной жизни коллективов», «Стиль и методы партийного руководства», «Качественный состав руководящих кадров», «Действенность критики и самокритики в партийных организациях», «Эффективность идеологической работы партийных организаций» и т. д.³ Только за период с

¹ Постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446450-postanovlenie-tsk-kpss-o-merah-po-dalneyshemu-razvitiyu-obschestvennyh-nauk-i-povysheniyu-ih-rol-i-v-kommunisticheskom-stroitelstve-14-avgusta-1967-g>

² ГАХК. Ф. П669. Оп. 22. Д. 1, 2

³ ГАХК. Ф. П669, Оп. 22 «Кафедра социологии». Д. 20, 24, 25, 27.

1968 по 1977 гг. штатными и внештатными сотрудниками лаборатории были осуществлены более 40 научных исследовательских работ, их результаты освещались в многочисленных публикациях, появившихся как в местной, так и центральной печати. [Бондаренко, 2008]

В дальнейшем спектр исследований был существенно расширен. Значительное место среди них заняли работы, связанные с разработкой комплексных планов социально-экономического развития коллективов предприятий Хабаровского края, городов Амурска, Тынды, Нерюнгри. Методами социологии исследуются проблемы трудовой дисциплины работников предприятий, общественной активности трудящихся, проблемы трудового, правового, интернационального воспитания, а также личные и деловые качества руководителей структурных подразделений. [Бондаренко, 2008]

Группа социологов, возглавляемая сотрудником лаборатории М. Р. Оленичевой, внесла достойный вклад в разработку и реализацию методики социального планирования на Дальнем Востоке. Исследованиями в области разработки и реализации планов социального развития проведены следующие исследования: «Деятельность заводов им. Кирова и «Энергомаш» по реализации комплексных планов экономического и социального развития» (1971 г.), «Руководство партийной организацией составлением плана социального развития трудовых коллективов Амурской области» (1971 г.); «Разработка плана социального развития коллектива Хабаровского швейного объединения «Восток» (1972–1973 гг.)⁴.

Всего было проведено более 15 исследований, и они являются примером опыта использования социологии в практике социально-экономического развития Дальнего Востока. В результате выполнения этой работы парткомы предприятий получили информацию, позволившую разработать перспективные планы социального развития. К сожалению, практически все наработки и методики в настоящее время утрачены.

Начиная с 1974 г. по 1981 г. включительно значительное место в исследовательской тематике лаборатории стала за-

нимать проблема строительства Байкало-Амурской магистрали (далее – БАМ). Группу исследователей БАМа от лаборатории ВПШ возглавляла В. И. Бондаренко. Исследовались социальные, идеологические, психологические процессы формирования и развития трудовых коллективов на строительстве БАМа, с целью выявления потенциальных возможностей и перспектив. Социальным проблемам строительства БАМа посвящены исследования: «Работа партийных организаций Восточного участка БАМ по коммунистическому воспитанию трудящихся. (на примере ССМП «Укстрой») и ССМ «Молдавстрой-БАМ»)» (1977 г.); «Социально-экономические проблемы формирования трудовых коллективов в зоне БАМ (Центральный участок)» (1977 г.); «Социально-экономические проблемы формирования трудовых коллективов в зоне БАМ» (1978 г.)⁵.

Основные результаты исследований, проведенных в трудовых коллективах Восточного, Центрального и Западного участков БАМа, неоднократно докладывались на заседаниях партийных комитетов, излагались в докладных записках и отчетах, направлялись в партийные организации районного, областного и краевого уровней, освещались на научно-практических конференциях Дальнего Востока и нашли отражение в научных статьях, сборниках, монографиях и диссертациях.

Восьмидесятые годы характеризуются дальнейшим расширением географии работы лаборатории. В 1981 – 1985 гг. проводятся совместные исследования Хабаровской Высшей партийной школы с Якутским, Владивостокским, Благовещенским, Тындинским, Нерюнгринским, Амурским, Биробиджанским, Комсомольским-на-Амуре горкома КПСС. Добавляются новые темы для исследования: «Женщина на руководящей работе», «Подбор, расстановка и воспитание руководящих кадров», «Воспитание трудящихся на боевых и трудовых традициях», «Эффективность борьбы с антиобщественными проявлениями». Также активно изучаются проблемы нравственного сознания населения, профобразования в Хабаровском крае, анализируется общественное мнение населения края по наиболее актуальным вопросам социально-

⁴ ГАХК. Ф. П669. Оп. 22 Дело 7, 16, 30, 32

⁵ ГАХК. Ф. П 669. Оп. 22. Д. 12, 14, 15, 19

экономической и политической жизни страны и др.⁶ [Бондаренко, 2008]

Популярность конкретной социологии и социологической информации на Дальнем Востоке постепенно росла. Ее методами стали пользоваться не только партийные, но и профсоюзные, комсомольские комитеты, хозяйственные руководители. Понимая важность социологических исследований как элементов научного подхода к решению политических и хозяйственных задач, во многих районных, городских, областных и краевых комитетах партии при поддержке социологов Хабаровской высшей партийной школы были созданы и успешно работали на общественных началах отделы, советы, комиссии, небольшие социологические группы и лаборатории. Их число в регионе, по некоторым данным, составило порядка 120. [Бондаренко, 2008]

В это время начали внедряться методы социологического анализа в практику деятельности и научно-исследовательских институтов, и высших учебных заведений. В семидесятые годы в рамках Института экономических исследований ДВО АН СССР создается отдел по социальному развитию, образуются социологические лаборатории при Хабаровском государственном политехническом и педагогическом институтах, Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта. Развиваются социологические центры и лаборатории во Владивостоке, Благовещенске, Магадане, Якутске. [Бондаренко, 2008]

Активно начинает развиваться промышленная социология. В 70-е – начале 80-х гг. почти на всех крупных предприятиях г. Хабаровска (завод «Энергомаш», нефтеперерабатывающий завод им. С. Орджоникидзе, завод «Дальдизель», судостроительные заводы им. С. Кирова и № 151, Хабаровское шейное объединение «Восток» и т. д.), а также на крупных предприятиях г. Комсомольска-на-Амуре в штатных расписаниях существовала должность социолога, на ряде из них были сформированы социологические лаборатории. Среди заводских социологов особо активно работали В. М. Райкова (завод «Энергомаш»), Н. М. Пархоменко (швейное объединение «Восток») и др.

Лаборатория социологических исследований ВПШ активно способствовала развитию заводской социологии.

В целях координации работы многочисленных социологических центров, созданных в разных структурных подразделениях Хабаровского края, еще в 1968 г. при Хабаровском краевом комитете партии был создан Совет по проблемам конкретной социологии и социальному планированию. Подобный совет был также образован при Хабаровской ВПШ.

Необходимо отметить значительную помощь, оказанную отечественными социологами и социологическими организациями центральных городов страны развитию социологии на Дальнем Востоке. Уже в первые годы становления социологии на Дальнем Востоке были установлены контакты с рядом научных институтов г. Москвы (Институт социологии РАН, МГУ им. Ломоносова, Российская академия государственной службы), с различными центрами г. Ленинграда, Новосибирска, что позволило сотрудничать и приглашать в Хабаровск признанных авторитетов российской социологии (А. Г. Здравомыслов, Т. И. Заславская, В. Э. Шляпентох, Ж. Т. Тощенко, А. А. Рыбаковский, В. И. Бойко и т. д.), а дальневосточным социологам принимать активное участие в работе всероссийских социологических структур.

Говоря о начальном этапе развития социологии в Хабаровской высшей партийной школе, следует отметить интенсивность ее развития, большое количество проводимых исследований. Все это требовало определенного количества специально подготовленных кадров, способных выполнять такие масштабные задачи. Социологическим ядром была Хабаровская высшая партийная школа. Ее авторитетные руководители – доктор экономических наук, профессор В. И. Степанов и сменивший его затем доктор философских наук, профессор Г. С. Хохлюк – возглавляли на общественных началах Дальневосточное отделение советской социологической ассоциации, оказывали организационную поддержку развитию социологии и сами активно участвовали в социологических исследо-

⁶ ГАХК.Ф.П 669. Он. 22. Д. 9, 10, 32.

ваниях, используя их в своих научных трудах и выступлениях.

Лаборатория социологических исследований при ХВПШ, которая к этому времени была преобразована в лабораторию по обобщению опыта партийной и советской работы под руководством П. Т. Алексеенко оказывала теоретическую и практическую помощь партийным и комсомольским работникам, слушателям, проводила большую работу по пропаганде социологического знания и формированию системы социологического образования. Увеличился штатный состав лаборатории, что позволило расширить тематику проводимых исследований и увеличить объем просветительских работ. В это время здесь активно работали В. И. Бондаренко, А. Я. Ульянова, В. А. Кудинов, З. И. Ключиков, Э. С. Конопина, В. В. Нигей и др. В проведении исследований активно участвовали преподаватели, служащие – слушатели ВПШ, а также партийные и советские работники⁷.

Большую значимость в становлении и развитии социологии на Дальнем Востоке имели существовавшие здесь творческие силы. На первых этапах это были в основном энтузиасты, работавшие на общественных началах и не имевшие специального социологического образования, – партийные работники, философы, экономисты, математики. Они проявляли значительный интерес к этой науке. Среди них можно отметить Н. П. Дядя, В. И. Войтовича, Н. А. Шумейко, Б. А. Смирнова.

Постепенно дальневосточные социологи овладевали более совершенными методами сбора социологической информации, ее обработки и анализа. Ими был пройден путь от примитивных методов ручной обработки – «точкования» и обработки информации с помощью карт, с краевой перфорацией, с использованием счетно-клавишных и счетно-перфорационных машин до более современных методических приемов и техники. С 1990 г. обработка социологической информации производилась на ЭВМ с использованием специальной программы «Детерминационный анализ социологических данных» (автор В. Н. Чесноков).

В 1980-е годы использовались та-

кие формы подготовки, как социологические курсы, организуемые по линии Российской академии государственной службы, МГУ им. Ломоносова, Высшей комсомольской школой, а также различные стажировки. К началу 80-х гг. появились и первые защищенные кандидатские диссертации (Э. В. Землянской, В. И. Бондаренко, О. В. Лебедевой). Поскольку ученые степени по социологии в это время не присваивались, соискатели получили ученую степень кандидатов философских наук по специальности «Прикладная социология». Одной из первых была диссертация В. И. Бондаренко «Формирование и развитие трудовых коллективов на ударных комсомольских стройках (на примере строительства Байколо-Амурской магистрали)⁸».

С целью подготовки партийного актива и обучения заводских социологов Хабаровский горком КПСС открыл факультет социологии при вечернем университете марксизма-ленинизма с двухгодичным сроком обучения. Активными преподавателями факультета стали сотрудники социологической лаборатории ВПШ, члены Совета по социологии, а также партийные и хозяйственные руководители. [Бондаренко, 2008]

В конце 80-х гг. в Хабаровской высшей партийной школе сложилась определенная система социологического образования слушателей. В соответствии с решением Совета школы для слушателей читался курс лекций по социологии. В состав курса входили лекции по теоретическим проблемам социологии, по вопросам социального планирования, по методике и технике конкретных социологических исследований, а также по опыту применения социологических исследований в партийной работе. Кроме того, в целях углубления теоретических и практических знаний в школе работал научный кружок по проблемам социологии. [Бондаренко, 2008] Для закрепления теоретических знаний выполнялись курсовые работы на основе изучения практического опыта, социологического анализа и исследования.

Вопрос о дальнейшем конституировании социологии как самостоятельной науки и использовании социологических ис-

⁷ ГАХК. Ф. П669. Оп. 1-22

⁸ Российская государственная библиотека. Фонд диссертаций. URL: <https://www.rsl.ru/ru/about/funds/disser>

следований в решении задач социально-экономического развития страны был поднят до общегосударственного уровня, и окончательная институционализация этой дисциплины произошла после выхода Постановления ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества»⁹. Высшая аттестационная комиссия СССР включила социологию в номенклатуру научных специальностей, отделив ее от философии.

Таким образом, особенностью становления и развития социологии на Дальнем Востоке во второй половине XX столетия являлась ее партийная направленность, где целью было показать возможность применения ее методов в работе партийных организаций. Как правило, социология того периода имела преимущественно прикладной характер.

Начало 90-х гг. XX в. ознаменовалось радикальными изменениями политической и социально-экономической жизни страны, последствиями которых стали развал СССР, запрет и роспуск КПСС и ликвидация учреждений партийного образования. Это не могло не сказаться на развитии социологии и социологического образования на Дальнем Востоке.

В ноябре 1990 г. Хабаровская высшая партийная школа преобразована в Дальневосточный институт политологии и социального управления, который в апреле 1991 г. был переименован в Дальневосточный социально-политический институт, в январе 1992 г. – преобразован в Дальневосточный кадровый центр. [Бондаренко, 2008]

К сожалению, девяностые годы, особенно их начало, вошли в историю социологии на Дальнем Востоке как годы разрушения того, что было создано в предшествующий период. Перестала существовать промышленная социология в регионе, представленная заводскими социологами. Прекратил свое существование отдел по социальному развитию в Институте экономических исследований ДВО РАН. Закрылись многие социологические центры при учебных заведениях. Соответственно, число социологических

исследований резко сократилось.

Вместе с тем негативные процессы, которые отмечались в начале 90-х годов в этой области на Дальнем Востоке, не смогли полностью уничтожить накопленный опыт в ХВПШ. К этому времени в вузе уже сформировался костяк подготовленных специалистов в области социологии, многие из которых имели научные степени по данной специальности. В основном это были преподаватели вузов и сотрудники научно-исследовательских институтов.

В 1992 г. в связи с реформированием Дальневосточного социально-политического института прекратила свое существование и социологическая лаборатория. Вместо нее, уже в рамках Дальневосточного кадрового центра, было создано новое структурное подразделение – группа социологических исследований (руководители: кандидат экономических наук А. М. Шкуркин, кандидат философских наук В. И. Бондаренко), которое продолжило научные традиции предшествовавших научно-исследовательских социологических подразделений. За непродолжительный период существования группы (1992–1995 гг.) был проведен ряд исследований. Изучались проблемы социальной защиты семьи (совместно с Администрацией города Хабаровска), молодой семьи (совместно с Комитетом по делам молодежи Администрации Хабаровского края), качественный состав студентов дальневосточных вузов (совместно с Министерством образования и науки Администрации Хабаровского края), личные и деловые качества работников Администрации Индустриального района г. Хабаровска (в связи с их аттестацией). Ряд исследований был посвящен выявлению социального самочувствия населения и политической активности избирателей. [Бондаренко, 2008] Творческой группой в составе Л. А. Кривоносовой, Л. С. Чуриловой, Е. Г. Комаровой проведена серия исследований по изучению политических, профессиональных и личностных качеств руководящего состава завода «Дальэнерго» и Хабаровского завода отопительного оборудования. Последние исследо-

⁹ Постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества от 7 июня 1988 г. URL: <https://sociologia-by.livejournal.com/43505.html>

вания нередко проводились по запросам конкретных кандидатов в выборные органы, а также осуществлялись в рамках общероссийских исследований.

Устанавливались связи и с зарубежными социологами, что подтверждается их активным участием в работе дальневосточных социологов. В 1992 г. проведено совместное российско-японское исследование на заводе «Дальэнергомаш». В исследовательскую группу вошли пять представителей японских университетов из гг. Токио и Кобе, а от российской стороны А. М. Шкуркин, А. А. Кривоносова, И. Р. Отзял. Результаты исследования нашли свое отражение в научных работах и материалах международных конференций.

Включение же в федеральный компонент учебных планов высших учебных заведений (1990 г.) учебной дисциплины социология, как обязательный для изучения и образование кафедр по социологии в вузах позволило не только сохранить кадровый состав дипломированных социологов, но и со временем восстановить разрушенную ранее систему социального образования в Дальневосточном регионе. [Бондаренко, 2008].

В 1991 г. в Дальневосточном социально-политическом институте была создана кафедра социологии и социальной психологии, которую возглавил выпускник аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС, кандидат исторических наук Н. М. Байков. В состав кафедры вошли А. В. Каширина, В. Г. Храмова, Т. И. Захарова, А. А. Кривоносова, Н. И. Блинов, А. С. Чурилова. По инициативе и силами социологов осуществлена подготовка двух групп по специальности «Социология» на базе высшего образования, некоторые из выпускников в последующем нашли свое призвание в науке и педагогической деятельности (Д. Клепиков, И. Распопова, Ю. Зиньковский, С. Козлов), трое защитили кандидатские диссертации по социологии. Обучение по специальности «Социология» осуществлялось силами штатных преподавателей кафедры социологии и социальной психологии, преподавателей других кафедр вузов Хабаровска, а также практических работников. Существенно повысились теоретический, методологический и методический уровни научных разработок

и коренным образом улучшилось их использование.

В конечном счете «перестройка» ознаменовала новый этап в развитии российского общества, способствовала обновлению общественной жизни и развитию демократии. Социологические исследования и публикации на социологические темы получили полную свободу, а теоретическая и прикладная социология – новый импульс для своего развития.

В 1995 г. кадровый центр был преобразован в Дальневосточную академию государственной службы (далее – ДВАГС), а 20 сентября 2010 г. ДВАГС на правах филиала вошла в состав Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и получила название Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС.

В 1996 году был образован совместный с ДВАГС диссертационный совет по социологическим наукам Д 212.294.04 при ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет». В его состав от ДВАГС вошли: Н. М. Байков, доктор социологических наук, профессор, заместитель председателя совета; Н. М. Горбунов, доктор экономических наук, профессор; В. В. Миндагулов, доктор экономических наук, профессор; А. В. Каширина, доктор психологических наук, профессор; А. А. Кривоносова, доктор социологических наук, профессор; Т. И. Захарова, кандидат политических наук, доцент. До 2011 г. в совместном диссертационном совете многие преподаватели, аспиранты, сотрудники защитили диссертации на соискание ученой степени докторов и кандидатов социологических наук. Среди преподавателей и сотрудников: Е. В. Толкачева, С. С. Халикова, Е. А. Смирнова, М. А. Буланова; среди аспирантов: И. А. Распопова, Ю. А. Зиньковский, Е. А. Клейменов, В. В. Зубков, И. В. Фирсакова, Н. А. Хридина.

История ДВАГС ознаменована большим количеством защищенных диссертаций по социологии, что значительно повысило кадровый потенциал вуза. В данный период докторские диссертации по социологии защитили Н. М. Байков, А. А. Кривоносова; кандидатские диссертации Ю. В. Березутский, Н. П. Сидорова, М. А. Буланова, А. В. Шуляева, С.

С. Халикова, Е. А. Смирнова, Е. В. Толкачева, А. С. Чурилова, П. Г. Сидоров, Т. Д. Глебова, К. Б. Парфенов.

В декабре 1997 г. вышел в свет первый номер журнала «Власть и управление на Востоке России», который был зарегистрирован Роскомнадзором как средство массовой информации 1 июня 2004 г. журнала. С 2006 г. журнал включен в Перечень ведущих российских рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, по специальностям «Экономические науки» и «Социологические науки», что дало возможность социологам и другим заинтересованным лицам публиковать результаты своих исследований в области демографии, социальных структур, институтов и процессов, социологии управления, политической социологии. Открытие журнала дало еще больше пространства для развития и сотрудничества социологической школы ДВАГС.

В 1998 г. на базе ДВАГС было образовано региональное отделение «Российское общество социологов» (председатель – доктор социологических наук, профессор Н. М. Байков). Социологическое профессиональное сообщество, оформленное как региональное отделение «Российского общества социологов» (РОС) в г. Хабаровске, стало неформальным продолжателем Дальневосточного отделения Советской социологической ассоциации.¹⁰

Институционализация социологического сообщества в региональное отделение РОС связано с растущей потребностью в социологическом обеспечении преобразовательных процессов в Хабаровском крае и Дальневосточном регионе, с необходимостью развития сотрудничества и объединения немногочисленных специалистов-социологов в вузах, научно-исследовательских организациях. Значительная удаленность региона от центральных районов России, недостаточная подготовка специалистов-социологов в высших учебных заведениях региона, крайне низкое количество социологических исследовательских центров, трудности при-

обретения социологической литературы, ограниченные возможности повышения квалификации актуализируют деятельность регионального отделения.

Среди перспективных направлений деятельности Хабаровского регионального отделения РОС необходимо выделить следующие: более тесное сотрудничество с обществом социологов и его региональными отделениями по организации и проведению общероссийских социологических исследований актуальных проблем жизнедеятельности населения, социальных групп и институтов; расширение состава членов отделения за счет привлечения молодых исследователей; активизация и расширение научного сотрудничества с органами власти по изучению общественного мнения и других актуальных проблем социально-экономического развития Востока России.¹⁰

Пятнадцатилетний период ДВАГС является очень плодотворным для развития социологии Дальнего Востока. Без преувеличения можно отметить, что в академии была создана полномасштабная социологическая школа, имеющая все признаки институционализации. К 2000 г. сложилась ее организационно-управленческая структура, работал информационно-аналитический центр, проводилась полномасштабная социологическая научно-исследовательская и издательская деятельность. В этот период была создана система подготовки, переподготовки и повышения квалификации социологических кадров, защищались диссертации.

Нужно отметить, что свой вклад в продолжение развития социологической школы в ДВАГС внес доктор социологических наук, профессор Н. М. Байков. Как проректор по научной работе ДВАГС (1995–2013 гг.), он продолжил социологические традиции по организации научно-исследовательской и преподавательской работы. Усилиями социологов академии реализовывались потребности органов власти и управления, бизнес-структур, общественных организаций, профессиональных социологических сообществ в организации социологических исследований в регионах ДФО, консолидации социологических кадров, что значительно повысило авторитет вуза.

¹⁰ *Общество социологов.* URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?id=132&page_id=12

Следует отметить весомый вклад в развитие социологической школы в вузе кандидата социологических наук, доцента Ю. В. Березутского как организатора и научного руководителя значительного числа социологических исследований, проводимых в ДВАГС с 2002 г. по настоящее время. В 2007–2022 гг. он возглавлял отдел по научно-исследовательской работе, призванный оказывать содействие в социологическом сопровождении деятельности органов государственной власти и местного самоуправления путем выполнения заказов на проведение социологических исследований. За эти годы было осуществлено около 50 социологических научно-исследовательских проектов по актуальным социальным проблемам жизнедеятельности дальневосточного региона. Среди них наиболее крупные и значимые: «Адресные программы социальной поддержки как инструмент политики содействия сокращению бедности» (2004 г.), «Доступность высшего образования для выпускников сельских школ: региональное измерение проблемы» (2004 г.), «Молодежь Хабаровского края: проблемы и перспективы» (2005 г.), «Состояние и практика государственного регулирования миграционных процессов на Востоке России» (2005 г.), «Реальные и потенциальные последствия реформ для учителей» (2006 г.), «Государственный служащий как субъект профессиональной деятельности (по материалам Дальневосточного федерального округа)» (2006 г.), «Современная молодая семья: состояния и проблемы» (2007 г.), «Развитие института приемной семьи в Хабаровском крае» (2007 г.).

Одним из важных направлений научно-исследовательской деятельности ДВАГС стало социологическое обеспечение деятельности органов государственной власти и муниципального управления. Приоритетом в социологических исследованиях стал мониторинг состояния и проблем дальневосточной молодежи, ее социального потенциала, адаптации к рыночным условиям, динамики ценностей и мотивов поведения. Научные выводы и рекомендации, выработанные на основе результатов социологических исследований, включались в разработку государственной и муниципальной молодежной политики, использовались при

разработке молодежных программ.¹⁰

Среди проведенных в эти годы исследований можно выделить значимые для региона: «Мониторинг мероприятий содействия занятости, осуществляемых в Дальневосточном округе, выявление особенностей и проблем, оценка эффективности реализуемых мероприятий», «Профессиональное самоопределение учащейся молодежи г. Хабаровска», «Профориентационная работа и стратегии поведения молодых специалистов на рынке труда», «Специфика профориентационной работы и переобучения безработных с высшим образованием», «Социологическое обследование населения района им. Лазо по оценке эффективности PR-компаний службы занятости».

Активное участие социологи ДВАГС принимали в сопровождении парламентских и президентских выборов. Результаты социологических опросов – экзитполов – имели высокую степень репрезентативности. Тематика научно-исследовательских работ формировалась на основе потребностей региона, анализа проблем и перспектив его социально-политического развития.

В своей деятельности социологическое сообщество ДВАГС активно взаимодействовало с ведущими вузами и научно-исследовательскими учреждениями России. Так, совместно с Социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте РФ (директор – доктор философских наук, профессор В. Э. Бойков) проведено 20 социологических опросов в рамках общероссийских исследований, с Центром социологических исследований МГУ (директор – доктор философских наук, профессор С. В. Туманов) – 13 опросов в рамках общероссийских исследований. Ряд исследований проведено совместно с Институтом социологии РАН (г. Москва), Институтом региональных проблем «Знание» (г. Иркутск), Национальным центром человеческих ресурсов (г. Москва) и другими исследовательскими организациями и вузами страны.

Результатом такого взаимодействия по осуществлению социологического мониторинга общественного мнения регионального сообщества стало выявление факторов и условий жизни дальневосточного населения, анализ деятельно-

сти органов государственной власти, политической культуры населения и других актуальных проблем.¹⁰

Проведение большого количества социологических исследований, работа над докторскими и кандидатскими диссертациями по социологии стали поводом для публикации монографий, аналитических отчетов, научных статей. Следует назвать монографические исследования ряда авторов, отражающие наиболее значимые проблемы социальных структур и социальных процессов дальневосточного региона: «Государственная служба и ценностные ориентации молодежи» (Н. М. Байков, 1997 г.), «Государственная служба в социальном измерении» (Н. М. Байков, 1999 г.), «Разработка социальных проектов» (Ю. В. Березутский, 2005 г.), «Становление гуманитарной культуры: теоретико-методологический анализ» (Е. Г. Врублевская, 2007 г.), «Гуманитарные основы педагогической деятельности» (Е. Г. Врублевская, 2006 г.), «Управление качеством жизни населения» (Л. А. Кривоносова, 2005 г.), «Социальная паспортизация территорий муниципальных образований» (Л. А. Кривоносова, 2006 г.).

В этот период проводилось множество научно-практических конференций различного уровня, где социологи ДВАГС принимают активное участие: региональная научно-практическая конференция «Социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: анализ регулирования, прогноз» (2004 г.), межрегиональная научно-практическая конференция «Власть и общество на Востоке России: итоги десятилетия и перспективы развития» (2004 г.), ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «Экономика, управление, общество: история и современность».

Образовательную деятельность в области социологии в ДВАГС осуществляли специализированные кафедры. С 1995 по 2002 г. подготовка велась на кафедре социального управления (заведующий кафедрой – В. Г. Храмова, кандидат педагогических наук, доцент). За кафедрой были закреплены 55 учебных дисциплин, социальной направленности: социология, социология управления, управление персоналом, социальный менеджмент, основы социального прогнозирования, социальные коммуникации и др. В основном

кафедра была ответственна за подготовку по специальности «Социальная работа» и двум специализациям «Социология и психология управления» на специальности «Государственное и муниципальное управление» и «Управление персоналом» на специальности «Менеджмент».

Штатные преподаватели кафедры: Е. А. Бессонова, кандидат психологических наук; В. И. Бондаренко, кандидат философских наук; Л. В. Каширина, кандидат психологических наук; Л. А. Кривоносова, кандидат социологических наук; Л. С. Чурилова, кандидат социологических наук, И. Е. Терещенко, кандидат педагогических наук; А. В. Кулешова, В. В. Попова.

Помимо аудиторной работы, преподаватели успешно осуществляли методическое обеспечение учебного процесса, поскольку многие дисциплины читались впервые, особенно это касалось дисциплин специальности «Социальная работа». Высокое качество теоретической и практической подготовки профессорско-преподавательского состава обеспечивало высокую конкурентоспособность выпускников, большинство из которых в последствии построили успешную карьеру.

В сентябре 2002 г. кафедра социального управления была преобразована в кафедру социальной работы и социологии (заведующий кафедрой – Л. А. Кривоносова, доктор социологических наук, профессор). В течение пяти лет кафедра работала в прежнем формате, параллельно велась подготовка к открытию образовательных программ по социологии. В связи с выходом новых ГОС ВПО была реструктуризирована программа аспирантуры. С 2007 г. обучение аспирантов реализовывалось по программе 39.06.01 Социологические науки, по специальностям: 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» и 22.00.08 «Социология управления». Всего за период с 1995–2010 гг. аспирантуру успешно закончили 42 человека, многие из которых защитили кандидатские диссертации по социологии.

В 2008 г. после прохождения лицензирования на кафедре был объявлен набор на образовательную программу по специальности 040201.65 «Социология» с присвоением квалификации «Социолог, преподаватель социологии», со специализацией «Социальное управление». Это был

один из первых опытов подготовки квалифицированных социологов на Дальнем Востоке в условиях внедрения Болонской системы в высшее образование РФ. Эффективная профориентационная работа позволила набрать на 1-й курс программы 42 студентов. Через два года, в связи переходом на многоуровневую профессиональную подготовку, прием на специалитет был закрыт. В 2009 г. был открыт набор обучающихся на образовательную программу бакалавриата по направлению подготовки 39.03.01 Социология, профиль «Социологические исследования: теория и практика». Всего за время существования программ подготовлено 168 специалистов и бакалавров в области социологии. Среди них: по программе специалитета – Д. А. Рихновец, М. В. Майтама, Т. А. Ермоленко, А. С. Масько, Ю. В. Веревкина, М. А. Туркина, Т. А. Ермоленко, А. С. Масько, по программе бакалавриата – Т. А. Тихнова, Н. А. Боровкова, В. А. Кочкуркина, Е. В. Панова, М. Ю. Шепелева, О. М. Халикова, И. В. Денисенко, В. В. Померанцева, все завершили образование с красным дипломом.

Для обеспечения более высокой конкурентоспособности выпускников-социологов кафедрой лицензирована и успешно действовала программа дополнительной квалификации «Преподаватель высшей школы» (руководитель программы – Е. Г. Врублевская, доктор педагогических наук). Выпускникам программы предоставлялось право преподавания социологических дисциплин в вузах. В институте повышения и переподготовки кадров ДВАГС велось двухгодичное обучение по программе «Социология», также преподавателями кафедры проводилось краткосрочное обучение по программам повышения квалификации, всего было разработано более 15 программ.

Кафедрой социальной работы и социологии в данный период была проделана огромная работа по осуществлению планов профессиональной подготовки социологов на всех уровнях. В штатный состав кафедры входили: А. А. Кривоносова, доктор социологических наук; Н. М. Байков, доктор социологических наук; Е. Г. Врублевская, доктор педагогических наук; Ю. В. Березутский, кандидат социологических наук; Н. П. Сидорова, кандидат социологических наук; А. В. Каширина, док-

тор психологических наук; В. И. Бондаренко, кандидат философских наук; Т. В. Бармина, кандидат психологических наук; Е. А. Берестенникова, кандидат исторических наук; Е. В. Толкачева, кандидат социологических наук; К. Б. Парфенов, кандидат социологических наук; В. С. Щербатый, кандидат психологических наук; М. А. Сидорова, кандидат психологических наук; Л. К. Золотарева, кандидат психологических наук; С. С. Халикова, кандидат социологических наук; Е. А. Смирнова, кандидат социологических наук; А. В. Кулешова, кандидат педагогических наук; В. В. Попова, кандидат педагогических наук. Стоит отметить, что весь штатный состав имел научные степени и звания, что формировало возможность поднимать качество подготовки социологов на высокий современный уровень. Многие преподаватели осуществляли не только образовательную и методическую работу, но и занимались исследовательской деятельностью, постоянно повышали профессиональный уровень, результаты их исследовательской работы использовались в учебном процессе.

Профессиональное сообщество активно поддержало подготовку социологов в ДВАГС. В осуществлении программы активное участие принимали ведущие преподаватели в области социальных наук вузов Хабаровска: Р. И. Цветкова, доктор психологических наук, профессор ХГПУ; А. М. Шкуркин, доктор философских наук, профессор ДВГУПС; А. Б. Лившиц, кандидат экономических наук, ХГАЭиП; П. П. Лях, кандидат социологических наук, доцент, ТОГУ; Ю. И. Прохоренко, доктор философских наук, профессор, ТОГУ; Е. Н. Спасский, доктор политических наук, профессор, ДВГУПС.

Одним из перспективных направлений кафедра рассматривала привлечение практиков на теоретическую и практическую подготовку будущих социологов. В течение всего периода активно работали: А. Ф. Волков – начальник управления пенсионного фонда РФ в г. Хабаровске и Хабаровском районе; А. И. Веденяпина – заместитель начальника отдела социального развития ДФО, Представительство Президента РФ в ДФО; И. И. Станкевичене – заместитель начальника отдела Министерства социальной защиты населения Хабаровского края; С.

А. Левков – доктор социологических наук, заместитель полномочного представителя Президента РФ в ДФО; А. П. Осауленко – доктор социологических наук, директор ассоциации «Объединение туроператоров в сфере выездного туризма «Турпомощь»; О. В. Волынцева – начальник отдела Министерства социальной защиты населения Хабаровского края; И. О. Таенкова – генеральный директор Краевого молодежного социального медико-педагогического центра Комитета по делам молодежи Администрации Хабаровского края. Практиками, помимо преподавания учебных дисциплин, часто проводились разовые лекции, встречи, они участвовали в составе государственных экзаменационных комиссий, выступали руководителями производственных практик, курсовых и дипломных работ и проектов.

В целях повышения практикоориентированности образовательных программ по социологии с 18 организациями, предприятиями и учреждениями ДФО заключены договоры о сотрудничестве и практической подготовке обучающихся. Активное взаимодействие осуществлялось с аппаратом Губернатора и Правительства Хабаровского края, Комитетом по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края, Министерством сельского хозяйства и продовольствия Хабаровского края, Министерством образования и науки Хабаровского края, Министерством социальной защиты населения Хабаровского края, избирательной комиссией Хабаровского края, Управлением пенсионного фонда РФ (государственное учреждение) в г. Хабаровске и Хабаровском районе Хабаровского края, Краевым центром молодежных инициатив, «ИТА «Губерния», агентством маркетинговых коммуникаций Can!BTL, Министерством труда и социальной защиты республики Саха (Якутия), Администрацией Варваровского сельского совета Октябрьского района Амурской области, Комитетом социальной защиты населения администрации Тигильского муниципального района Камчатской области, центром занятости населения по Кавалеровскому району Приморского края.

Всем участникам образовательного процесса удалось осуществить методическое и технологическое обеспечение образовательных программ по социоло-

гической профессиональной подготовке и переподготовке в кратчайшее время и в соответствии с современными требованиями. Достаточно сказать, что кафедрой подготовлено и издано 18 учебников и учебных пособий, в том числе: Бондаренко В. И., Кривоносова Л. А. «Социология» (2001 г.), Бондаренко В. И., Кривоносова Л. А. «История и теория социологии», Кривоносова Л. А. «Технология социального проектирования» (2003 г.), Бондаренко В. И. «Основы социального прогнозирования», Кривоносова Л. А., Цветкова Р. И. «Мотивационная активность личности. Практикум» (2004 г.), Золотарева Д. К. «Социальное консультирование» (2004 г.), Бондаренко В. И., Березутский Ю. В., Кривоносова Л. А., Сидорова Н. П. «Рекомендации по методике социального проектирования» (2006 г.), Кривоносова Л. А. «Социология управления» (2007 г.), Щербатый В. С. «Занятость молодежи и ее регулирование» (2008 г.), Кривоносова Л. А. «Управление качеством социальных процессов» (2008 г.), Толкачева Е. В. «Социология социальной работы» (2009 г.), Березутский Ю. В., Кривоносова, Л. А., Сидорова Н. П. «Технологическое обеспечение научно-исследовательской работы по направлению подготовки «Социология» (2010 г.). Все учебные пособия получили гриф различных методических объединений.

Методическое обеспечение учебного процесса стало во многом успешным благодаря сотрудничеству ДВАГС и кафедрой социальной работы и социологии с профессиональными сообществами и вузами страны. Примером может служить членство в учебно-методических объединениях вузов страны по подготовке специалистов в области социологии и социальной антропологии на базе социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (руководитель – доктор социологических наук, профессор Г. В. Осипов), по подготовке специалистов социальной работы на базе Российского государственного социального университета (руководитель – доктор философских наук, профессор В. А. Никитин). Плодотворное взаимодействие осуществлялось и с Российской академией государственной службы при Президенте РФ, с кафедрой социологии, социологическим центром и диссертаци-

ционным советом, что стало возможным благодаря доктору философских наук, профессору В. Э. Бойкову. Постоянные научно-методические и исследовательские контакты осуществлялись со школой гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (руководитель – кандидат исторических наук П. А. Щербина).

В рамках основной образовательной программы на кафедре на различных условиях выполнены 37 исследований, в том числе: «Детерминанты формирования трудовой мотивации молодых специалистов с высшим гуманитарным образованием в г. Хабаровске» (2013 г.), «Социальный потенциал молодых семей и его реализация в современных условиях (на примере Бичевского сельского поселения района им. Лазо)» (2013 г.), «Социологическое сопровождение оценки качества социальных услуг, оказываемых специализированными учреждениями (на примере центра оказания помощи населению в Северном округе г. Хабаровска)» (2014 г.), «Социологическое сопровождение оценки качества социальных услуг, оказываемых специализированными учреждениями (на примере центра оказания помощи населению в Северном округе г. Хабаровска)» (2015 г.), «Миграционные установки молодежи Хабаровского края», «Социологическое сопровождение реализации государственной федеральной программы «Соотечественники» в Хабаровском крае» (2015 г.), «Повышение престижа технического образования» (2015 г.), «Местное сообщество как фактор социально-экономического развития (на примере сельского поселения им. Полины Осипенко)» (2007 г.), «Повышение электоральной активности молодежи Хабаровского края: проблемы и пути решения: социологический анализ» (2008 г.), «Профессиональная деформация личности сотрудников уголовно исполнительной системы (на примере исправительной колонии № 12 УФСИН России по Хабаровскому краю)» (2008 г.), «Формирование социально ориентированного малого бизнеса в городе Хабаровске» (2010 г.), «Роль информационного обеспечения в развитии общественных молодежных организаций» (2010 г.), «Имиджевая политика Хабаровского регионального телеканала 6 ТВ», (2010 г.).

Исследования проводились при непосредственном участии студентов, результаты исследования находили свое отражение в научных статьях, докладах и выступлениях на научно-практических конференциях, в выпускных квалификационных работах. Также студенты под руководством преподавателей принимали участие в общественно и научно значимых мероприятиях и являлись призерами на международных, всероссийских и межрегиональных студенческих научных конкурсах и олимпиадах.

Заключение

Становление и развитие социологии в советском и постсоветском дальневосточном макрорегионе осуществлялось на базе Хабаровской высшей партийной школы и Дальневосточной академии государственной службы, как ведущих научно-образовательных учреждений. За этот более чем полувек период региональная социология прошла путь от группы социологических исследований на общественных началах до выпускающей кафедры и подготовки квалифицированных социологов, организации и проведения крупных исследовательских проектов. Подготовка профессиональных социологов, равно как и социологическое обеспечение других специальностей и направлений подготовки студентов, были востребованы в регионе и за его пределами как структурами органов власти всех уровней, так и организациями различных форм собственности.

Изучение социологических дисциплин в управленческом вузе направлено на повышение конкурентоспособности будущих чиновников и менеджеров, оно формирует навыки анализа ситуации в обществе и его сегментах, способствует формированию управленческой культуры у будущих специалистов и руководителей, положительно сказывается на процессах гражданского воспитания. С учетом современных геополитических реалий социологически образованный управленец – это руководитель, обладающий наукоемкими технологиями, способный ориентироваться в меняющихся обстоятельствах и творчески решать поставленные задачи. Это позволит ему оказывать эффективное влияние на формирование позитивного общественного мнения и защиту традиционных ценностей российского общества.

Список источников:

1. Байков, Н. М. Социология на Дальнем Востоке: становление и развитие // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 82–85. EDN: IQFUBJ
2. Бондаренко, В. И. История становления и развития социологии на Дальнем Востоке // Научный ежегодник. 2008. № 6. С. 62–74.
3. Опыт социологических исследований на Дальнем Востоке / ред. Г. С. Хохлюк; Дальневосточный научный центр, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Хабаровск – Владивосток, 1974. 304 с.
4. Социология в СССР: в 2-х томах / Под. ред. Г.В. Осипова. М.: Мысль, 1966. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6037
5. Чесноков, С. В. Социальные измерения вопросов и ответов (о книге Д.М. Рогозина «Когнитивный анализа опросного инструмента») // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 147–168. EDN: PZQLLB

References:

1. Baikov, N. M. (2008) Sociology in the Far East: Formation and Development *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], no. 6, pp. 82–85. EDN: IQFUBJ (in Russ.).
2. Bondarenko, V. I. (2008) History of Formation and Development of Sociology in the Far East *Nauchnyy yezhegodnik* [Scientific Yearbook], no. 6, pp. 62–74 (in Russ.).
3. Experience of Sociological Research in the Far East / ed. G. S. Khokhlyuk; Far Eastern Scientific Center, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. Khabarovsk-Vladivostok, 1974. 304 p. (in Russ.)
4. Sociology in the USSR: in 2 volumes / Ed. G. V. Osipov. M.: Mysl, 1966. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6037 (in Russ.)
5. Chesnokov, S. V. (2002) Social dimensions of questions and answers (about the book by D. M. Rogozin “Cognitive analysis of the survey instrument”) // Sociological journal, no. 2, pp. 147–168. EDN: PZQLLB (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 11.03.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 11.03.2024.

Информация об авторах

Л. А. Кривоносова – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

В. И. Бондаренко – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the authors

L. A. Krivonosova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Russian Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

V. I. Bondarenko – Candidate of Sociology, Associate Professor.

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2024 г. № 3 (108)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 12.10.2024 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 22,0

Учетн.-изд. л. – 24,0

Тираж – 500 экз.

Заказ № 11.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
